

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2020

Том 20
Выпуск 1

Оксана Коваль,
Екатерина Крюкова
Хайдеггер
как литературный персонаж. Ч. I

Татьяна Рябушкина
«Жизнь есть знание»: С.Л. Франк
и западноевропейская
трансцендентальная традиция
осмысления феномена жизни

Вячеслав Васечко
Наука
под патронажем кесаря-политарха

Наталья Смутькина
Символические образы
международных отношений
в сознании российских граждан:
политико-психологический анализ

Александр Саленко
Философия свободы
мирных собраний
в конституционных принципах
России и Германии

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 20

Выпуск 1

Екатеринбург – 2020

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, зав. кафедрой философии и политологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Ань ЦИНЯНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЬЯНОВ**, врио директора Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 года. В 1999–2018 годы выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 года журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России». Т. 1. «Газеты и журналы» 43669.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 20

Issue 1

Yekaterinburg 2020

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** – Ural Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **An QINIAN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Yuri PIVOVAROV** – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal is included into the List of leading research journals for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS); it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

Founder and Publisher:

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

The journal is published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal is published under the title "Antinomies". Subscription index in the United catalog "Press of Russia". Vol. 1. "Newspapers and Journals" 43669.

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.
(The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 05, 2019)

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)
Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620137.
Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru
Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Коваль О.А., Крюкова Е.Б.

Хайдеггер как литературный персонаж. Часть I7

Рябушкина Т.М. «Жизнь есть знание»: С.Л. Франк

и западноевропейская трансцендентальная традиция
осмысления феномена жизни35

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Васечко В.Ю. Наука под патронажем кесаря-политарха69

Смулькина Н.В. Символические образы

международных отношений в сознании российских граждан:
политико-психологический анализ89

ПРАВО

Саленко А.В. Философия свободы мирных собраний

в конституционных принципах России и Германии 117

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- O. Koval, E. Kriukova.**
Heidegger as a fictional character. Part I7
- T. Ryabushkina.** “Life is knowledge”: S. Frank
and West European transcendental tradition of understanding
the phenomenon of life35

POLITICAL SCIENCE

- V. Vasechko.** Science under caesar-politarch's patronage69
- N. Smulkina.** Symbolic images of international relations
in consciousness of Russian citizens:
political-psychological analysis89

LAW

- A. Salenko.** Philosophy of freedom of peaceful assembly
in constitutional principles in Russia and Germany.....117

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Коваль О.А., Крюкова Е.Б. Хайдеггер как литературный персонаж. Ч. I. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10101 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 7–34.

УДК 101.9

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10101

ХАЙДЕГГЕР КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ. ЧАСТЬ I¹

Оксана Анатольевна Коваль

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, религиоведения и педагогики Русской христианской гуманитарной академии, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ox.koval@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4718-6669

ResearcherID: Q-6650-2018

ScopusID: 57201359595

SPIN-код: 6561-2067

Екатерина Борисовна Крюкова

кандидат философских наук, старший научный сотрудник филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Социологического института РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: kriukova.jr@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6585-4611

ResearcherID: AAI-1483-2020

ScopusID: 57210125630

SPIN-код: 9287-6060

*Статья поступила 26.08.2019, принята к печати 01.10.2019,
доступна online 06.04.2020*

¹ Статья написана в рамках проекта РФФИ № 18-311-00268 «Поэтика философского мышления: культурная парадигма модерна и современные тенденции».

Работа посвящена литературной рецепции наследия Мартина Хайдеггера, одного из наиболее авторитетных мыслителей XX в., чья жизнь и творчество до сих пор вызывают пристальный интерес как профессионального сообщества, так и самой неадаптированной аудитории. После обнародования «Черных тетрадей» сотрудничество Хайдеггера с нацистской властью в 1933 г. больше не кажется досадным эпизодом, который можно списать на политическую близорукость. Зависимость хайдеггеровских взглядов от коллективных умонастроений и общественных предрассудков – задолго до того, как стать предметом философского разбирательства, – попадает в фокус внимания писателей и поэтов. В калейдоскопе литературных произведений, освещаемых в статье, личность философа раскрывается порой весьма неожиданным образом. С одной стороны, ставшие привычными идеи и понятия фундаментальной онтологии приобретают в художественном преломлении новое звучание и оригинальное критическое осмысление. С другой стороны, и факты биографии Хайдеггера органично включаются в общий контекст литературной рефлексии, не склонной проводить различие между поступками и теориями. Репрезентируемая данной статьей первая часть работы преследует несколько целей: 1) обосновать правомерность искусства слова выносить суждения о сложных философских построениях – на материале текстов, где присутствуют реминисценции известных хайдеггеровских тем (привлекаются сочинения С. Лема, С. Беллоу, Ж. Амери, Ж.-П. Сартра, О. Паса, Г. Бенна, Р. Кено, Б. Грабала, Т. Ружевица); 2) воспроизвести биографический срез философии Хайдеггера через призму различных литературных опытов (К. Магрис, А. Скидан, Х. Семпрун, Д. Бартельми), ретроспективно охватывая период его жизни с момента рождения до получения должности ординарного профессора во Фрайбургском университете; 3) продемонстрировать эпистемологический ресурс изящной словесности, которая, совмещая в едином нарративном спектре ментальное, вербальное, темпоральное, а также интрасубъективное и политическое измерения, дает не только многоплановый портрет мыслителя в культурно-исторических декорациях его эпохи, но и представление об изменениях общего духовного климата, вызванных социальными сдвигами в послевоенном мире. *Ключевые слова:* искусственный интеллект, гностицизм, информация, смыслообразование, коммуникация, компьютерное моделирование, трансценденция, категорический императив, творчество, самопознание, цифровая реальность.

Ключевые слова: Хайдеггер, литературный персонаж, художественная литература, философия, нарратив, интертекст.

...Литература (если говорить только о ней) основной своей целью всегда имела единственно вскрыть, представить словами то, что ускользает от всякого представления, то, что забывается.

Жан-Франсуа Лиотар

Появление в 2014 г. «Черных тетрадей» Мартина Хайдеггера, вызвавшее в интеллектуальных кругах новую волну дебатов относительно чистоты мышления одного из самых крупных философов XX в., так или иначе требует пересмотра всего хайдеггеровского наследия – независимо от того, какая исследовательская позиция при этом отстаивается. Разброс мнений колеблется меж двух крайностей: от полного оправдания (нередко принимающего форму игнорирования саморазоблачительных текстов) до непримиримого осуждения. Принципиальным критерием здесь оказывается вопрос о возможности разграничения фактической судьбы и творческого пути, индивидуальных убеждений и претендующей на всеохватность философской системы, чело-

века и его мысли. Для антисемитизма Хайдеггера, который, по словам Нанси, никогда не был секретом, после опубликования «Черных тетрадей» возникла перспектива перерасти из неприглядного личного предрассудка в теоретический концепт, способный нивелировать ценность едва ли не наиболее влиятельного учения прошлого столетия (Нанси 2015: 163, 165).

Философские баталии, разворачивающиеся, как правило, в поле отвлеченного умозрения, крайне редко получают широкое освещение в прессе. Однако случай Хайдеггера стал исключением. СМИ большинства стран мгновенно отреагировали на скандальный характер дневниковых записей немецкого мыслителя, и сегодня его репутация в сознании среднестатистического европейца безнадежно подорвана. Такой исход Хайдеггер вряд ли мог предвидеть, заблаговременно готовя к выходу в свет свои заметки 1933–1947 гг., которые должны были увенчать полное собрание сочинений. Ученый мир в противоположность журналистам не торопится выносить однозначное решение на сей счет: хотя страсти, разгорающиеся в спорах между защитниками и критиками Хайдеггера, достигают порой невиданного эмоционального накала, вычеркнуть целый пласт истории мышления, инспирированного идейной программой фундаментальной онтологии, довольно сложно.

Художественная литература чужда как злободневности медиа, силящихся ухватить только настоящий момент, так и основательности философских прозрений, притязающих на знание вечных истин. Ее преимущество заключается, с одной стороны, в том, что, не ограничиваясь рамками строгих импликаций, она способна предложить альтернативные версии происходящего, а с другой – что, будучи чуткой к настроениям времени, она при этом не скована ни индивидуальным, ни коллективным авторитетом и, оставаясь вымыслом, вправе оспаривать у реальности монополию на истинность. Взглянуть на Хайдеггера как на литературный персонаж тем более интересно, что фиктивные – а иногда откровенно фантастичные – обстоятельства высвечивают некоторые стороны его личности и творчества, которые прежде ускользали от внимания исследователей, а сегодня получили достоверное подтверждение. Прозорливость изящной словесности в «деле Хайдеггера» легитимирует данную попытку представить образ, судьбу и труды мыслителя в интертекстуальной ретроспективе художественных произведений.

I. Главное обвинение, которое литература практически в ультимативной форме предъявила Хайдеггеру много раньше публикации дискредитирующих его материалов, наиболее отчетливо было сформулировано Станиславом Лемом. Сочетающий научную аргументацию и житейскую правоту приговор философу польский писатель вынес в своем эссе «Провокация» (1980), которое написано как рецензия на несуществующую книгу «Народодубийство» несуществующего немецкого ученого Хорста Асперника. Вымышленный опус посвящен теме Холокоста, которую автор рассматривает не с этической точки зрения, а как антрополог – отыскивая предпосылки и истинные мотивы возникновения нацизма с узаконенной им индустрией смерти. Под маской педантичного исследователя Лем вскрывает несостоятельность трех наиболее распространенных версий объяснения немецкого национал-социализма: «гангстерскую», которая

уподобляет всех приверженцев этой идеологии преступникам, «социально-экономическую», связывающую успех фашистской партии в Германии с плачевным состоянием, в котором оказалась страна после поражения в Первой мировой войне, и «нигилистическую», которая усматривает в судьбе немецкого народа предначертанное ему стремление к саморазрушению и демонизирует персону Гитлера. В качестве альтернативы Асперникус предлагает теорию, основывающуюся на идее вытеснения феномена смерти из культурного пространства европейской цивилизации, что в определенный исторический момент вызывает экспансию танатоса, сопровождаемую всплеском ничем не оправданного насилия.

Свое разбирательство выдуманной автор предпринимает не морализаторства ради, а ввиду необходимости осмыслить новое явление в современном мире – неофашизм. Это движение начинается с того, что отрицает существование смертоносного конвейера, апеллируя к ненадежности свидетельских показаний, объявляя неподлинными вещественные доказательства геноцида, прикрываясь надуманным предлогом о сговоре государств-победителей против проигравшей державы. Асперникус не желает редуцировать подобные провокационные лозунги к психической невменяемости провозглашающих их и потому обращается за помощью к философии. И здесь – то как раз в литературной мистификации Лема возникает фигура Хайдеггера: «Наш автор упрекает его не в принадлежности к нацистской партии, из которой он вскоре вышел; в тридцатые годы – и это Асперникус считает смягчающим обстоятельством – кровавое будущее нацизма было не так уж легко угадать. Ошибки простительны, если они ведут к отказу от ошибочных взглядов и к поступкам, которые отсюда следуют. Автор называет себя в этом отношении минималистом. Он не утверждает, что Хайдеггер или кто-то другой в его положении обязан был выступить в защиту преследуемых, а иначе, мол, он заслуживает осуждения за недостаток мужества: не каждый рождается героем. Дело, однако, в том, что Хайдеггер был философом. А тот, кто занимается природой человеческого бытия, не может молча пройти мимо преступлений нацизма. Если бы Хайдеггер счел, что они относятся к “низшему” уровню бытия, то есть носят чисто уголовный характер, выделяющийся единственно степенью, в которую их возвела мощь государства, и заниматься ими ему не пристало по тем же самым причинам, по каким философия не исследует уголовные убийства, ибо ее предмет далек от предмета криминалистики, – если, повторяем, Хайдеггер счел именно так, он либо слепец, либо обманщик. Тот, кто не видит внекриминального значения преступлений нацизма, умственно слеп, то есть глуп; а какой из глупца философ, хотя бы он мог даже волос расщепить натрое? Если же он молчит, чтобы не говорить правды, он изменяет своему призванию. В обоих случаях он оказывается пособником преступления, разумеется, не в замысле и выполнении, такое обвинение было бы клеветой. Пособником он становится как попуститель, пренебрежительно отмахиваясь от преступления, объявляя его несущественным, отводя ему – если вообще отводя – место где-то в самом низу иерархии бытия. <...> ...тот, кто занимается человеческим бытием, не может исключить из порядка этого бытия массовое человекоубийство» (Лем 2010: 16-18).

На фоне привычных нареканий, которым Хайдеггер подвергался за добровольное вступление в ряды НСДАП, вердикт Лема звучит беспощадно: «либо слепец, либо обманщик». Будь Хайдеггер поставлен перед таким выбором, он бы не захотел согласиться с первым, поскольку не сомневался в собственной правоте, а допустить второе – значило бы бросить тень на истинность своего учения. Однако, если философ приписывал злодеяния Третьего рейха глобальной нигилистической тенденции всемирной истории, исследование бытия, которое намеренно уклоняется от упоминания нацистской практики истребления, действительно грешит против достоверности. По прошествии времени можно с определенной долей уверенности констатировать, что Хайдеггер не считал современников способными постичь его философию; уповая на потомков, он и отсрочил издание своих Тетрадей. Его ожидания не оправдались. Мир радикально изменился, но вовсе не в том направлении, которое предрекал Хайдеггер: сегодня путь фундаментализма и единственно верной истины, пускай бы это была сама истина бытия, скорее в состоянии насторожить цивилизованное сообщество, нежели убедить его. Молчание Хайдеггера, который – в отличие от многих раскаявшихся ученых – предпочел никак не комментировать своей вовлеченности в политические реалии 30–40-х гг., конечно, не прошло в философии бесследно. Первой громкой работой, произведшей настоящую сенсацию в философской среде, стала книга Виктора Фариаса «Хайдеггер и нацизм» (Farías 1987)¹. Изначально написанная по-французски, она вскоре была переведена на основные европейские языки. Бурная полемика вокруг этого тщательно проведенного разыскания, в которой принимали участие такие видные мыслители, как Гадамер и Левинас, Деррида и Ваттимо, главным образом велась по поводу выдвинутой Фариасом гипотезы, что приверженность Хайдеггера фашистской демагогии глубоко укоренена в его философии, от начала и до конца пронизанной реакционным духом, и что «Бытие и время» (1927) выступает своего рода предуготовлением будущей идеологии национал-социализма. Хотя столь резкие заявления не слишком способствовали серьезному углублению в концептуальные основания политической позиции бывшего фрайбургского ректора, они, безусловно, дали ход его «делу»². Но ни один философский текст не был так безапелляционен в предъявленном Хайдеггеру иске, как художественный текст Станислава Лема.

¹ Обнародованные в ней документы, найденные Фариасом в архивах ГДР и ФРГ, и интервью с очевидцами вскоре получили дополнительное подкрепление в виде новых свидетельств, изложенных в монографии Хуго Отта «Мартин Хайдеггер. На пути к биографии» (Ott 1988) и в сборнике Бернда Мартина с красноречивым названием «Мартин Хайдеггер и Третий рейх» (Berndt 1989).

² Ряд значимых высказываний, затрагивающих проблему созвучия хайдеггеровского опыта мышления национал-социалистическим умонастроениям его эпохи, к началу XXI в. стал довольно внушительным. В числе наиболее репрезентативных из переведенных работ можно упомянуть следующие: (Хабермас 1989; Лаку-Лабарт 1996; Бурдые 2003; Адорно 2011). Лиотар в своей книге 1988 г., хотя и отрицает связь между «Бытием и временем» и последующими (нереализованными) политическими амбициями Хайдеггера, клеймит его послевоенное запирательство (Лиотар 2014).

II. Закономерно встает вопрос: а может ли литература вообще судить о вещах философии? Имеются ли у нее для этого необходимые компетенции? Знакомство писателей XX в. с умозрительными построениями Мартина Хайдеггера не покажется поверхностным, если обратиться к тем эпизодическим упоминаниям идей философа, которые встречаются в произведениях изящной словесности. И хотя такие явные и неявные отсылки по большей части фрагментарны, общая картина, складывающаяся в единый коллаж, свидетельствует об основательности и адекватности усвоения хайдеггеровской мысли литературным дискурсом. Самый значительный труд Хайдеггера «Бытие и время» обретает в лице некоторых беллетристов читателей не только внимательных, но и требовательных. Среди писем, которые герой романа Сола Беллоу «Герцог» (1964) пишет бесчисленным корреспондентам – живым и умершим, знакомым и малознакомым, знаменитым и никому не известным, дабы привнести видимость порядка в свою окончательно запутавшуюся жизнь, есть и гневное послание, адресованное Хайдеггеру: «Уважаемый доктор-профессор Хайдеггер, мне бы хотелось знать, какой смысл Вы придаете словам “заброшенность в повседневное”? Когда это случилось? Где мы были, когда это произошло?» (Беллоу 1991: 54).

Изобретение нового категориального аппарата, который Хайдеггер вводит в «Бытии и времени», чтобы максимально дистанцироваться от традиционного способа философствования и наполнить формальные понятия экзистенциальным содержанием, оборачивается против него, поскольку, сделав ставку на словарь не науки, а самой жизни, он вполне логично получает в ответ упрек в оторванности от нее. Жан Амери, пронзительный голос немецкоязычной литературы о Холокосте, выступает против введенной Хайдеггером онтологической дифференции и, опираясь на собственный трагический опыт, который с гораздо большим основанием позволяет ему говорить от имени «подлинной фактичности», уличает философа в неправомерном смешении метафизических спекуляций с не укладывающейся в мыслительные схемы правдой реальности: «Порой на ум приходил недобрый алеманнский маг, говоривший, что сущее открывается человеку только в свете бытия, но из-за последнего он забывает первое. Значит, бытие, так-так. Но в лагере еще явственнее, чем на воле, виделось, что ни сущее, ни свет бытия ни на что не годятся. Ты мог *быть* голодным, *быть* усталым, *быть* больным. Но говорить, что ты *есть* вообще, было бессмыслицей. А уж *бытие* вообще превращалось в безотносительное и потому пустое понятие» (Амери 2015: 45)¹.

¹ Когда Амери в предисловии к переизданию своего труда, предостерегая исследователей от поиска компромиссных решений в вопросе возникновения авторитарной мысли и практики, настаивает: «Чистейшая бессмыслица – утверждать, будто истоки того, что обозначают символическими кодами “Освенцим” и “Треблинка”, заложены в истории немецкого духа еще начиная с Лютера и тянутся дальше к Клейсту, а затем к “консервативной революции” и, наконец, к Хайдеггеру, то бишь говорить о “немецком национальном характере”» (Амери 2015: 8), – он словно бы предупреждает аргументацию Донателлы ди Чезаре из книги «Хайдеггер, евреи, Шоа» (2014), написанной вскоре после обнародования «Черных тетрадей», где в обоснование латентных мотивов хайдеггеровского антисемитизма выстраивается длинная вереница гениальных предшественников. Однако, несмотря на уничижи-

С другой стороны, Жан-Поль Сартр, чья инициация как в философию, так и в литературу состоялась под влиянием Гуссерля и Хайдеггера, в своем первом и самом знаменитом романе «Тошнота» (1938), создававшемся параллельно с дебютной философской работой «Воображение» (1936), именно в витальной наполненности хайдеггеровского «бытия», где акцент с сущности смещен на существование, с субстанциальной данности – на процессуальность, с *что* – на *как*, открывает для себя действенный принцип новой онтологии. Протагониста его романа, молодого человека, с головой погруженного в свои исторические изыскания, но в последнее время одолеваемого тягостным ощущением неизбывной скуки, неожиданно настигает озарение высшего порядка, в котором явственно ощущается след ключевой философы Хайдеггера: «У меня перехватило дух. Никогда до этих последних дней я не понимал, что значит “существовать”. Я был как все остальные люди, как те, что прогуливаются по берегу моря в своих весенних одеждах. Я, как они, говорил: “Море – зеленое, а белая точка вверху – это чайка”, но я не чувствовал, что все это существует, что чайка – это “существующая чайка”. Как правило, существование прячется от глаз. Оно тут, оно вокруг нас, в нас, оно МЫ САМИ, нельзя произнести двух слов, не говоря о нем, но прикоснуться к нему нельзя. Когда я считал, что думаю о нем, пожалуй, я не думал ни о чем, голова моя была пуста, а может, в ней было всего одно слово – “существовать”. Или я мыслил... как бы это выразиться? Я мыслил категорией ПРИНАДЛЕЖНОСТИ. Я говорил себе: “Море принадлежит к группе предметов зеленого цвета, или зеленый цвет – одна из характеристик моря”. Даже когда я смотрел на вещи, я был далек от мысли, что они существуют, – они представляли передо мной как некая декорация. <...> Если бы меня спросили, что такое существование, я по чистой совести ответил бы: ничего, пустая форма, привносимая извне, ничего не меняющая в сути вещей. И вдруг на тебе – вот оно, все стало ясно как день; существование вдруг сбросило с себя свои покровы. Оно утратило безобидность абстрактной категории: это была сама плоть вещей...» (Сартр 2000: 156)¹.

тельную критику, которую зачастую возводят к юношеской увлеченности Амери идеями Венского кружка, австрийский интеллектуал достаточно высоко оценивал раннюю философию Хайдеггера, возражая против сведения ее к «теоретическому оправданию фашистской политики» (Améry 1961: 196). И хотя в подготовленном в 1968 г. докладе для радио «Они оставались в Германии» он подвергает заметку Хайдеггера «Творческий ландшафт: почему мы остаемся в провинции?» (1933) обстоятельному разбору на предмет присутствия в ней отзвуков идеологии крови и почвы, все же для Амери национал-социализм автора «Бытия и времени» носит «провинциально-рессентиментный» и «мелкобуржуазный» характер (Améry 2004). Здесь и далее выдержки из иностранных источников приводятся в переводе авторов статьи. – *Ред.*

¹ Складывается впечатление, что даже развитие сюжета в романе Сартра воспроизводит мыслительные ходы, целенаправленно прокладываемые Хайдеггером в его лекционном курсе 1929–1930 гг. «Основные понятия метафизики: мир – конечность – одиночество»: глубинная скука, пустое время, встреча с бытием, ужас ничто, решимость и осознание свободы как своей бытийной возможности. Впрочем, вести речь о заимствованиях в данном случае не приходится, поскольку Сартр не мог ни слышать эти лекции, ни видеть их опубликованными.

Правда, это открытие не приносит герою, Антуану Рокантену, благодарного чувства причастности и включенности в общий круг бытия, для которых Хайдеггер подбирает специальное выражение – *Existenzfreudigkeit*, радость существования. Напротив, он осознает равнодушие и обособленность безличного мира вещей и на этом фоне болезненно переживает свою в нем неуместность. Отсюда приступы тошноты как свидетельства собственного бессилия что бы то ни было изменить и закономерный вывод об абсурдности человеческой жизни. Это едва намечившееся в романе расхождение с Хайдеггером оформится впоследствии в самостоятельную философскую концепцию, изложенную Сартром в трактате «Бытие и ничто» (1943), где обреченный на свободу человек (ничто) будет противопоставлен миру в себе (бытию).

Ту же интуицию незавершенности человеческого существования, его свободы как возможности творить себя самого развивает и Октавио Пас, но извлекает ее из другого хайдеггеровского текста, предположительно из доклада «Что такое метафизика?» (1929), прочитанного его автором при вступлении в должность профессора философии Фрайбургского университета. В эссе «Явленная тайна» (1967) мексиканский поэт пытается обнаружить причину принципиального разногласия религии и поэзии – как уникальных способов священнодействия, которые позволяют совершить «преображение собственной природы во имя возвращения к истинной природе» (Пас 2000: 265). Он приходит к выводу, что религия, избавляя нас от смерти, избавляет нас и от жизни, поскольку они неразрывно связаны друг с другом. Тогда как «излучающее время поэтическое слово разом утверждает и жизнь, и смерть» (Пас 2000: 277). Эту двойственность нашего состояния Пас выводит из идеи Хайдеггера о нераздельности бытия и ничто: «Жизнь и смерть, бытие и ничто не субстанции и не какие-то вещи, которые живут сами по себе. Утверждение и отрицание, полнота и недостаточность в нас сосуществуют. Они и есть мы. Бытие предполагает небытие и наоборот. Несомненно, именно это хотел сказать Хайдеггер, когда говорил, что бытие произрастает или всплывает из переживания ничто. Действительно, как только человек обращается к самому себе, он замечает, что погружен в мир безразличных вещей, да и себе самому он представляется не более чем беспорядочно кружащейся и уносимой течением вещью. Вещи и мир оттого лишаются смысла, что человек, наделяющий их смыслом, внезапно осознает, что у его жизни только один смысл – смерть» (Пас 2000: 279-280).

III. В предчувствии надвигающейся смерти другой великий поэт, Готфрид Бенн, в свое время, как и Хайдеггер, покоренный лозунгами национал-социалистов, но быстро от них отрекшийся и не в пример философу поплатившийся за это¹, сочиняет стихотворение «Досадно» (1953), где перечисляет удручающие события повседневности, последнее из которых грозит превзойти остальные:

¹ Уже с 1934 г. нацисты стали громогласно клеймить Бенна в прессе, в результате чего он был исключен из союза врачей, а вскоре и из союза писателей. Запрет публиковаться, наложенный гитлеровской властью, после окончания войны не был снят ввиду обратных обвинений – в пособничестве фашизму.

Но досаднее всего,
когда умираешь в любое время года, кроме лета,
когда везде свет
и лопате земля не в тягость¹.

Эти заключительные строки звучат тем горше, чем зауряднее прочие неприятности, упоминаемые в стихе: английский детектив при незнании языка, отсутствие денег на пиво в жаркую погоду, обременительная обязанность идти в гости. Есть среди авторских ламентаций и ироничный намек на Хайдеггера – плохо, сокрушается Бенн, «когда новую мысль / не запакуешь в гельдерлиновский стих, / по примеру профессоров» (Бенн 2008: 203). То, что здесь имеется в виду Хайдеггер, во-первых, подтверждает слава философа как создателя революционного и новаторского учения, по сравнению с которым все прочие концепции выглядят традиционными и чуть ли не старомодными. Во-вторых, в пользу подобной трактовки говорит то, что «поворот» в хайдеггеровском мышлении знаменуют лекции о гениальном романтике (одной из первых послевоенных книг Хайдеггера также стали «Разъяснения к поэзии Гельдерлина» (1951), выходящие уже расширенным изданием). С 1949 г. опальный профессор, которому тогда еще было запрещено преподавать в университете, начал выступать с докладами перед широкой публикой. Бенн, чье мнение о Хайдеггере было неоднозначным, проявлял любопытство к этим выступлениям². Вдобавок год, которым датируется стихотворение Бенна, оказался отмечен шумной журналистской кампанией против Хайдеггера, который опубликовал свои лекции «Введение в метафизику» 1935 г., но, вместо того чтобы вычеркнуть оттуда одиозный пассаж о «внутренней истине и величии» национал-социалистического движения, уточнил, в чем они заключаются³.

Когда Бенн в мае 1952-го прочитал в журнале «Меркур» недавно транслировавшийся по радио доклад Хайдеггера «Что зовется мышлением?», где обыгрывается гельдерлиновская строка «Мы знак, без значенья»⁴, он отозвался о нем так (письмо от 07.07.1952): «...много шума из ничего, в котором интерес представляет лишь подчеркивание и отсылание к этому самому ничто» (Benn, Oelze 2016: 136). По его словам, Хайдеггер в данной работе явил себя «во всей своей нелепости и гениальности» (Benn, Oelze 2016: 136). Чуть

¹ (Бенн 2008: 203).

² См. об этом: (Сафрански 2002: 512-513). Хайдеггер, со своей стороны, стремился сблизиться с Бенном, хотя лично они так и не познакомились. В разговоре с эссеистом и критиком Эгоном Вьеттой, многолетним корреспондентом Бенна и одновременно большим почитателем Хайдеггера, последний якобы сказал, что бенновские понятия «форма» и «стиль» имеют определенное отношение к тому, что сам он называет «истиной» (Vietta 2016: 275).

³ Об этом эпизоде см. послесловие немецкой издательницы Петры Йегер: (Хайдеггер 1998: 296-298).

⁴ Воспроизведен в собрании сочинений, см.: (Heidegger 2000). Необычную интерпретацию хайдеггеровского использования данной строфы Гельдерлина в одноименных лекциях 1951–1952 гг. предлагает Жак Деррида, см.: (Деррида 2006).

позже Бенн выскажется о Хайдеггере и публично – в своем эссе «Старость как проблема художника» (1953), и, хотя здесь он тоже не упоминает мыслителя по имени, нет сомнений, что поэт полемизирует именно с ним, причем его возражения вызваны теорией искусства, выведенной в общих чертах в хайдеггеровском «Истоке художественного творения» (1936): «...когда большой философ пишет, что искусство есть “вхождение истины в творение” – что это опять-таки за истина? Истина из эскизов и набросков, из ручного производства, или истина скорее лишь упоминается, чтобы представить заглавные буквы философии, поскольку в искусстве речь об истине не идет, речь идет о выражении» (Бенн 2015: 443). Для позднего Бенна вопросы назначения поэзии не досужие рассуждения. Продолав огромный творческий путь, он достиг собственного понимания задачи искусства – как стремящейся к совершенству попытки выразить невыразимое. Поэтому его возмущение современными философами (единственный, для кого Бенн делает исключение, – Витгенштейн с его тезисом «Границы моего языка означают границы моего мира») столь категорично, и особенно достается Хайдеггеру, притязавшему на знание истины: «Онтология – где это самое бытие, кроме как на моих картинах, и что там все время с вещами? Вещи возникают потому, что их признают, то есть формулируют, пишут на холсте, а если их не признают, они исчезают в небытии, лишены сущностного начала. Эти мыслители с их основанием бытия, невидимым никому, лишенным формы и очертаний, сплошь трактаты, сплошь трактатчики... Никто ничего не завершает, не доводит до конца, я должен сам изготавливать свои вещи» (Бенн 2015: 439)¹. В свою очередь, и Хайдеггер счел программный труд поэта «Проблемы лирики» (1951) «плохо написанным» и в целом «абсолютно провальным» (цит. по: Blenskens 2015: 209)².

IV. Казалось бы, хвалебные речи Хайдеггера, возводящие поэзию в статус онтологического откровения, должны были очаровывать в первую очередь художников слова, однако не только Бенн скептически дистанцируется от мыслительно-поэтических экспериментов Хайдеггера. Французский писатель Раймон Кено, признанный виртуоз по части словесных игр, в остроумном романе «Голубые цветочки» (1965) мимоходом поддевает философа, который даже в заглавии сборника своих статей – «Неторные тропы» (1950) – акцентирует внимание на нетривиальности собственных путей. Герой романа, герцог д’Ож, по ходу повествования обнаруживающий себя в различных исторических эпохах, в одном из эпизодов намеревается опробовать эффективность артиллерии, приобретенной им для организации мятежа против французского короля Карла VII. Неожиданно появившийся мамонт не только в мгновение ока уничтожает испытываемое орудие, но и распугивает свиту герцога, оставляя его в полном одиночестве. Тогда герой

¹ Бенн тут идентифицирует себя с живописцем, поскольку в «Истоке художественного творения» Хайдеггер привлекает в качестве примера полотно Ван Гога «Башмаки», что позволяет ему вести разговор о картине как о вещи и постоянно варьировать планы изображенного, фактического и истинного.

² О расхождении взглядов Бенна и Хайдеггера на природу поэзии см.: (Коваль, Крюкова 2019).

ищет способ самостоятельно выбраться из леса: «Без всяких колебаний он определяет тропинку, которая кажется ему самой подходящей, и бодрым шагом идет по ней примерно с час. После чего замечает, что тропинка эта какая-то хайд'егерская» (Кено 2001: 309). Изобретенный Кено эпитет дает понять, что выбранная дорога – это дорога в никуда¹, которая вместо того, чтобы привести к желанной цели, способна лишь дезориентировать всех, кто по ней следует (впрочем, Хайдеггер предупреждал: «Одной из этих троп нельзя идти, если ты не ходил остальными» (Хайдеггер 1993: 242)).

О пролагателе тайных хайдеггеровских маршрутов, Гельдерлине, напоминает и надрывный рассказ чешского классика Богумила Грабала «Волшебная флейта» (1990). Раздающиеся в нем рефреном стенания о богооставленности проникнуты тем пафосом человеческой бесприютности, которым немецкий мыслитель некогда наполнил гельдерлиновский вопрос «Для чего поэты в скудные времена?». Рассказ написан Грабалом 17 января 1989 г. и является откликом на происходившие накануне события, когда попытка горожан возложить цветы на Вацлавской площади в память Яна Палаха² вылилась в гражданское противостояние с властями. Лирический герой, наделенный авторским голосом, воспринимает разгон мирной демонстрации водометами и слезоточивым газом как повторение трагедии 1968-го (никто в эти страшные для Праги дни не мог бы представить, что еще до конца года в стране произойдет бескровная смена политического режима). Разрываясь между безысходностью и надеждой, писатель заклинает собственное неверие: «Однако как это дешево, пан Грабал, повторять за Хайдеггером, что боги покинули этот мир, что сгинули и Геракл, и Прометей; фразы эти, пан Грабал, красиво звучат, но стоят не больше, чем сто граммов зельца за крону двадцать, ибо герр Хайдеггер доказал, что хотя старые боги, быть может, и вправду умерли, но рождаются новые, которым придется заплатить за всё так, как заплатил, отняв себе ухо, Винсент Ван Гог...» (Грабал 2015: 628).

Та же мысль воспроизводится в сочинении Тадеуша Ружевица. Когда польский лирик узнал о самоубийстве Пауля Целана, он написал стихотворение «*Der Tod ist ein Meister aus Deutschland*» (1970)³, в котором опустевшее место старых богов отвел поэтам. Жизнь и смерть Целана увидены здесь из перспективы его взаимоотношений с Хайдеггером, философия которого была для великого немецкого поэта подлинным откровением. Для отчаянного акта Целана, который бросился в Сену, не в силах больше удерживать себя на зыбкой границе, соединяющей мир мертвых с миром живых, Ружевиц находит красивую метафору созревшего плода:

¹ Опубликованный в издательстве «Галлимар» в 1950 г. французский перевод хайдеггеровского сборника вышел под заголовком «*Chemins qui ne mènent nulle part*», что буквально означает «пути, которые никуда не ведут».

² Ян Палах (1948–1969) – национальный герой Чехии, студент философского факультета столичного университета, совершивший самосожжение в качестве протеста против вхождения на территорию Чехословакии советских войск.

³ «Смерть – это мастер из Германии» (нем.); строка взята из знаменитой «Фуги смерти» (1948) Пауля Целана.

а он созрел
упал в разверстый колодец
реки
смерти забвения

в мире
из которого ушли боги
прикоснулся к живой поэзии
и ушел вслед за ними¹.

Манифестированное Хайдеггером сиротство человечества, покинутого трансцендентными богами, в стихах Ружеви́ча усугубляется трагедией посясторонней – гибелью поэтов:

Во времена что настали
после скудных

вслед ушедшим богам
уходят поэты².

Процитированных произведений, должно быть, достаточно, чтобы не отметить с ходу литературные суждения о философии как легковесные и голословные. Даже если порой они грешат слишком пристрастным отношением, все же у литературы нельзя отнять своего рода бессознательной объективности – того, что она непроизвольно отражает и запечатлевает в языке переменчивый дух времени, практически не улавливаемый аналитическим аппаратом философии или любой другой научной дисциплины. По иронии судьбы человек, который возвысил время как бытийное измерение, стал жертвой собственной эпохи, не сумев совладать с текучими смыслами настоящего, поскольку наделил их непреходящим значением. Масштаб мысли Хайдеггера задает в числе прочего и ту требовательность, с которой литература подступает к его личности. Конечно, выводя Хайдеггера в качестве персонажа, изящная словесность чаще отзывается на факты биографии, нежели на спекулятивные построения. Но философия – по крайней мере, в том виде, какой ей хотел придать Хайдеггер, – неотделима от жизни. Вняв хайдеггеровской установке на «понимающее» существование в мире, литература обращает его императив подлинности к нему самому. И констелляция художественных текстов разворачивается здесь как темпоральная панорама конкретной жизненной истории.

V. Начало эта история берет в Мескирхе, провинциальном немецком городке. Будучи расположен в верховьях Дуная, он оказался одним из первых мест в той культурной топографии, которую создал итальянский писатель Клаудио Магрис. Его книга «Дунай» (1986) – грандиозная художественная одиссея по этой реке, объединившей вокруг себя пестрое множество земель, народов, судеб. И каждый географический пункт становится пово-

¹(Różewicz 1991: 39).

²(Różewicz 1991: 40).

дом для рассказа о знаковых людях и событиях, с ним связанных. Прибыв в Мескирх, рассказчик отыскивает дом, в котором родился Хайдеггер; и когда узнает, что в памяти местных жителей он остается в первую очередь сыном ризничего, думает, что философ бы порадовался такой вписанности в народную традицию поколений. «Впрочем, Хайдеггер, неоднократно подчеркивавший свою принадлежность к шварцвальдским крестьянам, осквернил это чувство верности и смирения, эту *religio*. За громким отождествлением с непосредственно окружавшей его общиной людей, с ее лесами, ее говором, с ее очагом, скрывалось стремление получить монополию на подлинность, подобие товарного знака или патента, словно непосредственная близость к своему клочку земли отрицала или игнорировала верность других людей другим клочкам земли и другим родинам... Хайдеггер вряд ли познал смирение пастуха Бытия: сделать это ему не позволяла извечная неосознанная претензия стать главным пастухом, тем, кому поручено управлять Бытием» (Магрис 2016: 63–64)¹.

В «Письме о гуманизме» (1947), тексте, где Хайдеггер стремится вскрыть пустоту привычных представлений о превратно толкуемой человечности, определение «пастух бытия» (кстати, семантически – то же, что и «пастырь») противопоставляется новоевропейскому пониманию субъекта как «господина сущего». Но такое нарочитое умаление немедленно оборачивается превознесением: «В этом “меньше” человек ни с чем не расстаётся, он только приобретает, прикасаясь к истине бытия. Он приобретает необходимую бедность пастуха, чье достоинство покоится на том, что он самим бытием призван к сбережению его истины» (Хайдеггер 1993а: 208). Страстная риторика, типичная для хайдеггеровской манеры рассуждения, не производит должного воздействия на писателя, от которого не укрылась амбициозность оратора. За широтой мыслительного размаха, соизмеряющегося с бесконечными просторами природы, на фоне которых человек – лишь одинокая фигура в пейзаже, для Магриса прячется узость индивидуального кругозора Хайдеггера. Констатируя всеобщую оторванность от бытия, философ утверждает как идеал жизнь в гармонии с природой – вполне в духе современного экологического дискурса. Правда, абсолютной значимостью для него обладает лишь определенный немецкий ландшафт – второй важный топоним его судьбы, горная деревушка Тодтнауберг, затерянная в лесах Шварцвальда, где в маленькой хижине мыслитель проводил много времени. Этот диссонанс и подмечает Магрис: «Подчеркивая связь со Шварцвальдом и его лесниками, Хайдеггер прекрасно осознавал, что во всем мире разворачивается процесс, угрожающий лишить человека корней,

¹ Ср. мнение философа о Хайдеггере: «В поздних работах он неизменно утверждает, что всякое современное понимание нашей исторической ситуации, кроме его собственного, является мелким, что оно неспособно проникнуть в сущность технологии и потому увязает в поверхностных вопросах вроде ядерного взрыва. В этих сочинениях Хайдеггер отказывается считать себя еще одной конечной и случайной частицей *Dasein*, подбирающей инструменты для выполнения разных конечных проектов. Он не желает иметь проектов, воли, а желает быть просто чутким ухом, проводником голоса Бытия» (Рорти 1991: 134).

главного, что связывает каждого с его вселенной. Однако убежденная жестокость, с которой он отстаивал собственную *religio*, обусловила то, что он признавал подлинными только лес, стоящий перед его хижинкой, крестьян, которых он знал по имени, взмах руки, ударяющий топором по стволу, слово на алеманнском диалекте.

Чужие крестьяне, леса, слова, обычаи, всё, что находится за горами и морями, всё, что не потрогаешь и не увидишь, всё, о чем можно узнать опосредованно, из косвенных источников, оставалось для него абстрактным, нереальным, принадлежащим миру идей, словно всё это существовало лишь в сухих цифрах статистики или было придумано демагогической пропагандой, а не было живым и конкретным, из плоти и крови, как сам пастух Бытия, который не мог воспринять это органами чувств и который слышал вокруг себя лишь запах Черного леса.

Досадное увлечение Хайдеггера фашизмом не было случайностью, ибо фашизм, в своем менее гнусном, но не менее разрушительном измерении, подразумевает подобный взгляд на мир: можно считать себя другом соседа по парте и не осознавать, что другие люди также могут быть друзьями собственных соседей по парте» (Магрис 2016: 64-65).

Между тем столь резкие выпады не исключают и положительной оценки жизненного и мыслительного опыта Хайдеггера. Магрис допускает, что разговор об утрате корней не популистский лозунг ностальгирующего ретрограда, а констатация сложившейся исторической ситуации. Сам Хайдеггер, чтобы стать мыслителем мирового ранга, должен был отказаться от религии отцов, от гарантированной поддержки общинного уклада, от приверженности традиции; он должен был лично испытать тоску, бесприютность, заброшенность, ужас, вину, решимость, выведенные в качестве экзистенциальных характеристик *Dasein* в «Бытии и времени». (Хотя рассказчику не удалось проникнуть в дом Хайдеггера, темный коридор, который он смог увидеть в проеме открытой двери, внушил ему чувство, что и детство, прошедшее в этих стенах, было безрадостным.) В том же оправдательном ключе Магрис трактует и хайдеггеровский «вопрос о технике»: «Он ставил всей планете диагноз “технизация” без моралистического пафоса, как и подобает философу, задача которого – запечатлеть с помощью мысли свое время и понять его законы, а не осуждать гнусность своей эпохи. Однако это вовсе не означает, что, как нередко говорят, он способствовал победе техники» (Магрис 2016: 67)¹. В короткой, занимающей чуть более пяти страниц главе итальянский писатель сумел набросать портрет незаурядного человека, сочетающего в себе мощь интеллектуальной интуиции и ограниченность житейских идеалов.

¹ Дитер Томэ в свете «Черных тетрадей», напротив, склонен усматривать в хайдеггеровских медитациях, посвященных технике, прежний антисемитский настрой, который ввиду изменившихся общественных обстоятельств маскируется под тревогу, якобы вызванную порабощением мира техническим «поставом» (*Gestell*). Подобную роль, согласно Томэ, в предвоенной мифологизации истории играл термин *Machenschaft*, «махинация», обозначавший в хайдеггеровской теории заговора еврейский способ обращения с миром (Томэ 2018: 133).

VI. Важной вехой не только биографии Хайдеггера, но и всего европейского мышления стало издание в 1927 г. «Бытия и времени». Благодаря этой книге философ достиг невероятных карьерных высот и повсеместной славы у себя на родине, а главное – вошел в историю западной культуры XX в. в качестве одного из ее бесспорных авторитетов. В отличие от позднего, поэтизированного стиля изложения в своем раннем трактате Хайдеггер задействует достаточно сложные мыслительные и языковые конструкции, выстраивая громоздкие периоды, придумывая собственную понятийную систему, необычно используя этимологии греческих, латинских, немецких слов. Поэтому кажется удивительным, что именно «Бытие и время» так часто попадает в фокус рассмотрения литературы. По сравнению же с философской рецепцией художественному осмыслению данного текста свойственна большая дистанцированность и, как следствие, большая критичность. Петербургский поэт Александр Скидан в стихотворении, датированном январем 1999 г., дает зазвучать голосу самого Хайдеггера, но особенным образом:

в «Бытии и времени» (на странице
163) Х. утверждает:

как словесное озвучание
основано в речи

так акустическое восприятие
в слышании

что же он слышит?

скрипящую телегу
мотоцикл

северный ветер
стук дятла

потрескивание огня
колонну на марше

<в этом месте мы закрываем глаза
И прислушиваемся к сердцебиенью>

<Ханна Арендт шепчущая люблю>

<документальная хроника>

слышание (утверждает он там же)
конститутивно для речи¹.

¹ (Скидан 2008: 120-121).

Эти стихотворные строки большей частью представляют собой прямые цитаты из § 34 «Бытия и времени» – единственного места в тексте, где поднимается проблема языка, которая в поздней философии примет поистине глобальные масштабы. Смысл хайдеггеровской фразы, выступающей зачином стиха, достаточно прост: всякое слово берет начало в речи, а его восприятие – в способности слышать. Адресуя лично Хайдеггеру вопрос, что же тот слышит, Скидан совершает нарочито наивный переход с заданного мыслителем возвышенно-спекулятивного уровня в плоскость обыденности. Перечисление источников шума – тоже примеры Хайдеггера, которые, впрочем, были призваны продемонстрировать, как тесно связаны понимание и слух: мы не слышим разрозненные звуки, а мгновенно осуществляем идентификацию целостного феномена. Однако выбор этих примеров – то, на чем фиксирует свое внимание поэт. В ряд привычных, известных каждому звуков: скрип телеги, рокот мотоцикла, завывание ветра, стук дятла, потрескивание огня – насильственно врывается марширующая колонна. На этом контрасте, который усиливается от того, что в произведении печатающийся шаг строй оказывается замыкающим элементом (тогда как у Хайдеггера он легко вписывается в общий порядок явлений, занимая в нем срединное положение), держится весь поэтический образ. «Прислушивание к сердцебиению» (еще одному источнику звука) насмешливо откликается на рассуждение Хайдеггера, вводящего на той же странице дополнительный онтологический мотив – «прислушивание», которое определяется как «экзистенциальная открытость». И если для философа такое прислушивание обращено на «голос друга» (Хайдеггер 1997: 163), то поэт соединяет его с любовью Хайдеггера к Ханне Арендт¹. Интимный момент сердцебиения, который мог бы стать решающим в жизни мыслителя (раз именно страсть вдохновляла его на написание «Бытия и времени»²), пресекается холодностью и безучастностью документальной хроники. Последние строки, которые также являются тезисом Хайдеггера, прочитываются как упрек самому философу. От того, что ты способен услышать: звук собственного сердца или грохот военизированной колонны, – зависит то, что ты сможешь сказать.

К первому знакомству с программной книгой Хайдеггера не раз возвращался в своих сочинениях, которые в значительной мере автобиографичны, видный французский писатель испанского происхождения Хорхе Семпрун. Бывший узник Бухенвальда, он подчинил литературное творчество трудновыполнимой задаче – свидетельствовать от имени жертв фашизма средствами поэтической прозы, которая, по его мнению, способна превзойти своей правдивостью документально зафиксированные показания. Главный труд Хайдеггера становится для рассказчика испытанием философии на прочность – ее состоятельности перед лицом немислимого

¹ Об этой связи, серьезно повлиявшей на философию обоих, см.: (Villa 1995; Grunenberg 2006).

² В письме Хайдеггера Ханне Арендт от 24 апреля 1925 г. сказано: «Разорванность и отчаяние никогда не смогут породить (zeitigen) нечто подобное тому, что внесла твоя самоотверженная (dienende) любовь в мою работу» (Арендт, Хайдеггер 2015: 26).

кошмара, обернувшегося реальностью. В романе «Писать или жить» (1994), который самим своим названием манифестирует экзистенциальный выбор между мучительной памятью письма и благословенным забвением ради продолжения жизни, Семпрун оценивает «Бытие и время» прежде всего с позиций литератора, казалось бы, внешних по отношению к его содержательной глубине: «Книга Хайдеггера не произвела на меня чрезмерного впечатления. Безусловно, я испытал определенное увлечение, хотя и с некоторой примесью раздражения, вызванного языком философа. Этим блистательным мраком, в котором нужно было найти для себя дорогу, организовывать просветы, так и не достигая никогда окончательной ясности. Вечно неоконченная работа по интеллектуальной расшифровке, становившаяся захватывающей именно из-за своей незавершенности. ...иногда у меня создавалось впечатление, что я делал молниеносные открытия. Впечатление, быстро исчезающее или становящееся неясным, даже опровергнутым моим продвижением в понимание целого, его великолепной пустоты. Иногда я был раздражен до возмущения или прыскал со смеху от бесплодной непроницаемости развития идеи, от эзотерического жаргона, от чисто языковых ухищрений» (Семпрун 2002: 93).

Точно воспроизводя опыт зачарованности хайдеггеровским текстом, подмечая авторские маневры, натяжки, недоговоренности, которые провоцируют читательское любопытство, Семпрун предъявляет претензии собственно к языку, переизобретением которого так гордился философ. И эти претензии далеко не ограничиваются недовольством использованными стилистическими приемами. Выдвигаемый против Хайдеггера иск тоже обладает мощью онтологического вопрошания, поскольку затрагивает проблему узурпации и национализации языка, превращения этой свободной стихии в проводника совершенно определенного миропонимания: «...можно ли представить себе философию Хайдеггера на каком-нибудь другом языке, кроме немецкого? Я хочу сказать, мыслима ли в другом языке, кроме немецкого, та изощренная работа по выворачиванию и переворачиванию языка, которой его подвергнул Мартин Хайдеггер? Какой другой язык мог бы, не распадаясь на закоснелые обрывки, выдержать подобное вливание заумностей, вымученных и мучительных псевдо-этимологий, чисто риторические звуки и созвучия? Но действительно ли выдержал это немецкий язык? Не нанес ли Хайдеггер удар, от которого немецкий язык долгое время не сможет прийти в себя – в области философских исследований, по крайней мере?

Мне могут ответить, что Хайдеггер предвидел этот вопрос, что он в некотором роде предвосхитил его, с самого начала заявив, что немецкий (наряду с древнегреческим – ничего себе!) – единственный приемлемый язык философии¹. Но это всего лишь довольно примитивная уловка, к тому же

¹ Ср. у Хайдеггера: «То, что образование (Ausbildung) европейской грамматики происходит на основе греческого осмысления греческого языка, придает этому процессу все его значение. Ибо этот язык (если иметь в виду возможности мышления), наряду с немецким, есть самый могучий и одновременно самый духовный» (Хайдеггер 1998: 137).

еще и вызывающая, которая просто вынуждает по-другому формулировать вопрос: может ли философская мысль быть по-настоящему глубокой, по-настоящему универсальной – даже когда сфера ее применения относится к чему-то крайне своеобразному, – если ее можно выразить только на одном языке, если ее смысл не поддается никакому переводу, радикально разрушающему этот смысл в его исходном выражении?» (Семпрун 2002: 93-94).

Что касается содержания «Бытия и времени», то вполне предсказуемо, что наибольший интерес для Семпруна здесь представляет хайдеггеровский экзистенциал *Sein zum Tode*, бытие к смерти. У немецкого философа эта характеристика не только предрешает осмысленность человеческого существования, но и задает параметры в высшей степени оригинального понимания времени, где темпоральный континуум «прошлое–настоящее–будущее» кардинально меняет свою направленность: смерть как конечная точка жизни обладает единственной несомненной достоверностью в потоке преходящих мгновений и потому оказывается тем источником, откуда берет начало время. «Время исходно как временение временности, – пишет Хайдеггер. – Временность временит исходно из будущего» (Хайдеггер 1997: 331). Состояние вселенского ужаса, в котором обнаруживает себя смерть, но которое не имеет отношения к психологическому страху смерти, приобщает индивидуальное *Dasein* к экзистированию в модусе подлинности, раскрывая обыденное, ориентированное на других проживание, в качестве неподлинного способа существования. Семпрун готов оспорить это положение – и в плане того, что смерть – «наиболее своя, безотносительная, необходимая возможность» (Хайдеггер 1997: 250), и в плане обязательности ее постоянного пребывания в горизонте жизни. Стараясь преодолеть собственную искалеченность, проистекающую от постоянно ощущаемой угрозы гибели, писатель настаивает на том, что избыточное присутствие смерти в жизни не в силах сделать последнюю качественно лучше, скорее наоборот: оно пресекает любые витальные порывы. Персональному проекту, выстраиваемому из перспективы смерти, который декларирует Хайдеггер, Семпрун противопоставляет феномен ее разделенности с другими. Он обозначает его понятием, составленным из хайдеггеровских же неологизмов *Mit-Sein* (со-бытие) и *Sein-zum-Tode* (бытие-к-смерти), – «совместное-бытие-к-смерти». Этот фатальный массовый опыт может быть перенесен из внешнего измерения, в котором смерть воспринимается всегда как чужая, во внутреннее пространство ее непосредственного претерпевания: «... смерть – это не то, на грани чего мы были, с чем встретились, чего избежали, как несчастного случая, из которого вышли невредимыми. Мы ее пережили... Мы – не выжившие, мы – выходцы с того света... <...> ...этим невозможно поделиться, это едва ли может быть понято, потому что смерть для рационального мышления есть единственное событие, из которого мы никогда не сможем извлечь личный опыт... Которое может быть воспринято только как тоска, предчувствие или мрачное желание... На манер будущего в прошедшем, стало быть... И все-таки мы пережили смерть как коллективный, братский к тому же, и лежащий в основе нашего со-бытия опыт... Как *Mit-Sein-zum-Tode*...» (Семпрун 2002: 90). Смерть, согласно Семпруну, способна

не только разделять, обособляя человека в его одиночестве (что утверждает Хайдеггер), но и соединять: «...гротескный, волнующий и жаркий жизненный хаос смерти, с которым нам пришлось столкнуться. Ее прямо-таки осязаемое движение делало этих несчастных близкими и родными. Это мы сами умрем от истощения... Это здесь мы можем обрести опыт чужой смерти для расширения собственного кругозора – быть-вместе-в-смерти, *Mitsein zum Tode*» (Семпрун 2003: 61).

Лучшей иллюстрацией к идее братства и теории обратимости жизни и смерти может служить роман Семпруна «Подходящий покойник» (2001), повествующий о дружбе с лагерным «мусульманином», который в силу сложившихся обстоятельств стал тем, кто спас рассказчику жизнь, обменявшись с ним своей смертью. В этой книге Семпрун упоминает еще один сомнительный эпизод биографии Хайдеггера, связанный с его учителем Эдмундом Гуссерлем. В свои юные годы уже успев познакомиться с трудами обоих философов, автор только в лагере узнает о тех поворотах их судеб, которые внесли между ними разлад¹. Едва закончив работать над рукописью «Бытия и времени», Хайдеггер торжественно вручил свой *opus magnum* Гуссерлю в качестве подарка ко дню рождения. Все издания этого фундаментального труда открываются надписью: «Эдмунду Гуссерлю в почитании и дружбе посвящается», – и датой, отсылающей к этому чествованию: 8 апреля 1926 г.² Однако после прихода Гитлера к власти новый оттиск вышел без них: «Посвящение 1926 года теперь, после 1933 года, не казалось Хайдеггеру ни уместным, ни своевременным, тем более что там шла речь об изъявлении таких чувств, как “глубокое уважение” (*Verehrung*) и “дружба” (*Freundschaft*), которых еврей вроде Гуссерля ни в коем случае не заслуживал, во всяком случае публично» (Семпрун 2003: 97). «...посвящение исчезло, как только его старый учитель впал в немилость, став жертвой этнической чистки немецкого университета. <...> Хайдеггер намеренно вычеркнул его, как вычеркивают из памяти какое-либо дурное воспоминание. Как, возможно, стирают имя с чьей-то могилы» (Семпрун 2002: 92). Справедливо-сти ради надо сказать, что часто инкриминируемое Хайдеггеру изгнание Гуссерля из университета не вполне соответствует фактам: основатель феноменологии оставил преподавание ввиду достижения пенсионного возраста еще в 1928 г., передав кафедру Хайдеггеру как своему лучшему ученику. Гонения на Гуссерля: лишение профессорского звания и права на педагогическую деятельность, запрет посещать университет и выступать с публичными лекциями, отказ в выезде для участия в Парижском

¹ Обстоятельный отчет о развитии личных и профессиональных взаимоотношений Гуссерля и Хайдеггера см.: (Михайлов 1995). О содержательных расхождениях между двумя мыслителями см.: (Шпарага 1997).

² Ханс Ульрих Гумбрехт, реконструируя историю создания и стадии типографского набора, настаивает на других сроках написания «Бытия и времени»: февраль–декабрь 1926 г., а потому уверен, что «пачка листов, украшенная цветами», которую он (Хайдеггер. – О.К., Е.К.) вручил Эдмунду Гуссерлю 8 апреля, в подарок на шестидесятисемилетие, никак не могла быть “почти законченным текстом”, как впоследствии писал Хайдеггер» (Гумбрехт 2005: 499).

философском конгрессе 1937 г. – действительно омрачили его последние годы. Однако охлаждение отношений со стороны некогда покровительствовавшего молодому таланту Гуссерля были связаны не столько с новыми германскими порядками или политическими увлечениями Хайдеггера, сколько с тем, что, подробно ознакомившись с «Бытием и временем», он обнаружил его антифеноменологический пафос.

VII. Если даже друзья Хайдеггера отдалялись от него, то немудрено, что в лагере его противников на философа обрушивался шквал критики. Большую огласку получила история с Рудольфом Карнапом, членом Венского кружка, который в своей статье «Преодоление метафизики путем логического анализа языка» (1931) подверг скрупулезному разбору несколько предложений из недавнего хайдеггеровского доклада «Что такое метафизика?». Карнап утверждал, что появление неразрешимых философских вопросов связано исключительно с нарушением логики нашего языка, и отстаивал категоричный тезис, согласно которому «осмысленных метафизических предложений вообще не может быть» (Карнап 2010: 162). Хайдеггеровские умозаключения по поводу ничто, незаметно переходящего в бытие, с точки зрения Карнапа, являются совершенно бессмысленными, а мастерски создаваемая иллюзия «высшей мудрости» возникает из-за допущения двух логических ошибок: одна зиждется на двузначности слова «быть», которое «употребляется и как связка (“человек есть социальное существо”), и как обозначение существования (“человек есть”)), а другая «коренится в форме глагола при употреблении его во втором значении – *существование*. Посредством вербальной формы предикат симулируется там, где его нет» (Карнап 2010: 159). Именно такими «симулякрами» выступают бытие и небытие, главные темы доклада Хайдеггера. В свою очередь, немецкий мыслитель, наделяя ничто наравне с бытием преимущественным значением, не просто стремился выкроить особую предметную область для метафизики, дабы легитимировать ее в кругу наук, а добивался осуществления философствования в качестве необходимого основания любого рода истинного знания. Именно проблема ничто, с которой не справляется обычная, рассудочная, логика, становится, по Хайдеггеру, той лакмусовой бумажкой, что выявляет принципиальную разницу между наукой и метафизикой и закрепляет за последней безоговорочное первенство.

Косвенно этот нашумевший случай публичного осуждения хайдеггеровского мыслетворчества нашел отражение в пародийном рассказе «Ничто: предварительное исследование» (1974), принадлежащем перу Дональда Бартельми, мастера черного юмора, причисляемого ныне к основателям постмодернистского направления в послевоенной американской литературе. В данном рассказе предпринимается ироничная попытка определить методом от противного, что же такое «ничто». Бартельми начинает охоту на него с подчеркнута абсурдного перечисления: «Это не желтые портьеры. Не портьерные кольца. Но это и не отруби в корыте, не отруби как таковые, а также не крупное розовато-серое сельскохозяйственное животное, поедающее отруби из корыта, не мужчина, засыпающий отруби в корыто, не его жена и не банкир с лицом как печеное яблоко,

собирающийся прибрать ферму к рукам. Ничто из вышепоименованного не ничто» (Бартельми 2000: 293). В поле зрения автора оказываются первые попавшиеся вещи. Но и для Хайдеггера ничто просачивается в качестве некоего «настроения» в тот момент, когда мы неожиданно застаем себя в окружении повседневных предметов. Сущее «в целом», оборачиваясь вдруг подобием искусно нарисованной ширмы, высвечивает за или под собой небытие, которое философ обозначает как «ничто сущего». Это и старается поймать Бартельми, перебирая все возможные феномены, случайно очутившиеся в горизонте его воображения, где лук и лук – «стрела, выпущенная из лука», и «стрелка, выпущенная луком», – соседствуют с нигилизмом Горгия и отсутствием в гостинной гипфилосамуса, придуманного рассказчиком «крупного словоядного животного», намекающего на носорога Витгенштейна.

Повествование все более интенсифицирует как само перечисление, так и темп, который оно задает, стремясь побыстрее разобраться с понятием «ничто», отбросив то, чем оно не является. Рано или поздно в апофатический список Бартельми должен был попасть и Хайдеггер с его философией: «К слову сказать, если уж мы заговорили о словах, нельзя ли поставить относительно ничто серьезный вопрос: что оно, ничто, *делает?* ...Хайдеггер полагает, что “ничто ничтожит” – здравая, разумная идея, вызывающая, однако, возражения у Сартра, да и не только у него¹ (мысли Хайдеггера, относящиеся к ничто, тоже не ничто). Хайдеггер привлекает наше внимание к ужасу. Позаимствовав чашу ужаса у Кьеркегора, он проливает ее и обнаруживает в быстро расплывающейся лужице (примерно так же, как гадалка по кофейной гуще) НИЧТО. Согласно Хайдеггеру, изначальный ужас делает для нас невыносимым все сущее, приоткрывая на мгновение не-сущее, и в конечном итоге силой выталкивает нас на дорогу к Бытию. Однако где нам до Хайдеггера? Восхищенно поаплодировав его высокому порыву, мы вернемся к своей, куда более скромной задаче – составлению списка» (Бартельми 2000: 296). Правда, рассказчик, работая над своим бесконечным списком, вполне отдает себе отчет в принципиальной незавершаемости этого предприятия. Его цель – вовсе не дефиниция ничто, а нагнетание пресловутого настроения ужаса, которое, если верить Хайдеггеру, сопровождает нашу встречу с ничто (схожие методы погружения слушателя в «исходное онтологическое состояние» философ практиковал на своих лекциях). Оттого и создается впечатление скорее магического заклинания, которое осуществляется путем отрицания, понимаемого по-хайдеггеровски – как следствие ничто, а не как его причина: «Что может навязчивее говорить о постоянной

¹ Намеренно или нечаянно Бартельми здесь путает Карнапа с Сартром, остается неясным. Во многом появление статьи Карнапа было спровоцировано тем возмущением, которое хайдеггеровская манера изъясняться вызвала в ученом мире. Но если Карнап прибегает к строгим методам логической остротки, то философ Габриэль Марсель решает обратиться именно к литературному жанру: в написанной им в 1957 г. пьесе «Измерение Флорестан» действует персонаж по имени Ханс Вальтер Дольх, использующий в своем трактате «Вахта на страже бытия» тавтологичную речь, напоминающую новояз Хайдеггера. См. об этом подробнее: (Визгин 2008: 406-425).

и повсеместной, хотя и заслоненной открытости Ничто для нашего присутствия, чем отрицание? <...> Да и как может отрицание извлечь свое Нет из самого себя, когда оно ведь только и способно отрицать, когда ему уже пред-дано что-то подлежащее отрицанию? <...> Нет, со своей стороны, способно открыться только тогда, когда его источник, т.е. ничтожение, в качестве которого пребывает Ничто, и, стало быть, само Ничто выходят из своей потаенности» (Хайдеггер 1993b: 23). Пассаж Бартельми про «всюду опаздывающее ничто» тоже читается как отголосок хайдеггеровских рассуждений: «Но если мы не можем закончить, мы можем по крайней мере начать. Если сущее в каждом конкретном случае есть целокупность всех явлений, выказывающих его существование, то и ничто должно характеризоваться аналогично, в терминах его не-явлений, не-выказываний, его неисправимой склонности всегда и всюду опаздывать. Ничто есть то, что держит нас в ожидании (до бесконечности)» (Бартельми 2000: 296-297). Даже комичный эффект, который – взамен ужасающего – умышленно создает Бартельми в своем исследовании ничто, выдержан в духе Хайдеггера. Бросающееся же в глаза отличие – несерьезность разыгрываемого действия. С другой стороны, именно это умение литературы насмешничая выворачивать наизнанку фундаментальность философского вопрошания позволяет увидеть в ней своего рода интеллектуальное противоядие, предотвращающее то опасное обольщение, что исходит от упоения собственной мыслью: «...ошибки тоже не ничто. Занесите это в список. За ничто ничего не купишь. Ничто не тешит душу. Какой восхитительный список! Как радостно сознавать, что все наши усилия неизбежно окажутся тщетными, абсолютно тщетными, и поставленная нами цель вечно будет манить издали, придавая смысл нашему существованию. Так поспешим. Живее. Ничто – это не ножик» (Бартельми 2000: 297).

VIII. 1933 г. – переломный в судьбе Хайдеггера. Внешние обстоятельства, на первый взгляд, складывались как нельзя более благоприятно: философ, много лет добивавшийся профессорского места хоть в каком-нибудь институте, заслуженно получает все академические привилегии, в том числе пост ректора в альма-матер. Его амбиции наконец-то имеют шанс быть удовлетворены. Он строит планы по коренному реформированию не только Фрайбургского университета, но и, в принципе, системы высшего образования Германии. Однако как раз этот период единогласно признается крайне сомнительным в биографии мыслителя – ввиду его политической подоплеки. За свое сотрудничество с национал-социализмом Хайдеггер утрачивает в глазах коллег и друзей реноме порядочного человека, что ощутимо скажется на его послевоенной ситуации. И если даже в философских дебатах ему не раз припоминают данный инцидент, казалось бы, из области, напрямую не относящейся к интеллигентным материям, то в художественной литературе это событие жизни Хайдеггера получает особенно громкий резонанс.

(Окончание в следующем выпуске).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адорно Т. 2011. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. Москва : Канон+ : Реабилитация. 191 с.
- Амери Ж. 2015. На рубежах духа // Ж. Амери. По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть. Москва : Новое изд-во. С. 19-48.
- Арендт Х., Хайдеггер М. 2015. Письма 1925–1975 и другие свидетельства. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. 456 с.
- Бартельми Д. 2000. Ничто: предварительное исследование // Д. Бартельми. Шестьдесят рассказов. Санкт-Петербург : Симпозиум. С. 293-297.
- Беллоу С. 1991. Герцог. Москва : Панорама. 352 с.
- Бенн Г. 2008. Досадно // Бенн Г. Перед концом света. Санкт-Петербург : Владимир Даль. С. 202-203.
- Бенн Г. 2015. Старость как проблема художника // Г. Бенн. Двойная жизнь : Проза. Эссе. Избранные стихи. Изд. 2-е, стер. Москва : Летний сад. С. 424-445.
- Бурдые П. 2003. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. Москва : Практис. 256 с.
- Визгин В.П. 2008. Философия Габриэля Марселя: Темы и вариации. Санкт-Петербург : Мирь. 711 с.
- Грабал Б. 2015. Волшебная флейта // Б. Грабал. Слишком шумное одиночество : Избранная проза. Санкт-Петербург : Изд-во им. Н.И. Новикова. С. 623-634.
- Гумбрехт Х.У. 2005. В 1926 году: На острие времени. Москва : Нов. лит. обозрение. 568 с.
- Деррида Ж. 2006. Geschlecht II: Рука Хайдеггера // М. Хайдеггер. Что зовется мышлением?. Москва : Территория будущего. С. 263-315.
- Карнап Р. 2010. Устранение метафизики посредством логического анализа языка // Философия и естествознание : журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное / под редакцией О.А. Назаровой. Москва : Идея-Пресс : Канон+ : Реабилитация. С. 141-169.
- Кено Р. 2001. Голубые цветочки // Р. Кено. Упражнения в стиле : Романы, рассказы и др. Санкт-Петербург : Симпозиум. С. 230-451.
- Коваль О.А., Крюкова Е.Б. Готфрид Бенн и Мартин Хайдеггер о сущности поэзии. История несостоявшейся встречи // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 3. С. 28-49.
- Лаку-Лабарт Ф. 1996. Трансценденция кончается в политике // S/L'97. Социологос постмодернизма : альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук / под редакцией Н.А. Шматко. Москва : Ин-т эксперимент. социологии. С. 171-214.
- Лем С. 2010. Провокация // С. Лем. Провокация. Библиотека XXI века. Записки всемогущего. М. : АСТ : Астрель. С. 7-69.
- Лиотар Ж.-Ф. 2014. Хайдеггер и «евреи». 2-е изд., испр. Санкт-Петербург : Machina. 206 с.
- Магрис К. 2016. Дунай. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха. 632 с.
- Михайлов И. 1995. Был ли Хайдеггер «феноменологом»? // Логос. № 6. С. 283-302.
- Нанси Ж.-Л. 2015. Хайдеггер и мы // Вопросы философии. № 4. С. 163-165.
- Пас О. 2000. Явленная тайна // О. Пас. Освящение мига : Поэзия. Философская эссеистика. Санкт-Петербург : Симпозиум. С. 265-286.
- Рорти Р. 1991. Еще один возможный мир // Философия Мартина Хайдеггера и современность / под редакцией Н.В. Мотрошиловой. Москва : Наука. С. 133-138.

Сартр Ж.-П. 2000. Тошнота // Ж.-П. Сартр. Тошнота : роман ; Стена : новеллы. Харьков : Фолио ; Москва : АСТ. 399 с.

Сафрански Р. 2002. Хайдеггер: германский мастер и его время. Москва : Молодая гвардия. 614 с.

Семпрун Х. 2002. Писать или жить. Москва : Стратегия. 287 с.

Семпрун Х. 2003. Подходящий покойник. Москва : Текст. 205 с.

Скидан А.С. 2008. В «Бытии и времени» // *Aspei – transmental – zapad/vostok* / Hrsg. von M. Hüttel. Bochum : Aspei. S. 120-121.

Томэ Д. 2018. Был ли Хайдеггер антисемитом? О «Черных тетрадах» и нынешнем положении критики Хайдеггера // *Логос*. Т. 28, № 3. С. 121-148.

Хабермас Ю. 1989. Хайдеггер: творчество и мировоззрение // *Историко-философский ежегодник* '89. Москва : Наука. С. 327-353.

Хайдеггер М. 1993. Неторные тропы // М. Хайдеггер. Работы и размышления разных лет. Москва : Гнозис. С. 242.

Хайдеггер М. 1993b. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие : Статьи и выступления. Москва : Республика. С. 16-27.

Хайдеггер М. 1993a. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика. С. 192-220.

Хайдеггер М. 1997. Бытие и время. Москва : Ad Marginem. 452 с.

Хайдеггер М. 1998. Введение в метафизику. Санкт-Петербург : Высш. религиозно-филос. шк. 302 с.

Шпарага О.Н. 1997. М. Хайдеггер против Э. Гуссерля: «экзистенциальный проект бытия» против «жизни сознания» // *Мартин Хайдеггер и философия XX века : сб. докл. / под редакцией И.П. Логвинова, Т.В. Щитцовой*. Минск : Менск. С. 78-84.

Améry J. 1961. Geburt der Gegenwart. Gestalten und Gestaltungen der westlichen Zivilisation seit Kriegsende. Olten, Freiburg i. Br. : Walter. 303 S.

Améry J. 2004. Sie blieben in Deutschland – Martin Heidegger // J. Améry. Werke. Bd. 6: Aufsätze zur Philosophie Stuttgart : Klett-Cotta. S. 297-329.

Benn G., Oelze F.W. 2016. Briefwechsel 1932–1956. Bd. 4 : 1951–1956 / Hrsg. von H. Steinhagen und kommentiert von H. Hof. Göttingen : Klett-Cotta, Wallstein Verlag. 631 S.

Bernd M. (Hrsg.) 1989. Martin Heidegger und das „Dritte Reich“: ein Kompendium. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 235 S.

Blenskens H.-J. 2015. Gottfried Benn und Martin Heidegger. Respekt und kritischer Bezug // *Benn Forum. Beiträge zur literarischen Moderne*. Berlin ; Boston : De Gruyter. Bd. 4. S. 195-210.

Fariás V. 1987. Heidegger und der Nationalsozialismus. Frankfurt am Main : S. Fischer. 439 S.

Grunenberg A. 2006. Hannah Arendt und Martin Heidegger. Geschichte einer Liebe. München ; Zürich : Piper. 480 S.

Heidegger M. 2000. Was heißt Denken? // М. Heidegger. Gesamtausgabe. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann. Bd. 7. S. 127-143.

Ott H. 1988. Martin Heidegger. Unterwegs zu seiner Biographie. Frankfurt am Main : Campus-Verlag. 355 S.

Różewicz T. 1991. „Der Tod ist ein Meister aus Deutschland” // T. Różewicz. *Płaskorzeźba*. Wrocław : Wydaw. Dolnośląskie. S. 37-40.

Vietta S. 2016. Briefwechsel mit Egon Vietta // *Benn-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung* / Hrsg. von C.M. Hanna, F. Reents. Stuttgart : J.B. Metzler Verlag. S. 274-275.

Villa D.R. 1995. Arendt and Heidegger. The Fate of the Political. Princeton, NJ : Princeton Univ. Press. 352 p.

Oxana A. Koval, Candidate of Philosophy, Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg, Russia. E-mail: ox.koval@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4718-6669
ResearcherID: Q-6650-2018
ScopusID: 57201359595
SPIN-код: 6561-2067

Ekaterina B. Kriukova, Candidate of Philosophy, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Sociological Institute of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: kriukova.jr@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6585-4611
ResearcherID: AAI-1483-2020
ScopusID: 57210125630
SPIN-код: 9287-6060

Article received 26.08.2019, accepted 01.10.2019, available online 06.04.2020

HEIDEGGER AS A FICTIONAL CHARACTER. PART I

Abstract. The research is dedicated to literary reception of Martin Heidegger, one of the greatest minds of the 20th century. His life and his work still produce the keen interest both coming from the community of professionals and from the most unbiased audience. After the publication of the “Black Notebooks”, Heidegger’s cooperation with the Nazi authorities in 1933 no longer seems an unfortunate episode, which can be attributed to political short-sightedness. The dependence of Heidegger’s views on collective and social prejudices falls into the space of literature long before becoming the subject of a philosophical judgement. In a variety of literary works, the philosopher persona has been developed in quite a surprising way. On the one hand, the familiar concept of fundamental ontology gets looked at, critically and uniquely, through a lens of fiction. On the other hand, Heidegger’s biography itself perfectly fits into literary self-reflexivity, which was never designed to differentiate one’s actions from one’s theories. Represented by this paper, the first part of the work has several objectives: 1) to justify the legality of writers and poets to make judgments about complex philosophical constructions – on the material of the texts, where there are reminiscences of famous Heidegger themes (works of S. Lem, S. Bellow, J. Améry, J.-P. Sartre, O. Paz, G. Benn, R. Queneau, B. Hrabal, T. Różewicz are attracted); 2) to reproduce a biographical component of Heidegger’s philosophy through the prism of various literary experiences (C. Magris, A. Skidan, J. Semprún, D. Barthelme), chronologically covering the period of his life from birth to regular professor at the University of Freiburg; 3) to demonstrate the epistemological resource of fiction: it combines mental, verbal, temporal, as well as intersubjective and political dimensions in its narrative, and thus gives not only a multifaceted portrait of the thinker in the cultural and historical decorations of his time, but also an idea of changes in the general spiritual climate caused by social transformation in the postwar world.

Keywords: Heidegger; literary character; fiction; philosophy; narrative; intertext.

For citation: Koval O.A., Kriukova E.B. *Khaydegger kak literaturnyy personazh. Ch. I* [Heidegger as a fictional character. Pt. I], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 7-34. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10101. (in Russ.).

The article was written in the framework of the RFBR project no. 18-311-00268 “Poetics of philosophical thinking: the cultural paradigm of modernity and modern trends”.

References

- Adorno T. *Zhargon podlinnosti. O nemeckoj ideologii* [Jargon of Authenticity], Moscow, Kanon+, Reabilitacija, 2011, 191 p. (in Russ.).
- Améry J. *Geburt der Gegenwart. Gestalten und Gestaltungen der westlichen Zivilisation seit Kriegsende* [The Birth of the Present. Forms and Constructions of Western Civilization since the End of the War], Olten, Freiburg im Breisgau, Walter, 1961, 303 p. (in German).
- Améry J. *Na rubezhah duha* [On the Borders of the Spirit], J. Améry, *Po tu storonu prestuplenija i nakazaniya: Popytki odolennogo odolet'*, Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2015, pp. 19-48. (in Russ.).
- Améry J. *Sie blieben in Deutschland – Martin Heidegger* [They Stay in Germany – Martin Heidegger], J. Améry, *Werke, Bd. 6: Aufsätze zur Philosophie*, Stuttgart, Klett-Cotta, 2004, pp. 297-329. (in German).
- Arendt H., Heidegger M. *Pis'ma 1925–1975 i drugie svidetel'stva* [The Letters of 1925–1975 and Other Evidences], Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2015, 456 p. (in Russ.).
- Barthelme D. *Nichto: predvaritel'noe issledovanie* [Nothing: A Preliminary Account], D. Barthelme, *Shest'desjat rasskazov*, St. Petersburg, Simpozium, 2000, pp. 293-297. (in Russ.).
- Bellow S. *Gercog* [Herzog], Moscow, Panorama, 1991, 352 p. (in Russ.).
- Benn G. *Dosadno* [What's Bad], G. Benn, *Pered koncom sveta*, St. Petersburg, Vladimir Dal', 2008, pp. 202-203. (in Russ.).
- Benn G. *Starost' kak problema hudozhnika* [Artists and Old Age], G. Benn, *Dvojnaja zhizn'. Proza. Jesse. Izbrannye stihi*, Moscow, Letnij sad, 2015, pp. 424-445. (in Russ.).
- Benn G., Oelze F.W. *Briefwechsel 1932–1956. Band 4: 1951–1956* [Correspondence 1932–1956. Vol. 4: 1951–1956], Göttingen, Klett-Cotta, Wallstein Verlag, 2016, 631 p. (in German).
- Bernd M. (Hrsg.) *Martin Heidegger und das „Dritte Reich“: ein Kompendium* [Martin Heidegger and „The Third Reich“], Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1989, 235 p. (in German).
- Blenskens H.-J. *Gottfried Benn und Martin Heidegger. Respekt und kritischer Bezug* [Gottfried Benn and Martin Heidegger. Respect and Critical Attitude], J. Dyck, H. Korte, N.J. Schmidt (eds.), *Benn Forum, Beiträge zur literarischen Moderne, Bd. 4*, 2014/2015, Berlin, Boston, De Gruyter, 2015, pp. 195-210. (in German).
- Bourdieu P. *Politicheskaja ontologija Martina Hajdeggera* [The Political Ontology of Martin Heidegger], Moscow, Praxis, 2003, 256 p. (in Russ.).
- Carnap R. *Ustranenie metafiziki posredstvom logicheskogo analiza jazyka* [The Elimination of Metaphysics Through Logical Analysis of Language], O.A. Nazarova (ed.), *Filosofija i estestvoznanie. Zhurnal «Erkenntnis» («Poznanie»)*. *Izbrannoe*, Moscow, Ideja-Press, Kanon+, Reabilitacija, 2010, pp. 141-169. (in Russ.).
- Derrida J. *Geschlecht II: Ruka Hajdeggera* [Geschlecht II: Heidegger's Hand], M. Heidegger, *Chto zovetsja myshleniem?*, Moscow, Territorija budushhego, 2006, pp. 263-315. (in Russ.).
- Fariás V. *Heidegger und der Nationalsozialismus* [Heidegger and Nazism], Frankfurt am Main, S. Fischer, 1987, 439 p.
- Grunenberg A. *Hannah Arendt und Martin Heidegger. Geschichte einer Liebe* [Hannah Arendt and Martin Heidegger: History of a Love], München, Zürich, Piper, 2006, 480 p. (in German).
- Gumbrecht H.U. *V 1926 godu: Na ostrie vremeni* [In 1926: Living at the Edge of Time], Moscow, New Literary Observer, 2005, 568 p. (in Russ.).

Habermas J. *Hajdegger: tvorcestvo i mirovozzrenie* [Heidegger: Creativity and Worldview], N.V. Motroshilova (ed.), *Istoriko-filosofskij ezhegodnik' 89*, Moscow, Nauka, 1989, pp. 327-353. (in Russ.).

Heidegger M. *Bytie i vremja* [Being and Time], Moscow, Ad Marginem, 1997, 452 p. (in Russ.).

Heidegger M. *Chto takoe metafizika?* [What is Metaphysics?], M. Heidegger, *Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 16-27. (in Russ.).

Heidegger M. *Netornye tropy* [Off the Beaten Track], M. Heidegger, *Raboty i razmyshlenija raznyh let*, Moscow, Gnozis, 1993, p. 242. (in Russ.).

Heidegger M. *Pis'mo o gumanizme* [Letter on Humanism], M. Heidegger, *Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 192-220. (in Russ.).

Heidegger M. *Vvedenie v metafiziku* [Introduction to Metaphysics], St. Petersburg, Vysshaja religiozno-filosofskaja shkola, 1998, 302 p. (in Russ.).

Heidegger M. *Was heit Denken?* [What is Called Thinking?], M. Heidegger, *Gesamtausgabe, Bd. 7: Vortrge und Aufstze*, Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 2000, pp. 127-143. (in German).

Hrabal B. *Volshebnaia flejta* [The Magic Flute], B. Hrabal, *Slishkom shumnoe odinochestvo: Izbrannaja proza*, St. Petersburg, Izdatel'stvo imeni N.I. Novikova, 2015, pp. 623-634. (in Russ.).

Koval O.A., Kriukova E.B. *Gotfrid Benn i Martin Haydegger o suschnosti poezii. Istoriya nesostoyavsheysya vstrechi* [Gottfried Benn and Martin Heidegger on the Essence of Poetry. The Story of a Might-Have-Been Meeting], *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 3, pp. 28-49. (in Russ.).

Lacoue-Labarthe Ph. *Transcendencija konchaetsja v politike* [Transcendence Ends in Politics], N.A. Shmatko (ed.), *S/L97, Socio-Logos postmodernizma*, Moscow, Institut jeksperimental'noj sociologii, 1996, pp. 171-214. (in Russ.).

Lem S. *Provokacija* [Provocation], S. Lem, *Provokacija, Biblioteka XXI veka, Zapiski vsemogushhego*, Moscow, AST, Astrel', 2010, pp. 7-69. (in Russ.).

Lytard J.-F. *Hajdegger i «evrei»* [Heidegger and "the jews"], St. Petersburg, Machina, 2014, 206 p. (in Russ.).

Magris C. *Dunaj* [Danube: A Sentimental Journey from the Source to the Black Sea], St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2016, 632 p. (in Russ.).

Mikhaylov L. *Bylli Hajdegger «fenomenologom»? [Was Heidegger a "Phenomenologist"?*, *Logos*, 1995, no. 6, pp. 283-302. (in Russ.).

Nancy J.-L. *Hajdegger i my* [Heidegger and we], *Questions of Philosophy*, 2015, no. 4, pp. 163-165. (in Russ.).

Ott H. *Martin Heidegger. Unterwegs zu seiner Biographie* [Martin Heidegger: Toward his Biography], Frankfurt am Main, Campus-Verlag, 1988, 355 p. (in German).

Paz O. *Javlennaja tajna* [Revealed Mystery], O. Paz, *Osvjashhenie miga: Pojezija. Filosofskaja jesseistika*, St. Petersburg, Simpozium, 2000, pp. 265-286. (in Russ.).

Queneau R. *Golubye cvetochki* [The Blue Flowers], R. Queneau, *Uprazhnenija v stile: Romany, rasskazy i dr.*, St. Petersburg, Simpozium, 2001, pp. 230-451. (in Russ.).

Rorty R. *Eshhe odin vozmozhnyj mir* [Another Possible Worlds], N.V. Motroshilova (ed.), *Filosofija Martina Hajdeggera i sovremennost'*, Moscow, Nauka, 1991, pp. 133-138. (in Russ.).

Rzewicz T. *«Der Tod ist ein Meister aus Deutschland»* ["Der Tod ist ein Meister aus Deutschland"], T. Rzewicz, *Paskorzeba*, Wrocaw, Wydaw. Dolnolskie, 1991, 131 p. (in Polish).

Safranski R. *Hajdegger: germanskij master i ego vremja* [Martin Heidegger: Between Good and Evil], Moscow, Molodaja gvardija, 2002, 615 p. (in Russ.).

Sartre J.-P. *Toshnota* [Nausea], J.-P. Sartre, *Toshnota: Roman; Stena: Novelly*, Kharkov, Moscow, Folio, AST, 2000, pp. 7-216. (in Russ.).

Semprún J. *Pisat' ili zhit'* [Literature or Life], Moskow, Strategija, 2002, 287 p. (in Russ.).

Semprún J. *Podhodjashhij pokojnik* [The Dead Man Needed], Moscow, Tekst, 2003, 205 p. (in Russ.).

Shparaga O.N. M. *Hajdegger protiv Je. Gusserlja: «jekzistencial'nyj proekt bytija» protiv «zhizni soznaniya»* [M. Heidegger versus E. Husserl: „Existential Project of Being“ versus „Life of Consciousness“], I.P. Logvinov, T.V. Shchittsova (eds.), *Martin Hajdegger i filosofija XX veka*, Minsk, Mensk, 1997, pp. 78-84. (in Russ.).

Skidan A.S. V «Bytii i vremeni» [in “Being and Time”], M. Hüttel (ed.), *Aspei – transmental – zapad/vostok*, Bochum, Aspei, 2008, pp. 120-121. (in Russ.).

Thomä D. *Byl li Hajdegger antisimitom? O «Chernyh tetradjah» i nyneshnem polozenii kritiki Hajdeggera* [Was Heidegger an Anti-Semite? On the Black Notebooks and Current State of the Critique of Heidegger], *Logos*, 2018, vol. 28, no. 3, pp. 121-148. (in Russ.).

Vietta S. *Briefwechsel mit Egon Vietta* [Correspondence with Egon Vietta], C.M. Hanna, F. Reents (eds.), *Benn-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung*, Stuttgart, J.B. Metzler Verlag, 2016, pp. 274-275. (in German).

Villa D.R. *Arendt and Heidegger. The Fate of the Political*, Princeton, NJ, Princeton Univ. Press, 1995, 352 p.

Vizgin V.P. *Filosofija Gabrijelja Marselja: Temy i variacii* [Gabriel Marcel's Philosophy: Themes and Variations], St. Petersburg, Mir, 2008, 711 p. (in Russ.).

Рябушкина Т.М. «Жизнь есть знание»: С.Л. Франк и западноевропейская трансцендентальная традиция осмысления феномена жизни. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10102 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 35–68.

УДК 321.01

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10102

«ЖИЗНЬ ЕСТЬ ЗНАНИЕ»: С.Л. ФРАНК И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ЖИЗНИ¹

Татьяна Михайловна Рябушкина

кандидат философских наук,
доцент Школы философии Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», г. Москва, Россия.
E-mail: ryabushkinat@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9229-9924
ResearcherID: K-7083-2015
SPIN-код: 6128-3467

*Статья поступила 13.07.2019, принята к печати 03.09.2019,
доступна online 06.04.2020*

Статья представляет собой трансцендентально-феноменологическое исследование феномена жизни, показывающее, каким образом с теоретико-познавательной точки зрения можно объяснить осознание различия между живым и неживым, а также изменения понимания этого различия в процессе развития западноевропейской мысли.

Анализ понятия живого существа как «цели природы», введенного И. Кантом, и понятия «живого тела», предлагаемого Э. Гуссерлем, выявляет, что живое отличается от неживого особым характером каузальности. Однако кантовский априоризм с его ограниченным набором форм не объясняет наличие в сознательном опыте *различных* типов предметов, таких как живое и неживое. Кант вынужден признать, что *невозможно априорно познать особую каузальность живого*, не сводимую к действующей причине, определяющей объективный порядок явлений. Гуссерлю не удастся показать укорененность феномена жизни в *субъективности*, то есть осуществить осмысление жизни в рамках общего феноменологического проекта осмысления сознания как *единственной* сферы смыслообразования. Более того, поздние размышления философа демонстрируют невозможность конституирования жизни на основе пассивного синтеза как глубинной, предшествующей активности эго, работы сознания.

Работы С.Л. Франка показывают, что основанием единства *душевной жизни* является *единство, выходящее за пределы сферы сознания*. Это позволяет Франку доказать

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 18-011-01234 «Принцип трансцендентализма в российской философии (XIX–XX вв.)».

неразрывную связь *жизни и знания*, однако его понимание жизни как абсолютного бытия нельзя признать обоснованным.

Проясняя соотношение понятий «жизнь» и «знание», автор прослеживает, каким образом смена *познавательных установок* несет с собой изменения понимания места и роли жизни в сознаваемом человеком мире. Сначала совершается переход от отождествления *истины и жизни*, от признания мира в целом живым к утверждению существования в мире не только живых, но и неживых вещей, затем происходит сведение жизни к организму – предмету биологии, а в дальнейшем – постепенное исчезновение жизни из сознания, стирание смысловой границы между живым существом и машиной.

Ключевые слова: трансцендентальная философия, феноменология, субъективность, конституирование, трансцендентность, жизненный мир, живое тело, пассивный синтез, всеединство, живое знание, живое существо, неживой объект, сознательное, досознательное.

Введение. Проблема, которой посвящено данное исследование, – поиск оснований и смыслового ядра понятия жизни – является одной из важнейших для трансцендентально-феноменологической философии, поскольку тесно связана с проблемой отношения сознания к предмету, с поиском оснований предметных *единств* и условий возможности существования *различных типов* предметности.

Феноменологическое исследование жизни предполагает отказ от опоры на какие-либо научные дефиниции этого понятия и связанные с ним теоретические конструкции. Как подчеркивает Гуссерль в «Кризисе европейских наук...», преимущество данного подхода состоит в том, что только он позволяет понять, каким образом выстраивается бытийная значимость мира, на которой базируется всякое теоретическое знание. «Живое» не следует понимать как *организм – биологическую систему*: такая трактовка не является первичной и не составляет смыслового ядра понятия «жизнь». Так, например, для древних греков весь космос был живым. А.Л. Доброхотов отмечает, что в античном мышлении биологический и психологический смыслы слова «жизнь» выступают производными от онтологического смысла (Доброхотов 1986: 25). Живым может быть названо произведение искусства, причем эта характеристика применима к нему даже в том случае, когда оно не имеет прямой смысловой связи с чем-либо органическим, например когда речь идет о морском пейзаже или об изображении горных вершин.

Цель исследования – прояснить теоретико-познавательные основания, по которым самые различные явления могут осознаваться как живые, представляя особый тип предметности. Поиск подхода к решению данной проблемы будет опираться на анализ трансцендентально-феноменологической традиции осмысления соотношения понятий *знание и жизнь* и сопоставление ее с критическими размышлениями С.Л. Франка, которые, благодаря включенности в движение западноевропейской мысли, с одной стороны, и своеобразию подхода – с другой, вносят существенный вклад в разработку указанной проблематики.

В первой части статьи в контексте проблемы типизации предметов познания рассматриваются кантовское представление о живом существе как цели природы и понимание жизни, представленное в трудах Э. Гуссерля, посвященных анализу пассивного синтеза как основы, определяющей «сущностную» типичу воспринимаемого, а также «региональную» типичу, в частности различие живых и неживых вещей.

Вторая часть посвящена анализу вводимого Франком противопоставления созерцательной интуиции и интуиции-жизни – высшей ступени интуиции, в которой Я сливается с жизнью всеединства. В процессе исследования выясняется, что, несмотря на различие подходов Канта, Гуссерля и Франка к поиску оснований сознательного опыта, их размышления различными, но взаимно дополняющими путями ведут к утверждению о существовании *досознательных* смысловых связей и определенностей, влияние которых на сознание обуславливает представленность в сознании такого явления, как жизнь.

В третьей части исследования на основе проведенного анализа проясняются *отличительные особенности* таких смысловых целостностей, как «живые существа», а также *условия возможности* их существования в сознании. Далее предпринимается попытка проследить, каким образом возникают различные модификации понимания жизни, сменяющие одна другую в ходе историко-культурного развития. Одним из наиболее значительных изменений в трактовке жизни оказывается происходящее в несколько этапов сведение жизни, исходно воспринимаемой как свойство *сознательного мира в целом*, к свойству только отдельных его составляющих – *организмов*. Впоследствии происходит не менее важное для человеческого мироздания изменение – постепенное превращение сознания в *безжизненный* мир, в котором живое существо становится неотличимым от машины и начинает мыслиться по аналогии с ней.

Основной тезис относительно жизни, который будет доказан и проиллюстрирован, состоит в том, что все *результаты работы сознания*, для которой *познавательными ориентирами* являются не только *сознательные*, но и *досознательные данные*, представляются как *обладающие жизнью*.

І. Характер каузальности как отличительный признак живого в концепциях И. Канта и Э. Гуссерля. Кант выделяет в природе *объекты, происхождение и изменения которых не могут быть описаны ни действующей причинной связью, имеющей объективный характер, ни целевой причинной связью, устанавливаемой человеком сознательно и, таким образом, носящей субъективный характер* (посредством последней объясняется создание человеком тех или иных искусственных устройств). Указанные объекты формируют и воспроизводят себя сами и существуют скорее в противостоянии воздействиям внешних вещей, чем в зависимости от них. «Вполне возможно, что в теле животного, например, некоторые части (кожа, кости, волосы) могут быть поняты как сращения по чисто механическим законам. Однако о причине, которая доставляет необходимую для этого материю, модифицирует ее таким образом, формирует и располагает в соответствующих ей

местах, всегда надлежит судить телеологически, так, чтобы все в нем рассматривалось как организованное и, в свою очередь, служило в определенном отношении к самой вещи органом» [Кант 1994: 218].

Данные особые объекты Кант называет *целями природы*. Цель природы – это, во-первых, вещь, части которой (по своему существованию и форме) возможны только посредством их отношения к целому. Однако этого недостаточно для того, чтобы вещь могла быть названа целью природы, поскольку подобное отношение частей к целому существует и в произведении искусства. Объект выступает как цель природы лишь тогда, когда идея целого определяет форму и связь всех частей не как *причина* – ибо тогда вещь была бы продуктом искусства, а как *основание познания* систематического единства формы и связи всего многообразного, составляющего материю этой вещи (Кант 1994: 214). Иными словами, целью природы является вещь, которая не создана кем-то намеренно, но которую невозможно познать без полагания целесообразности ее устройства. Таким образом, «вещь существует как цель природы, если она есть причина и цель самой себя... ибо в этом утверждении заключена каузальность, которая не может быть связана просто с понятием природы, если одновременно не приписывать природе и цель». Кант добавляет, что, «хотя эту каузальность можно мыслить без противоречия, постигнуть ее нельзя» (Кант 1994: 212).

Но каким образом в природе наряду с объектами, подчиняющимися действующей причинной связи, и во взаимодействии с ними могут иметь место объекты, обладающие особенной каузальностью, – живые существа. Кант оказывается перед дилеммой: либо всю природу, начиная с материи, придется наделить свойством жизни, либо следует присоединить к природе находящийся с ней в общении *сверхприродный* принцип (душу) (Кант 1994: 216). Принятие любого из этих положений означало бы признание существования того, что не может быть дано ни в каком чувственном созерцании.

Для Канта неприемлем выход за рамки явлений, поэтому он останавливается на том, что утверждает существование природных взаимосвязей, которые не могут быть *исчерпывающе* описаны посредством действующей причинной связи, но тем не менее *не предполагают ничего сверхчувственного*. Для обозначения объектов, определяемых такими взаимосвязями, он использует термин *организм*: «Организм не есть просто машина, ибо машина обладает только движущей силой; он же обладает и формирующей силой, причем такой, которую он сообщает материи, ее не имеющей (он ее организует), следовательно, обладает распространяющейся формирующей силой, не объяснимой одной способностью движения (механизмом)» (Кант 1994: 215).

Объективный порядок возникновения явлений, следования их друг за другом во времени определяется, по Канту, причинностью как априорной формой рассудка, и, вообще говоря, в кантовской теории познания нет никакой иной формы, которая выполняла бы ту же функцию. При этом *в отношении организмов Кант признает недостаточность действующей причинности и заявляет о необходимости признания объективного характера некой иной причинности*. По утверждению Канта, «априорно понять такого рода каузальность невозможно» (Кант 1994: 217).

Следовательно, по мнению Канта, *существует особое основание возникновения и существования живых организмов*. Это основание не сводится к действию одних явлений на другие: «...органические существа, – единственные, которые, даже если рассматривать их самих по себе и безотносительно к другим вещам, могут быть мыслимы только как цели природы, и только они дают понятию *цели*, не практической, а цели *природы*, объективную реальность, а тем самым естествознанию основу для телеологии» (Кант 1994: 217).

Именно организмы создают базис для телеологии в изучении природы *в целом*. Действительно, если организмы, причина существования которых недоступна познанию, являются частью природы, то не следует ли признать и природу в целом недоступной для познания на основе действующей причинности? Кант признает неизбежность этого вывода: «Строго говоря, организация природы не аналогична никакой известной нам каузальности» (Кант 1994: 216); «...понятие целей природы... вводит разум в совсем иной порядок вещей, отличающийся от порядка простого механизма природы, который нас здесь больше не удовлетворяет. В основе возможности продукта природы должна лежать идея» (Кант 1994: 218).

Однако поиск причинности, отсылающей к сверхчувственному, при всей его необходимости, по Канту, может стать лишь движением на поводу у нашего разума, а вовсе не поиском реальных отношений вещей. Кант пишет: «...не следует искать в материи принцип определенных целевых отношений и... нам не остается другого способа судить о порождении ее продуктов как целей природы, кроме объяснения их действием высшего рассудка в качестве причины мира. Но это – основа только для рефлектирующей, не для определяющей способности суждения, и она не дает нам никакого права на объективное утверждение» (Кант 1994: 236-237).

Таким образом, телеология в отношении природы в целом, а не только отдельных организмов – лишь регулятивный принцип нашей способности суждения; мы не вправе утверждать, что наши суждения о целесообразности природы описывают реальные природные связи: «Принцип разума присущ природе только как субъективный принцип, т.е. как максима... исходя из примеров, которые природа дает нам в ее органических продуктах, мы вправе, даже призваны, ожидать от нее и ее законов лишь того, что в целом целесообразно. <...> Впрочем, этим отнюдь не решается вопрос, действительно ли то, о чем мы судим по этому принципу, есть преднамеренная цель природы, существует ли трава для быка или овцы, а они и остальные вещи природы – для людей» (Кант 1994: 220).

Итак, Кант феноменологически выделяет живые существа на фоне прочих явлений по тому признаку, что первые предполагают особый род каузальности, отсылающий за пределы сферы явлений. Данная отсылка за пределы сферы сознательного чувственного опыта понимается им как *формальное* требование разума.

Однако известные трудности кантовского априоризма дают о себе знать и в вопросе об основаниях и смысле феномена жизни. Прежде всего, это трудность объяснения существования в сознании не только *формальных* всеобщих и необходимых, но и *содержательных* связей, определяющих

отличительные особенности предметов и их отношений друг к другу. Так, кантовская теория познания объясняет то, что *все без исключения* явления имеют ту или иную причину (все явления подчиняются причинности как априорному понятию рассудка), однако она никак не объясняет то, что определенное явление происходит по *определенной* причине, именно этой, а не иной. Конкретные связи, полагает Кант, не могут быть даны самой материей явлений, поскольку она есть лишь неоформленное многообразное (ощущения). Не способны обеспечить конкретику связей и общие формы чувственности – пространство и время. Особенности связи образуются в результате действия способности воображения – «слепой», по словам самого Канта, функции души. Подчинение этой силы рассудку задает лишь формальные рамки синтеза, тогда как содержательные связи формируются воображением вслепую (фигурный синтез). Если принять во внимание неустойчивость, произвольность продуктов воображения, то окажется, что постоянство *конкретных* причинных связей остается для Канта не меньшей загадкой, чем для Д. Юма. Очевидно, что Канту не удастся объяснить и то, что одни явления мыслятся подчиненными особой каузальности, позволяющей считать их целями природы, а другие нет. Каковы основания возникновения во «внешнем» опыте, определяемом *одним и тем же* набором априорных форм, двух различных типов предметности – живых существ и неживых вещей? На этот вопрос в кантовской теории невозможно найти ответа.

Вопрос об основаниях *типизации* предметности становится одним из важнейших в феноменологии Гуссерля, нацеленной на то, чтобы постичь мир как данный во всем своем разнообразии и смысловой определенности благодаря сознанию.

Вместе с тем гуссерлевское осмысление жизни не сводится к проблеме типизации предметов. Философ утверждает, что доступный изначально дающему созерцанию мир – это мир «конкретно-действительной жизни» (Гуссерль 2004: 67). Жизненный мир Гуссерля – это живой мир. Сознание в целом есть жизнь: «...жизнь сознания есть *свершающая* [leistendes] жизнь, которая – хорошо ли, плохо ли – вершит [leistet] бытийный смысл, создает его уже как чувственно созерцающая и тем более – как научная жизнь» (Гуссерль 2004: 128).

Более того, сознание существует *благодаря жизни* как ее «свершение»: «Трансцендентализм... говорит, что бытийный смысл предданного жизненного мира есть *субъективное образование*, свершение опытно познающей, донаучной жизни. Это в ней выстраивается смысл и бытийная значимость мира» (Гуссерль 2004: 100).

«Жизнь» у Гуссерля выступает как ответ на вопрос о «последнем источнике всех образований познания, об источнике осмысления познающим самого себя и своей познавательной жизни, где целенаправленно возводятся все значимые для него научные построения» (Гуссерль 2004: 138). Гуссерль утверждает: «Источник этот называется: *Я-сам*, со всей моей жизнью действительного и возможного познания и, в конце концов, со всей моей конкретной жизнью вообще» (Гуссерль 2004: 138).

Таким образом, с одной стороны, жизнь для Гуссерля есть некое неотъемлемое свойство сознания и источник всех его смыслообразований. С другой стороны, жизнь для него – это тип предметности, конституированной сознанием: «...я понимаю, что эта жизнь сознания во всех отношениях есть интенциональное свершение... Конституированный результат свершения есть в этом смысле вся реальная, мирская [mundane] объективность, в том числе объективность людей и животных, т.е. объективность “душ”» (Гуссерль 2004: 271-272).

Как соотносится первое понимание жизни со вторым? Не оказывается ли жизнь *условием возможности самой себя* как смысла, который может быть дан только благодаря сознанию?

Гуссерль задает вопрос о том, «что суть души (прежде всего человеческие) в мире, жизненном мире, и как они суть», «что *существенно свойственно* душе как таковой (слово это понимается совсем не в метафизическом смысле, а, скорее, в смысле наиболее изначальной данности психического в жизненном мире)» (Гуссерль 2004: 282).

Согласно Гуссерлю, я могу сознавать других живых существ только посредством сознания собственной жизни, жизни Я. «То, что существенным образом составляет живую телесность, я познаю только по своему живому телу [Leib], а именно по своему постоянному и непосредственному властвованию единственно в этом теле [Körper]. <...> Только исходя из моего оригинального опытного властвования, этого единственно оригинального опыта живой телесности как таковой, я могу понять какое-либо другое тело как живое тело, в котором в своем властвовании воплощено другое Я» (Гуссерль 2004: 288-289).

Живое тело (*Leib*) как властвующее бытие отлично от пространственного тела (*Körper*). Живое по сути своей не пространственно: «...властвование протекает в модусах “движения”, но это принадлежащее властвованию “я двигаю” (как при ощупывании, при толчке я двигаю руками) в нем самом не есть пространственное, телесное движение, которое как таковое мог бы воспринять каждый другой. Мое тело, к примеру часть тела “рука”, двигается в пространстве; но властвующее действие “кинестезы”, которое телесно воплощено в единстве с телесным движением, само не осуществляется в пространстве как пространственное движение, а лишь косвенно со-локализовано в нем» (Гуссерль 2004: 288-289).

Только благодаря собственному опыту связи себя как *живого (властвующего) тела* с определенным *телом, обладающим протяжением (пространственной формой)*, я связываю другие Я-субъекты с «их» телами и воспринимаю их локализованными тут и там в пространстве-времени. При этом другие Я сознаются мною как «несобственным образом существующие [inexistent] в этой свойственной телам форме, тогда как сами они и, следовательно, души вообще, рассмотренные сообразно их собственной сущности, вовсе в нем не существуют» (Гуссерль 2004: 289).

Замечания Гуссерля о том, что живое по сути своей не является неразрывно связанным с пространственной формой, чрезвычайно важны и должны быть приняты во внимание в дальнейшем исследовании феномена живого.

Итак, живое тело отсылает к Я-субъекту, моему или другому сознанию. *Живым оказывается познающее, сознающее существо.*

Но как феноменологически отличить пространственное тело, связанное с Я-субъектом, от «просто тела»? Трудность их различения связана с тем, что живое тело, по словам Гуссерля, есть *также и просто тело* (Гуссерль 2004: 291). Нельзя не заметить того, что ключевым смысловым различием живого и неживого для Гуссерля, как и для Канта, служит характер *каузальности* того и другого типа предметов. При этом Гуссерль замечает, что если придерживаться жизненного мира, дающего изначальное обоснование всякому бытийному смыслу, то *каузальность имеет принципиально иной, отличный от утверждаемого той или иной научной теорией, смысл*, все равно, идет ли речь о природной каузальности или о каузальности между душевным и душевным и между телесным и душевным.

Согласно Гуссерлю, *тело по своей сущности есть локализованный в пространстве-времени субстрат каузальных свойств* (Гуссерль 2004: 291). Это означает, что каждое тело «не только вообще по необходимости существует вместе с другими телами, но – как типически это тело среди типически связанных с ним, в типической форме взаимосвязи, протекающей в типике последовательности»; «каждое “есть” так, как оно есть, при тех или иных “обстоятельствах”; изменение свойств одного отсылает к изменениям свойств в другом» (Гуссерль 2004: 290).

Коренное отличие Я-субъекта от тела, по мнению Гуссерля, заключается в том, что «...если мы отнимем каузальность, тело потеряет свой бытийный смысл как тело, его нельзя будет отождествить или различить как физическую индивидуальность. Но Я есть “это” Я и имеет свою индивидуальность в себе и из себя самого, а не из каузальности» (Гуссерль 2004: 289-290).

Правда, живое тело (Я), властвующее над пространственным телом, оказывается посредством последнего локализованным в пространстве и связанным с другими пространственными телами каузально. Будучи обусловленным психофизически, оно становится различимым и идентифицируемым для каждого, однако возможность такой идентификации, по утверждению Гуссерля, совершенно ничего не прибавляет к его бытию как *ens per se*. Философ утверждает, что в качестве сущего живое «заранее содержит в себе свою единственность», «пространство и время не являются для него принципами индивидуации, оно не знает никакой природной каузальности, которая по своему смыслу неотделима от пространство-времени» (Гуссерль 2004: 290-291).

Живое тело (другое Я) содержит в себе основания своего бытия, своей индивидуальности, оно не нуждается во внешней каузальности, чтобы быть определенным. Но каким образом *конституируется* сознанием такой особый тип предметности? Каковы условия его возможности?

Единство и устойчивость всякого воспринимаемого предмета у Гуссерля определяются *потенциальными* переживаниями, которые *предначертаны* в смыслообразующей интенциональности *актуальных* переживаний (Гуссерль 2010: 67). Активный синтез вещи включает истолкование имплицитного смысла, заложенного благодаря пассивному синтезу. Гуссерль пи-

шет: «...каждый продукт активности в качестве низшей ступени необходимо предполагает некую пассивность, формирующую предданность (vorgebende Passivitat), и, следуя произведенному в активности, мы наталкиваемся на конституирование в пассивном генезисе. <...> К самой сущности генезиса относится то, что я, Ego, уже при первой направленности взгляда могу иметь в опыте вещь» (Гуссерль 2010: 103).

Вследствие пассивного синтеза универсум заранее дан как универсум «вещей», каждая из которых имеет свою конкретную типичу, выражающуюся в «основных словах» того или иного языка, причем вся особенная типика перенимается из наиболее всеобщей, «региональной» типики. Именно к последней Гуссерль относит различие живых и неживых вещей. Далее, «в кругу живых мы различаем одушевленные [animalische], т.е. живущие не просто по инстинкту, но всегда также и в своих Я-актах, в противоположность живущим только инстинктивно (как, например, растения). Среди одушевленных вещей особо отличаются люди, причем настолько, что только под их углом зрения получают свой бытийный смысл просто животные, как вариации их самих» (Гуссерль 2004: 300-301).

Таким образом, все то, что делает вещь живой, конституируется в пассивности – исконной продуктивности, которая организует гилетические данные в значимые осмысленные структуры. В результате живое оказывается самоданным: «...в живом потоке интенциональности, в коей состоит жизнь Я-субъекта, в модусе вчувствования и горизонта вчувствования уже заранее интенционально имплицировано каждое другое Я» (Гуссерль 2004: 337).

Фактически Гуссерль соглашается с Кантом в том, что основание бытия живого не сводится ни к какой известной каузальности. Это означает, что аналогично тому как Кант приходит к полаганию данного основания за пределами мира явлений, у Гуссерля возникает необходимость полагания искомого основания не в горизонте других сознательных представлений, а в иной сфере. Для Гуссерля такой сферой выступает сфера пассивности.

В сферу первичной (примордиальной) пассивности Гуссерль включает темпорализацию, опирающуюся на ассоциации (так, *ассоциация одновременности* является условием возможности темпорального синтеза), ассоциативное структурирование чувственных полей, возникновение аффектов, а также формирование смысловых единств посредством кинестетических чувствований (см. об этом: Viceaga 2010: 16).

Однако неясно, как эти *общие* разновидности пассивного синтеза обеспечивают имплицитную заданность *различных* типов предметности, и прежде всего живых существ. В частности, каким образом примордиальные ассоциации, основанные только на сходстве, дают в результате устойчивую типичу предметов? Что касается кинестез, то они способны в лучшем случае обеспечить самоданность Я как живого, но *исходную данность* других живых существ как *живых* они обеспечить не могут. В самом деле, для распознавания их как живых необходимо осуществить перенос на них собственных кинестетических чувствований, а значит, сознание их как живых не является непосредственным. Что касается утверждения Гуссерля о том, что кинестезы суть основания устойчивости продуктов ассоциаций,

основания конституирования единства смысла, то философ признает, что «если бы чувственные данные вдруг стали бы появляться в беспорядке, если бы наше визуальное поле внезапно наполнилось бы беспорядочной путаницей цветов, кинестетические мотивации утратили бы свою силу» (Husserl 2001: 152).

Таким образом, кинестезы *предполагают* некоторую упорядоченность, *предданную по отношению к пассивному синтезу*. Невозможность указать источник этой упорядоченности составляет существенную трудность гуссерлевского осмысления *процесса конституирования жизни*. Поскольку же этот процесс ускользает от схватывания при помощи феноменологической рефлексии, не удается осмыслить субъективность как источник смыслообразования. Что касается феноменологического описания готовых типов предметности, то и оно не может быть принято. Вытекающее из гуссерлевского априоризма утверждение о *постоянстве* типов предметов не позволяет решить проблему осмысления историко-культурных изменений понимания жизни.

Эти трудности открывают путь для дальнейшего исследования феномена жизни, предполагающий признание зависимости сознания от некоторых смысловых целостностей, которые не конституируются сознанием, а являются результатами восприимчивости познающего субъекта к иному по отношению к сознанию.

П. С.Л. Франк: поиск основания жизни за пределами сознательного опыта. Своеобразие подхода Франка к проблеме отношения сознания к предмету обусловлено его стремлением преодолеть трудности и ограничения, присущие кантовскому трансцендентализму и гуссерлевской феноменологии.

В противовес Гуссерлю Франк утверждает: «...раскрытие “интенциональной” природы акта сознания, указание на присущую ему отнесенность к предмету не тождественно объяснению природы предмета как такового. “Смысл” предполагает психический акт, смыслом которого он является; “предмет” мыслится независимым от этого акта. Что смысл отличается от фактической, изменчивой природы индивидуального акта, что он в самом акте *мыслится* как нечто независимое, идеальное, вневременное, не мешает ему быть смыслом именно акта, т.е. стороной или моментом *переживания*. Таким образом, мы имеем здесь дело лишь с описанием своеобразной природы “интенционального акта” как такового, и подлинная гносеологическая проблема – проблема *отношения* этого акта к независимому от него предмету остается вообще незатронутой» (Франк 1995: 103).

Франк стремится увидеть в различных *смысловых образованиях* сознания результаты *познания* некоторой независимой от сознания реальности, тогда как у Гуссерля эти образования полагаются укорененными в субъективности как «последнем источнике», не имеющими отношения к какой-либо независимой от них реальности и представляющими собой единственно возможные предметы познания. Франк не согласен с тем, что познание сводится к феноменологическому описанию конституированных сознанием смыслов, и понимает знание как «определение чего то транс-

цендентного» (Франк 1995: 63). Такое заострение гносеологической проблемы является сильной стороной позиции русского философа.

Но если, как полагает Франк, «“предмет” необходимо мыслится трансцендентным “сознанию”, если его основа – сфера “имеющегося” – не совпадает с сознанием и в этом смысле трансцендентна ему», то разрешима ли проблема познания? Франк так описывает имеющуюся здесь трудность: «Нужно как будто поглядеть, каково то, что есть независимо от нашего созерцания его, – нужно что-то увидеть, не глядя» (Франк 1995: 155).

Решение этой, казалось бы неразрешимой, задачи Франк усматривает в обосновании того, что помимо *актуально данного*, то есть сознаваемого, существует неизвестное, не данное, но *потенциально имеющееся*. Без него, по Франку, мы не имели бы цели познания, а познав предмет, не могли бы быть уверены в том, что познали именно его, а не нечто иное.

Таким образом, для Франка, как и для Гуссерля, актуально данные предметные единства предполагают в качестве условия их возможности *потенциальные единства*. Однако понимание характера последних существенно различается у Франка и Гуссерля. В силу направленности феноменологии на смысловую абсолютизацию сознания Гуссерль не может признать, что потенциальности – это нечто иное по отношению к сознанию, но считает их результатами пассивного синтеза, которые, с одной стороны, являются продуктами субъективности, а с другой – образуют поле предметов, *преданных* активному сознательному познанию. По Франку, не данное, но потенциально имеющееся – это не результат синтеза, а само сущее: «...область данного не исчерпывает всей полноты сущего» (Франк 1995: 173).

Сравнивая позиции двух философов, нельзя не вспомнить размышления позднего Гуссерля, свидетельствующие о том, что он был близок к признанию отношения сознания к иному. Гуссерль утверждает, что мы никогда не найдем отдельных элементов, подлежащих синтезу, но всегда будем обнаруживать преданные синтезу целостности. Кроме того, как мы выяснили, попытки Гуссерля объяснить существование первичных целостностей на основе механизма примордиальных ассоциаций не приводят к успеху: ассоциирование уже предполагает наличие первичных целостностей, определяющих работу сознания, и в принципе не может быть базисом таких единств, которые сами заключают в себе неисчерпаемое множество единств. Франк выступает против признания того, что единство предмета и сознания в целом возникает путем ассоциации: «...не может быть и речи о каком-либо соединении или слеплении между собой двух отдельных, обособленных “представлений” или душевных явлений вообще, ибо ни в душевной жизни, ни в предметном сознании нет вообще таких отдельных, замкнутых в себе содержаний или явлений. Всякая ассоциация, по какому бы пути она ни шла, есть в конечном итоге... ассоциация *части с целым*, непосредственное слияние частного содержания с более широким или глубоким слоем душевного единства, как бы вращение всего вновь притекающего частного материала в это целостное единство» (Франк 1995: 547).

Итак, согласно Франку, поиск основания единства сознательных определенностей приводит к некоторому реально существующему, но не вме-

щающемуся в пределы сознания единству – единству *душевной жизни*: «...познавание есть не что иное, как *актуализация* потенциального единства душевной жизни» (Франк 1995: 561).

Каким образом становится возможным говорить о существовании потенциально имеющегося единства душевной жизни и что под ним подразумевается? По мнению Франка, душевная жизнь заявляет о себе не как сознание, а как бытие: «...признак “сознания” не исчерпывает собой природы душевной жизни. Сознание, как самопроникнутость или самоявственность, есть принадлежность чего-то, некоей реальности: мы не только знаем себя, но и существуем, и сознаем себя именно как нечто сущее – хотя и не как предмет, противостоящий сознанию, но все же как реальность, не исчерпывающуюся этой своей сознательностью. <...> Логически определить ту основную черту, которая – помимо сознания – объединяет между собой чувства, настроения, ощущения, стремления, невозможно; можно только – да и то требует больших усилий абстрагирующего внимания – просто подметить, уловить ее. Это есть именно то, что мы называем *переживанием* или непосредственным бытием, поскольку оно не исчерпывается сознанием» (Франк 1995: 479).

Утверждая, что «*жить* важнее и первее, чем *сознавать*», и что «*действенность* предшествует *созерцанию*» (Франк 1995: 479), мыслитель объявляет момент непосредственного бытия более существенным и первичным признаком душевной жизни, чем момент сознания.

В чем состоит единство душевной жизни? Франк выделяет три «формирующих центральных единства душевной жизни» (Франк 1995: 546), различая и обозначая их по преобладающим моментам их переживания. Низшее единство, называемое *чувственно-эмоциональным*, относится к сфере чувственных впечатлений-ощущений и связанных с ними эмоциональных переживаний. Это начало организует стихию душевной жизни через непосредственные оценки-стремления, укрепляющие в душевной жизни и привлекающие в нее «желательное», «приятное» и ослабляющие и отталкивающие «нежелательное», «тягостное».

Далее, «в лице самопреодоления, переживания “мужества” или “силы воли” мы имеем непосредственное проявление второго, высшего *сверхчувственно-волевого* единства души» (Франк 1995: 547).

Наконец, в лице *духовного или идеально-разумного Я* «мы непосредственно имеем то коренное и глубочайшее единство нашего “я”, которое связует наше душевное существо *сверхиндивидуальной* сферой абсолютно-го, или, вернее говоря, которое *есть сама эта связь*, само излучение абсолютно *сверхиндивидуального* единства в ограниченную область душевного единства индивида» (Франк 1995: 551).

Как поясняет Франк, «духовное или идеально-разумное “я” непосредственно выступает как *объективная и сверхиндивидуальная* инстанция в нас и вместе с тем как последний, абсолютный корень нашей личности. <...> Это есть начало совершенно иного порядка в душевной жизни, не имманентная, а трансцендентная, формирующая ее сила – “глубокий Логос, присущий душе и сам себя питающий” по выражению Гераклита, “разумная

часть души” в описании Платона, “действенный разум” по характеристике трезвого Аристотеля» (Франк 1995: 551).

Итак, по Франку, основу единства душевной жизни составляет сверхиндивидуальная сфера абсолютного бытия как единства. Единство душевной жизни оказывается не «внутренним», субъективным единством, но единством *непосредственного знания* об абсолютном бытии. Тем самым душевное единство сливается с абсолютным всеединством, душевная жизнь – с жизнью всеединства.

В свете такого понимания процесс познания видится как процесс приобщения сознания к сверхвременному всеединству (Франк 1995: 561). Выделяемые нами на уровне сознания отвлеченные и замкнутые определенности рассматриваются Франком как бытие более низкого уровня по сравнению с всеединством как абсолютным бытием. Знание этих определенностей оказывается не самодовлеющей истиной, а лишь приближением к ней: «...знание производного бытия есть тем самым несовершенное или неадекватное знание, ибо всякое адекватное знание или всякая истина есть совпадение с самим предметом, а единственным предметом знания является само всеединство» (Франк 1995: 279).

И только благодаря тому, что в нашей душевной жизни есть глубинная область, называемая *духовной жизнью*, возможно подлинное знание. В данной области душевная жизнь слита с абсолютным бытием и переживается и сознается в этой слитности, и поэтому душевное переживание не есть нечто только субъективное, но представляет собой объективное знание и укорененность в объективном бытии. Франк утверждает: «...мнение об исключительной субъективности и замкнутости душевной жизни обнаруживается как слепой предрассудок. Внутренний, как бы подземный мир наших переживаний не есть подземная тюрьма, в которой мы отрезаны от внешнего мира» (Франк 1995: 593).

Понимание знания как слияния душевной жизни с жизнью всеединства приводит к тому, что *знание отождествляется с жизнью*, становится живым знанием или «знанием-жизнью». «В живом знании, которое мы имеем в лице нашего глубочайшего *самосознания*, нам непосредственно дано именно это *органическое единство* самого бытия, в силу которого все производное, относительное, субъективное вместе с тем коренится в абсолютном, первичном, самодовлеющем и есть лишь его обнаружение» (Франк 1995: 585).

Обретение живого знания Франк определяет как *прочувствование*, обозначая этим термином «*эмоционально-душевное проникновение в природу объекта*, – переживание, которое, будучи одновременно и субъективно-душевым явлением, и объективным познанием, возвышается над самой этой противоположностью и образует явление *sui generis*» (Франк 1995: 591). Проникновение в природу предмета (предметом познания, в конечном счете, является всеединство) осуществляется благодаря особой интуиции. Эту интуицию Франк отличает от созерцательной интуиции и называет *интуицией-жизнью*, так как в ней Я не только созерцает объект, но и живет им: «...*знать* что либо в этом смысле и значит не что иное, как *быть* тем, что знаешь, или жить его собственной жизнью» (Франк 1995: 362).

Прочувствование позволяет достичь единства жизни и знания о бытии: «Сама жизнь есть знание – в этом простом... факте заключается вся разгадка явлений прочувствования (как и “духовной жизни” вообще)» (Франк 1995: 592).

Всмотревшись в содержание интуиции всеединства, «мы убедимся, что мы на краткое мгновение имеем тогда перед собой в едином познавательном акте и, следовательно, как единство, бесконечное многообразие, и что воспоминание о нем, т. е. позднейшее, так сказать, затемненное, вновь потенциализованное обладание этим единством многообразия служит нам затем руководящей нитью в построении системы отвлеченных определенностей» (Франк 1995: 270). логика фразы?

Франк убежден, что то единство, к которому отсылают и на котором базируются сознаваемые нами единства (как предметные единства, так и единство самого сознания) – это не нечто субъективное, но само абсолютное бытие: «Переживать», “чувствовать” значит не только “быть в себе”, как бы жариться в собственном соку отрешенной субъективности; это значит вместе с тем *быть во всем*, быть изнутри погруженным в бесконечный океан самого бытия, т.е. это значит *переживать и все остальное на свете*» (Франк 1995: 593).

Итак, у Франка основанием *единства душевной жизни* выступает несознаваемое, но существующее единство, то есть само *бытие* как единство. Исходя из этого философ считает возможным говорить об абсолютном бытии – чистой, сверхиндивидуальной *жизни*, к которой высшая, духовная, жизнь человека относится как часть к целому. Абсолютное бытие (всеединство) мыслится им как *органическое единство*. Жизнь предстает неотъемлемым свойством бытия. Мыслитель указывает, что бытие как таковое – это «*живая времяобъемлющая вечность*», «*вечная жизнь или живая вечность*» (Франк 1995: 323, 325).

Можно ли говорить о какой-либо общности понимания жизни в рамках трансцендентально-феноменологической традиции в свете проведенного исследования взглядов Канта, Гуссерля и Франка?

Пытаясь определить характерную черту единства душевной жизни, позволяющую отличить его от других единств, Франк отмечает, что для объяснения формирования душевного единства неприменима *каузальность*, известная нам из какого-либо *сознательного* опыта. Философ пишет: «...опытно-данный характер слитного, первичного единства душевной жизни, придающий особый отпечаток всей душевной Жизни, есть нечто, по самому существу не имеющее аналогии в механически-телесном мире и потому не объяснимое ни из какой комбинации процессов или явлений этого мира» (Франк 1995: 537).

Таким образом, Франк, вслед за Кантом и Гуссерлем, указывает на то, что живое отличается от неживого характером каузальности. Проводя параллель между рассуждениями этих мыслителей о каузальности живого, следует отметить, что все они фактически признавали, что корни феномена живого невозможно найти путем рассмотрения причинных связей *сознательного* опыта. При этом Кант и Гуссерль, каждый по своим основаниям,

не могли в поисках корней феномена жизни выйти за пределы сферы сознательного опыта, и поэтому существование в сознании такого типа предметности, как живое существо, не получило у них объяснения. Франк делает ставший необходимым для трансцендентально-феноменологической традиции шаг к признанию *зависимости сознания от иного по отношению к нему*.

Существенным результатом, полученным русским философом при исследовании феномена жизни, является демонстрация того, что сознание нами какого-либо явления как *живого* обусловлено причинной связью этого явления с *иным по отношению к сознанию*, а не с чем-либо входящим в сферу сознательного опыта. Значимым представляется и то, что эта связь с иным понимается Франком как отношение к некоторой системе *целостностей, к единству*.

Уязвимым для критики положением концепции Франка представляется утверждение о том, что сущность абсолютного бытия доступна нам непосредственно, что абсолютное бытие, благодаря интуиции особого рода, становится *сознаваемым*. Это чрезвычайное упрощение проблемы познания реальности, независимой от сознания. Указание на особую интуицию-жизнь претендует на исчерпывающее решение проблемы познания, однако в действительности не решает ее, так как не делает понятным *способ* познания субъектом мира, не раскрывает, каким образом *субъект познания* может «проникнуть в предмет», выйти к тому, что существует независимо от него. Убежденность Франка в том, что переживание нами предмета обеспечивает непосредственное «проникновение» в собственную природу предмета, базируется на аргументе о причастности душевной жизни абсолютному бытию: «...факт, что в лице переживания мы вообще *есмы*, т.е. что душевная жизнь есть *бытие вообще*, содержит указание на сверхиндивидуально-объективную сторону переживания. Ибо, хотя бы все *содержание* нашей душевной жизни было сплошь субъективным и индивидуальным, само *бытие ее* есть нечто сверхиндивидуально объективное» (Франк 1995: 592). Познающий, безусловно, сам есть часть *реальности*, однако это не означает, что он исходно причастен к *знанию* об этой реальности.

Итак, жизнь – прежде всего, *сознаваемый феномен*, и важным является открытие Франком того, что *феномен жизни был бы невозможен без установления отношения сознания к иному, несознаваемому*, а также того, что *жизнь есть знание*, результат познания реальности. Но нет никаких оснований утверждать, что этот феномен *совпадает* с самой реальностью, что в данном случае мы имеем *абсолютно адекватное* знание, которое лишено субъективных черт. Можно лишь сделать вывод о том, что именно *сознание отношения феномена к несознаваемому, но влияющему на сознание единству есть сознание жизни*.

III. Жизнь как явление, связывающее сознательное и досознательное. Дальнейшее исследование феномена жизни должно состоять в прояснении онтологического статуса единства, на которое указывают размышления Франка и позднего Гуссерля, – единства, не принадлежащего сфере сознания, но тем не менее оказывающего влияние на смыслообразование и

выступающего в качестве условия возможности различных типов предметов, в том числе живого и неживого. Исходные целостности, влияющие на сознательную синтетическую активность, не могут быть бытием, не зависящим от субъекта, но должны входить в сферу *субъективного*; в противном случае не могло бы быть речи о том, что на них базируется смыслообразование, работа сознания, что они могут включаться в качестве составных частей в сознательный синтез. Уместно обозначить область этих исходных целостностей термином «досознательное». Досознательное относится к сфере субъективного, но не является сознаваемым, будучи *условием возможности* сознательных представлений и оказывая влияние на формирование их смыслового содержания.

При этом следует признать, что сознаваемый нами мир не есть замкнутая «темница субъективности», устройство которой никак не связано с несубъективной реальностью, иначе, по справедливому замечанию Франка, гносеологическая проблема остается просто незатронутой. Эта проблема имеет перспективу решения, если рассматривать сознаваемый нами мир как некоторый, пусть неокончательный, не вполне адекватный, но все же результат *познания* реальности, существующей независимо от субъекта. Тезис Франка о том, что *жизнь есть знание*, верен в том смысле, что тот или иной тип предметов (прежде всего, интересующее нас живое) возникает в результате установления *познавательного* отношения субъекта к реальности.

Исходя из этих соображений, можно попытаться понять досознательные целостности, на которые опирается работа сознания, как результат *восприимчивости познающего субъекта к реальности*. Признавая существование восприимчивости, необходимо избегать необоснованных утверждений о характере результатов, полученных благодаря этой способности. Их не следует отождествлять ни с самой реальностью, ни с «чувственными данными», лишенными единства. Мы не имеем права утверждать, что восприимчивость к реальности носит *чувственный* характер, так как обладающее чувствами живое существо есть сознаваемый предмет, а значит восприятие, являющееся *условием возможности* такого предмета, само не должно быть чувственным.

Мы не располагаем данными, чтобы точнее определить свойства этого первичного восприятия реальности, но полагаем справедливым утверждение, что оно имеет *досознательный* характер. Действительно, обладая восприимчивостью к иному, субъект познания не в состоянии напрямую воспринимать себя и, вследствие отсутствия у субъекта восприятия себя самого как воспринимающего, первичное восприятие неизбежно остается *несознаваемым*.

Итак, примем, что *первичные целостности*, на которые опирается синтетическая работа сознания, представляют собой *результаты восприимчивости субъекта к реальности*.

Рассмотрим способ формирования смысловой целостности Я как живого, воспринимающего существа. Может показаться, что у сознаваемого Я нет досознательной основы, поскольку принципиально невозможно «направить» восприимчивость на самого себя как познающего (воспринима-

ющего), невозможно воспринять саму способность к восприятию. Однако если бы субъекту не был каким-то образом дан познающий, то познание не могло бы выйти на сознательный уровень, ибо *восприятие имеет сознательный характер лишь в том случае, если оно сопровождается восприятием самого себя как воспринимающего*. Поскольку восприятие субъектом самого себя принципиально невозможно, но сознание все-таки существует, остается предположить, что *данной субъекту познавательной способностью следует считать способность, созданную самим субъектом на досознательном уровне при помощи слепой производительной силы – трансцендентально-воображения*. Эта «наброшенная» познавательная способность выступает инструментом, посредством которого субъект познания воспринимает не только нечто иное по отношению к субъективности, но и саму сброшенную познавательную способность. Результатом применения сброшенной познавательной способности оказывается восприятие, сочетающее *восприятие реальности с восприятием самой воспринимающей способности*, то есть сознательное восприятие. Таким образом, помимо досознательного слоя данных, полученных благодаря восприимчивости самого субъекта, образуется слой сознательных данных, приобретенных благодаря сброшенной познавательной способности к восприятию.

Будучи инструментом для получения сознательных представлений, сброшенная познавательная способность становится для субъекта объектом *самопознания*, то есть принимается за самого познающего субъекта. Применение сброшенной познавательной способности для познания этой же способности в качестве *познавательного инструмента* дает нам сознание нашего сознательного опыта как *индивидуального субъективного опыта*, а самих себя как *индивидуальных субъектов*. Поскольку субъект может создавать множество набросков, существует множество индивидуальных сознаний.

Сознательный опыт, определяемый свойствами сброшенной познавательной способности, *индивидуален*, тогда как *досознательные* «данные» – первоначальные (не опосредованные наброском) результаты восприимчивости к иному, а также наброски субъективности – являются *общими* для всех индивидуальных субъектов. Не будучи сознаваемыми, они существуют для субъекта как *нечто непознанное, неизвестное* и существенно влияют на сознательное познание.

Кроме того, к сфере досознательного относятся *связи* восприятия, полученного при помощи наброска. Поясним этот тезис. Указанное восприятие сочетается с восприятием самого наброска, и поэтому именно благодаря ему субъект становится сознающим. Связи элементов этого восприятия определяются свойствами наброска, но последний на уровне сознания предстает не таким, каков он есть, а таким, как он воспринят посредством него самого как познавательного инструмента. Следовательно, указанные связи не могут быть сознаваемы адекватно уже на уровне первичного сознания, но они даны субъекту на досознательном уровне, поскольку определяющий их набросок есть досознательная данность. В ходе дальнейшего сознательного познания индивидуальный субъект вынужден при помощи

воображения выстраивать связи элементов первичного сознания, и базисом данных построений будут имеющиеся на досознательном уровне связи этих элементов. Индивидуальному субъекту представляется, что его сознательное познание базируется только на неоформленных, несвязанных данных – *ощущениях*, тогда как на самом деле связи этих сознательных данных существуют на досознательном уровне и, так же как и первичные досознательные данные, влияют на построение сознательных связей.

Как осуществляется влияние досознательного на сознание? *Восприимчивость наброска* дает результаты, отличные от результатов, полученных благодаря *восприимчивости самого субъекта*. Таким образом, субъект имеет два слоя различных данных *об одной и той же реальности*. Назовем различные данные, которым соответствует один и тот же воспринимаемый предмет, *соответственными*. Сознательные и досознательные данные не могут вступить в прямое противоречие друг с другом, однако их различие смутно чувствуется. Субъект испытывает чувство неудовольствия, внутренней дисгармонии, связанной с теми или иными сознательными данными, и направляет свои познавательные усилия на устранение этой дисгармонии, то есть на приведение сознательных данных в соответствие с досознательными. Действующее на сознательном уровне (вторичное) воображение создает все новые и новые связи элементов первичного сознания, формируя таким образом сознаваемые предметы и их взаимосвязи.

Принятие тех или иных результатов работы воображения в качестве знания о мире определяется тем, насколько эти результаты соотнобразуются, гармонизируют с *соответственными* досознательными данными. Создание и отбор продуктов вторичного воображения – длительный и сложный процесс, в ходе которого постепенно формируется сознание, состоящее из предметов как связанных друг с другом целостностей.

Приведенное понимание способа формирования сознательного опыта позволяет прояснить, в чем состоит отмеченная Кантом, Гуссерлем и Франком *особенная каузальность живого*. *Явления, содержание которых определяется не только сознательными, но и досознательными данными, и представляет собой результат гармонизации первых со вторыми, сознаются познающим субъектом как обладающие жизнью*.

Будучи сознательным построением, живое подчиняется основным структурообразующим связям сознания – пространственности временности, причинности (эти связи вытекают из описанного выше способа познания субъектом мира; см. об этом: (Рябушкина 2014: 330-335)). Возникновение и изменение живого существа на первый взгляд вполне объясняются посредством построения действующей причинной связи, в соответствии с которой проявления жизни представляются как результат действия физиологических и психологических механизмов, однако при этом некоторое неуловимое, но важное основание останется за гранью объяснения. *Влияние досознательного* привносит в сознание *принципиально новое*, и это явление нового сознается как *рождение* живых существ. Рождение и смерть можно рассматривать как служащий для объяснения возникновения и уничтожения живого *особый род причинной связи*, который, не вступая в противоречие

с общей для всех сознательных явлений действующей причинной связью, тем не менее отличает живое от неживого. Эта дополнительная причинная связь, является, хотя и не вполне адекватным, но все же сознанием того, что истоки живого лежат за пределами сознательного опыта.

Причина изменений живого заключена не только в чем-то внешнем по отношению к нему, но, прежде всего, в нем самом; живое способно расти и развиваться, способно *рождать нечто новое*, в том числе *живое* знание, *живые* прекрасные произведения искусства. Данными свойствами живое обязано своим досознательным «корням».

Первобытное сознание формируется в установке на уменьшение диссонанса восприятий в целом и поэтому стихийным образом настраивается как на сознательные, так и на досознательные соответственные восприятия, не проводя между ними различия. Следствием первобытной нерасчлененности восприятий выступает всецело живой мир, в котором причинность мыслится как рождение и смерть. Такое миропонимание сохраняется и в культурах древности. Смерть живого существа не делает его *неживым*, а приводит к его обновлению, возрождению. Для этого этапа познания характерно представление о *вечно умирающей и вечно возрождающейся* природе, обусловленное ориентацией на вневременное досознательное.

В дальнейшем ходе познания понимание жизни становится иным, и этот процесс обусловлен сменой *познавательных установок*. Под познавательной установкой следует понимать один из возможных способов согласования *соответственных* сознательных и досознательных данных, принятый и применяемый до тех пор, пока он дает значимые результаты. Выяснение сути познавательной установки той или иной эпохи дает ключ к осмыслению характерных для нее пространственных, временных, каузальных, эстетических, этических представлений и определению их структурных особенностей. Если априоризм, присущий трансцендентально-феноменологической традиции, замыкает сознание в круге одних и тех же неизменных, неразвивающихся форм и типов предметов, то исследование процесса познания как смены познавательных установок позволяет осмыслить сознательный мир как мир, *открытый для структурных изменений*. Разумеется, рассмотрение этого сложного процесса выходит за рамки данной статьи. Здесь мы сможем лишь тезисно указать на отдельные его моменты.

Формирование нового понимания жизни, происходящее в античности, обусловлено тем, что познающий начинает сознавать существование *различных* соответственных досознательных результатов познания, служащих ориентиром для построения сознательных явлений и их связей. Первоначально это сознание представляет собой лишь неясное ощущение зависимости нашего отношения к различным сознательным явлениям от того, насколько они отвечают чему-то иному, находящемуся за пределами сознательного мира. Постепенно познающий приходит к мысли о существовании незримого «образца» сознательных явлений. Утверждая, что причиной вещи является ее *вечный образец*, античность как бы угадывает, что работа вторичного воображения ориентирована на достижение единства с

досознательным. В качестве отношения, соединяющего разнородное, выступает *гармония* (Лосев 2000а: 291).

Работа познающего по соединению разнородных начал породила различие истинного и неистинного бытия и отождествление истины (истинного знания) и реальности. Античный человек утверждает гармонию – в противовес ставшей осознанной дисгармонии, жизнь – в противовес безжизненности, познание природы – в противовес ремесленничеству как созданию неживых вещей. В результате возникает мир античности – мир как прекрасное живое существо. Так, например, Платон в «Тимее» называет космос «целостным и совершеннейшим живым существом с совершенными же частями» (Платон 1994: 435-436). Жизнь космоса – это «жизнь блаженного бога» (Платон 1994: 437).

Поскольку гармония сознательного и досознательного может быть найдена только в живом существе, античное творчество есть создание жизни. Отсюда следует, что познание есть не что иное, как рождение – рождение прекрасного живого существа. «...Вся эта сфера прекрасного – как сознание – трактуется при помощи учения о рождении. Прекрасно то сознание, говорит Платон, которое рождает» (Лосев 2000b: 231-232).

Античная онтология вытекает из познавательной установки на гармонизацию сознательного и досознательного. Именно поэтому Франк мог найти у античных философов отождествление жизни и бытия, на которое он ссылался как на подтверждение своей теории. Так, например, проанализировав учение Плотина, он приходит к выводу: «...абсолютное бытие здесь, как и у Платона, в последнем своем основании есть абсолютная жизнь» (Франк 1995: 377).

Доказывая бессмертие души через взаимопереход противоположностей, Платон опирается на утверждение: если бы действительность остановилась только на одной противоположности и не переходила бы в другую, то она осталась бы в неподвижном состоянии и омертвела бы. А.Ф. Лосев, определяя философскую ценность этого аргумента, замечает, что указанное утверждение является бездоказательным. «Эта омертвелость никого не может испугать ни логически, ни фактически. Если на Луне, например, нет жизни, то, значит, по крайней мере для настоящего времени, логически необходимый переход от жизни к смерти для Луны не имеет совершенно никакого значения» (см.: Платон 1993: 421). Современного человека действительно не может удивить мертвый мир. Неживое обрело реальность наравне с живым и зачастую представляется даже более устойчивым к изменениям и разрушениям, чем живое. Жизнь – структурная особенность мира, возникающая вследствие античной познавательной установки на достижение гармонии между сознательным и досознательным. Платон мог руководствоваться в своих рассуждениях о мире постулатом о тождестве реальности и жизни с тем же правом, с каким в современной познавательной установке человек может опираться на утверждение о тождестве реальности и языка.

Вместе с осознанием противоречивости и неоднородности сознательных содержаний мир впервые разделяется на живое и неживое. Как осуществляется такое разделение?

Неживая вещь – продукт творчества, созданный в установке исключительно на гармонизацию сознательного опыта как самостоятельного и не связанного с досознательным. Неживое признается действительным и сохраняется, поскольку уменьшает внутреннюю дисгармонию сознательного мира, а также, не имея реального соответственного восприятия в досознательном, не вызывает диссонанса с ним.

Но в античности сознательный мир еще не приобрел для человека самостоятельной значимости. *Ремесла* – умения создавать различного рода неживые вещи – Платон полагает недостойными того, чтобы ими заниматься, так как они имеют отношение только к смертному телу, помогая за ним ухаживать (Платон 1990: 260).

Действительно, изготовленные человеком полезные вещи подстраиваются под природу человека, *представленную на сознательном уровне*, а не под *действительную, укорененную в досознательном* человеческую природу, что закрепляет несовершенное сознание самого себя и препятствует самопознанию. Отсюда вытекает характерное для античности пренебрежительное отношение к производящей деятельности, облегчающей человеку жизнь, но не связанной с рождением прекрасного и с познанием (Платон 1994: 386).

Заметим также, что наличие в сознаваемом мире античного человека неживых вещей не противоречит идее о всеобщей одушевленности, поскольку все вещи без исключения пронизаны мировой душой и от нее неотделимы. В целом можно утверждать, что живой космос – это реальность, которую знала античность и которая являлась почвой как обыденного, так и философского мировосприятия той эпохи.

В Средневековье сознательным образом досознательного выступает *трансцендентное*; подлинная реальность полагается *за пределами* сознаваемого человеком мира. Средневековый мир видится живым лишь постольку, поскольку он определяется досознательным, а не противостоит ему. Мир земной остается живым как подобие мира небесного и утрачивает жизнь как отпавший от этого мира.

Сознание возможности *отпадения чувственного мира от мира Божественного* (ощущение разрыва сознательного и досознательного), *принятие возможности полной безжизненности* земного мира – одна из ключевых характеристик Средневековья.

Уход из жизни уже не понимается как часть жизненного круговорота, как обратная сторона рождения. Человек начинает ощущать опасность превращения живого не в *мертвое* (что обещает возрождение), но в *безжизненное*; он мыслит два вида ухода, из которых один допускает воскрешение, а другой – нет. Последний предстает как смерть самой души, то есть обращение живого в *неживое*.

Открытие существования в сознательном мире такого, нового, типа содержания, как *нерукоотворное* (не созданное человеком) *неживое*, оказывает на сознание потрясающее действие: мысль об угрожающей душе опасности становится определяющей. Основной заботой человека объявляется спасение души, то есть предотвращение безвозвратного, непоправимого ухода

из жизни. Противостоять угрозе смерти возможно только на пути уподобления Богу. Эта забота есть не что иное, как стремление человека восстановить свою связь с досознательным, поскольку именно она определяет его в качестве *живого* существа. Смерть ждет всех, кто утратил подобие Богу: «...боязливых и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая» (Откр., XXI, 8).

«Вторая», окончательная смерть – смерть души – парадоксальным образом трактуется как состояние, связанное со *страданием*. По словам Августина, «при последнем осуждении, хотя человек и не перестанет чувствовать, однако так как само чувство не будет доставлять приятного удовольствия и благотворного покоя, но будет мучительным вследствие страданий, то жизнь эту справедливо следует называть скорее смертью, чем жизнью» (Августин Блаженный 1998: 556).

Представление о «второй» смерти, на первый взгляд противоречивое, имеет гносеологическое объяснение. В характерной для данной эпохи установке на уподобление досознательному сознание разрыва сознательного и досознательного есть сознание сильнейшего диссонанса результатов познания, то есть величайшее страдание. Именно поэтому с представлением о смерти души связано представление о страдании. Понятие «жизнь» в данную эпоху не сводится к понятию «организм». Чувствовать – еще не значит жить, так как жизнь соотносима не со всяким чувством, а с чувством удовольствия от гармонии с досознательным. Лишенный этого чувства, по сути, не является живым, поэтому нет противоречия в том, чтобы испытывать страдания, не будучи живым.

Таким образом, на данном этапе познания имеет место различение двух жизней – жизни подлинной, связанной с трансцендентной Божественной реальностью, и жизни чисто физической, которая есть жизнь только по видимости. Аналогичным образом двойкой может быть и смерть: смерть чисто физическая – это не смерть подлинная, тогда как смерть, отрывающая от Божественного мира, оказывается смертью окончательной, настоящей.

Сведение смысла живого к понятию организма – результат *принятия сознательного мира в качестве единственной реальности*. Тенденция к тому, чтобы утверждать *автономию чувственного мира*, намечается с началом Нового времени, достигая завершения в эпоху ницшеанского «великого полдня», сулящего человеку избавление от «теневого», «задних» миров.

Основание для возникновения этой тенденции состоит в том, что в процессе сознательного творчества продуцируется все больше вещей, имеющих значимость исключительно для сознательного мира и человека как эмпирического существа, и их бытие ждет своего осмысления. Сознательный мир становится все более весомым сам по себе, он отягощается множеством новых продуктов сознательного творчества, которые требуют гармонизации друг с другом. Все больше творческих ресурсов расходуется на внутреннюю гармонизацию сознательного мира, что ведет к дальнейшему увеличению числа продуктов воображения, которые не имеют соответствия в досознательном и значимы лишь как составляющие «чувственного»

мира. Сознаваемый «чувственный» мир растет на глазах, и его внутренние противоречия приобретают для познающего все большую остроту, по сравнению с которой диссонанс сознательного и досознательного становится все менее заметным.

В качестве основания, по которому посюсторонний мир принимается в качестве действительного, выступает *идея* о принципиальной согласованности (*предустановленной гармонии*) сознательного («здесьнего мира») с досознательным («Божественным миром»). Чтобы объяснить существование диссонанса в условиях предустановленной гармонии миров, прибегают к различению *сознательного мира как такового и нашего знания о нем*. Диссонанс трактуется как несоответствие *знания* о сознательном мире *самому этому миру*. Происходит *разделение сознательного мира на мир как таковой (объективный мир) и мир, как он представляется мне (субъективный мир)*. Если первый в силу предустановленной гармонии может считаться заслуживающим принятия в качестве действительности, то второй должен подвергаться корректировке в процессе сознательного творчества до тех пор, пока не будет полностью сообразовываться с первым. Родоначальником данной познавательной установки выступает Р. Декарт.

На этом этапе познания между досознательным и сознательным полагается *гармония*, а поскольку свойство быть *живым* обусловлено гармонией явления с досознательным, сознательный мир все еще видится полностью живым. Жизнь, благодаря предустановленной гармонии наполняющая весь сознательный мир, представляется столь же неуничтожимой, как и сама гармония: «Не только неразрушима душа (зеркало неразрушимого универсума), но и самое животное, хотя его машина часто гибнет по частям и покидает или принимает органические одеяния» (Лейбниц 1982: 427).

Однако понимание жизни на этапе утверждения предустановленной гармонии оказывается своеобразным. Так как гармония сознательного мира с досознательным мыслится *заведомо существующей*, предустановленной, *досознательное перестает быть ориентиром сознательного творчества* и оказывать влияние на содержание сознания. Если в античности досознательное в виде «вечного образца», «формы» определяло смысловое содержание вещи и тем самым выступало в качестве *цели вещи*, то теперь, когда досознательное утрачивает содержательное влияние на сознательные явления, *целевая причина относится исключительно к субъективному миру* и изгоняется из мира объективного. Действующая причина объявляется единственно возможной причиной объективного мира.

Поскольку явление, с одной стороны, принадлежит миру объективному, а с другой – познаваемо, то возможен случай совпадения объективного и субъективного – явления и знания о нем. В данном случае происхождение явления может быть описано как при помощи действующей, так и посредством целевой причинности. Это *имеет место только в случае наличия исчерпывающего знания о явлении*. Подобного рода знание в отношении природных вещей доступно только Богу.

В итоге *живое трактуется либо как результат взаимодействия пространственных тел, либо как результат конструирования Богом*. Согласно

Лейбницу, живое тело есть машина, созданная Богом (Лейбниц 1982: 424). Мир есть слаженно работающий механизм.

Декарт на основе открытия *непроизвольных* действий живого существа приходит к пониманию того, что все они могут совершаться благодаря его органам, которые взаимодействуют между собой как части машины (Декарт 1994: 180). Механистическое учение о живом получает общее признание. Упомянем лишь Ж.О. Ламетри, опубликовавшего сочинение под названием «Человек-машина», и Т. Гоббса, для которого человек также был машиной.

Итак, на данном этапе познания субъект сосредотачивается на гармонизации объективного и субъективного – двух пластов сознательного мира, в результате чего досознательное перестает оказывать *содержательное* влияние на явления. В итоге сознательный мир, признаваемый живым в силу принципа предустановленной гармонии, на деле рассматривается как механизм.

В мире предустановленной гармонии человек видится *отличным от механизма* лишь постольку, поскольку он есть *субъект познания*. Следствием этого является начатое Декартом, но характерное для данной эпохи в целом *сведение человека к вещи мыслящей, к субъективности*.

На следующем этапе человек стремится найти способ приведения субъективного и объективного к единству, не опираясь на идею о предустановленной Богом гармонии. Основанием возможности достичь указанного единства выступает идея об *интеллектуальной интуиции* – интеллектуальном продуцировании объектов, которое есть также познание этих объектов. Продуцирующее – интеллигенция или Я – есть та исходная точка, в которой имеет место *абсолютное тождество* созерцающего и созерцаемого, субъекта и объекта: «Я *есть* по необходимости тождество субъекта и объекта, – субъект-объект; и оно является таким прямо, без всякого дальнейшего посредства» (Фихте 1993а: 81). На данном этапе *полагается возможность гармонизации мира без какой-либо опоры на досознательное*, вследствие чего *сознательный мир как целое утрачивает жизнь*.

Живыми остаются только мыслящие, воспринимающие существа. Каковы гносеологические основания указанного изменения понимания жизни? Диссонанс явления и соответственного ему досознательного восприятия оказывается особенно значительным в ситуации, когда само досознательное изменяется, преобразуется. Это имеет место в случае создания набросков субъективности. Новые наброски воспринимаются субъектом при помощи самой наброшенной познавательной способности и, таким образом, «проявляются» в сознательном мире. В результате работы вторичного воображения по построению связей элементов первичного сознания, соответственных наброску, *наброски сознаются субъектом как живые существа*. Наброски, поскольку они обладают познавательными способностями, сознаются как существа, в той или иной степени *воспринимающие мир*. Стало быть, связь существ, обладающих восприимчивостью, с досознательным не может быть порвана даже в установке на автономизацию сознательного мира. Воспринимающие существа оказываются лишь отдельными островками жизни на фоне утратившего жизнь мира. Именно такое понимание

жизни можно найти у Канта, который как мы видели, разделяет природу на органическую и неорганическую.

С разделением природы на живую и неживую причинная связь «рождение» сохраняет силу лишь в отношении существ, способных к восприятию (данным существам соответствуют досознательные наброски субъективности). Вместе с тем человек сознает, что живой организм, поскольку он есть *часть мира, в целом ставшего неживым*, оказывается все менее отличным от хитроумной машины. Это сознание порождает в человеке ни с чем не сравнимый ужас – ужас Натаниэля из «Песочного человека» Гофмана. Невозможность созерцать сознательный мир как *живой мир* переживается человеком как катастрофа. Он жаждет жизни и повсюду в мире ищет ее. И. Гердер страстно противится тому, чтобы «изо дня в день все более ощущать себя машиной», призывая то, что безвозвратно потеряно: «Сердце! Тепло! Кровь! Человечество! Жизнь!» (Мейнеке 2004: 306).

Будучи связанной исключительно с *набросками субъективности*, жизнь принимает новую форму: она превращается, прежде всего, во *внутреннюю* жизнь воспринимающего существа, которая, однако, парадоксальным образом проявляется вовне, формируя его внешний облик и поведение («органическая сила» Гердера).

Из того, что живым признается лишь соответствующее наброску (познающее, обладающее сознанием), вытекает положение о том, что *мышление есть жизнь*. И.Г. Фихте пишет: «...мышление, как все самостоятельное, живо по самой своей сущности; и именно потому мысль может быть мыслима только самостоятельной, а самостоятельность может быть приписываема только мышлению, ибо и самостоятельности, и мышлению сопутствует жизнь» (Фихте 1993b: 413).

Представители немецкого идеализма, руководствуясь идеей интеллектуальной интуиции, полагают отождествляемую с жизнью мысль истоком сознательного мира. Утверждение о том, что *в основании* сознательного мира все-таки лежит жизнь, позволяет смягчить то чувство утраты жизни, которое испытывает человек, созерцая сам этот мир, где жизнь «сжалась», «сосредоточилась» лишь в организмах, перестав быть достоянием целого мира. Так, согласно Фихте, не следует сводить жизнь к жизни индивида; жизнь есть основа всех явлений сознательного мира, в том числе и индивидов: «...не индивид, а единая, непосредственная, духовная жизнь есть создатель всех явлений и самих являющихся индивидов» (Фихте 1993b: 686-687).

Шеллинг в своем понимании живого также опирается на идею о том, что *живое есть разум*. При этом если для Фихте неживая природа является действительно неживой (не-Я), хотя основанием ее выступает жизнь (Я), то для Шеллинга неживой природы не существует, поскольку природа – это Я, хотя и бессознательное. Шеллинг утверждает: «...так называемая мертвая природа вообще не что иное, как не достигшая зрелости интеллигенция» (Шеллинг 1987: 233).

По Гегелю, *идея*, будучи основой, принципом развития мира, не может не быть также и *жизнью*. В духе как идее, то есть в *живом* духе, понятие

и реальность едины; представление же о мертвой природе (под «мертвой природой» Гегель понимает неорганический мир) является результатом разделения понятия и реальности (субъективного и объективного, формы и материи) в субъективном абстрагирующем мышлении (Гегель 1972: 211).

Таким образом, рассматриваемой эпохе удастся сохранить жизнь сознательного мира за счет того, что в основе этого мира полагается *познающий*, который в своей интеллектуальной интуиции тождественен самому себе как познаваемому.

Следующая познавательная установка несет с собой новое понимание характера *отношения между субъектом и объектом*, – отношения, которое, начиная с эпохи «предустановленной гармонии», играет ключевую роль в формировании структуры сознательного мира. Новое понимание намечается А. Шопенгауэром и принимает четкие формы в работах Ф. Ницше. Прежде утверждалось, что существуют, с одной стороны, объективные явления, а с другой – субъективные представления о них, причем между теми и другими имеет место *соответствие*, которое ведет к диссонансу, поскольку, вообще говоря, представление о предмете *не тождественно* самому предмету. В том или ином виде субъектно-объектный дуализм был *нервом* всех философских концепций двух предшествующих эпох.

Однако все попытки привести субъективное и объективное к единству оказываются тщетными. Более того, работы немецких идеалистов, направленные на построение «философии тождества», демонстрируют *принципиальную невозможность* устранения противоположности субъективного и объективного. Гегель утверждает, что единство субъективного и объективного, по сути, *всегда* имеет место («все действительное разумно, все разумное действительно»), но при этом *единство противоположностей не означает их уничтожения* (так называемый закон единства и борьбы противоположностей). Этот открытый Гегелем «закон» есть следствие того, что в установке на абсолютизацию сознания *необходимо полагать источник диссонанса внутри сознательного мира* и противопоставление субъективного и объективного играет роль этого необходимого источника, а потому от него нельзя избавиться, не разрушив сами основы познавательной установки эпохи. Иными словами, закон единства и борьбы противоположностей есть *закон данной познавательной установки*, ему подчинены *все* системы немецкого идеализма. Так, Шеллинг пишет: «В Я содержатся изначальные противоположности – субъект и объект; оба они *друг друга снимают, и тем не менее один невозможен без другого*... они должны быть объединены, ибо ни один не может уничтожить другого; однако существовать вместе они тоже не могут. Таким образом, противоборство идет не столько между двумя факторами, сколько между неспособностью объединить два бесконечно противоположных друг другу фактора, с одной стороны, и необходимостью сделать это, чтобы не было снято тождество самосознания, – с другой» (Шеллинг 1987: 278). Понимание того, что диссонанс субъективного и объективного непреодолим на основе идеи об интеллектуальной интуиции, влечет за собой поиск новой постановки проблемы познания, новой познавательной установки.

В соответствии с сохраняющейся установкой на автономизацию сознательного мира диссонанс по-прежнему трактуется как *несогласованность, имеющая место в рамках сознательного мира, а не как противостояние этого мира в качестве целого миру иному*. Но вместе с тем находится новое объяснение диссонанса, которое заключает в себе обоснование возможности его преодоления и приведения сознательного мира к внутреннему единству. А. Шопенгауэр предлагает рассматривать все составляющие сознательного опыта как *представления*. Последние не являются *ни субъективными, ни объективными*, но соединяют в себе черты того и другого. С одной стороны, все представления (составляющие сознательного мира) суть результаты *объективации*. *Субъективных* представлений не существует, так как субъект – это «то, что все познает и никем не познается» (Шопенгауэр 1999: 20), а значит, субъективное не может быть представляемо. Субъект всегда остается «вне поля зрения»; ничто из сознаваемого не есть субъект, следовательно, мы имеем только один ряд представлений – объекты, и нет другого ряда, который мог бы дисгармонизировать с этим рядом. На данном этапе дисгармония полагается существующей *внутри объективного ряда*, и это открывает перспективу ее преодоления. Сколь бы велика ни была несообразность одних объектов с другими, как бы они ни «конфликтовали» друг с другом, все же приведение их к гармонии не является *принципиально* невозможным, тогда как единство субъективных и объективных содержаний недостижимо ввиду их принципиальной несоизмеримости, наличия у них взаимоисключающих атрибутов. В *полной объективации сознательного мира* состоит надежда новой эпохи на избавление от диссонанса. Такова ее познавательная установка.

Различные философские направления мысли данной эпохи акцентируют те или иные стороны обусловленного познавательной установкой единого миропонимания. Позитивисты утверждают необходимость исключения субъекта из мира. Феноменология подчеркивает, что «сами вещи» даны благодаря сознанию, но при этом они представляют собой не вещи сами по себе в кантовском смысле, а интендированные сознанием предметы. Указанные направления не исключают, а дополняют друг друга: можно показать, что феноменология тоже выводит субъективное из поля сознательного опыта. Идею интенциональности принимает и экзистенциализм, также выступая против полагания двух миров – «внутреннего» и «внешнего». М. Хайдеггер указывает, что человеческому существованию («экзистенции присутствия») принадлежит направленность на предметный мир, при этом мир присутствия не есть сущий сам по себе, он есть некий проект, заброшенный присутствием (Хайдеггер 2001: 219).

Познающие живые существа, поскольку их пытаются представлять, включать в предметный мир, теперь лишаются *внутреннего, субъективного* мира и *объективируются, отелесниваются*¹. Сохраняется введенное Кантом

¹ Против самообъективации выступают экзистенциалисты, но они уже не могут противопоставить ей ничего иного, кроме «бытия к смерти», «ничто» (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр). Они мыслят в рамках познавательной установки, в соответствии с которой субъект, для которого существует сознаваемый мир, сам не может быть *чем-то* сознаваемым.

понимание жизни как *организма*, однако организм теперь рассматривается как часть *всецело объективированного* сознательного мира.

Следствием *опредмечивания* познающего, воспринимающего существа является стремление объяснить его поведение на основе понятия *инстинкта*. Ницше трактует «волю к власти» как инстинкт, тем самым лишая поведение живого существа его *внутренней, субъективной стороны* (осознанности, обдумывания, целенаправленности). Сознательная воля не отрицается вовсе, но объявляется результатом нашей ошибочной рефлексии о своем поведении. Утверждается, что вовсе не сознательная воля в действительности определяет наши действия [Ницше 1996: 641]. Ницше пишет: «...я – тело, только тело, и ничто больше; а душа есть только слово для чего-то в теле. <...> Орудием твоего тела является также твой маленький разум...» (Ницше 1996: 24).

Поскольку живые существа и неживые предметы теперь образуют *единый объективированный мир*, человеческое познание направляется на поиск *единой причинной связи*, единой объяснительной схемы, для которой живые организмы не составляли бы исключения. Ни действующая, ни целевая причины не подходят для этой роли. Искомую объяснительную схему предлагает теория происхождения видов Ч. Дарвина. Составляющие этой схемы – *изменчивость и естественный отбор*.

Изменчивость замещает ставшие неприемлемыми причинные связи предшествующих эпох. Полагание изменчивости фактически является *признанием наличия в природном мире внезапных, далее необъяснимых изменений*. Новая познавательная установка, *исключающая все субъективное из области сознаваемого*, в конечном счете делает невозможным построение причинной связи, объясняющей возникновение новых целостностей. Действительно, всякий вопрос о том, как возник тот или иной объект, требует обращения к субъективности, которая осуществляет *опредмечивание*, а такое обращение при данной установке невозможно. Именно поэтому феноменология может лишь *описать* различные типы предметов, но не *объяснить* их существование.

Показательно, что Ницше как провозвестник эпохи подвергает критике *каузализм*. Он указывает на то, что понятие «причина» проистекает из нашего представления о сознательной, целенаправленной воле действующего индивида (Ницше 2005: 308-309). С критикой причинности выступают и другие влиятельные направления эпохи, например *позитивизм*. О. Конт пишет: «...основной переворот, характеризующий состояние возмужалости нашего ума, по существу заключается в повсеместной замене недоступного определения причин в собственном смысле слова – простым исследованием законов, т.е. постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями» (Конт 2003: 73-74).

Элиминация причинности – неизбежное следствие познавательной установки эпохи, для которой сознательный мир – это результат объективации, осуществляемой субъектом, это мир явлений, но таких, которым не соответствуют никакие *вещи в себе*. Будучи объективированными, основанными субъектом, явления не имеют собственной основы, и, следовательно, не могут быть причинами (Ницше 2005: 306).

Построение причинной связи состоит отныне не в объяснении того, как возникает то или иное создаваемое нами образование (подобное объяснение заслужит упрек в «субъективности», будет признано заведомо неадекватным), а в ответе на вопрос о том, что обеспечивает его сохранение в сознательном мире среди множества других образований. В дарвиновской теории происхождения видов таким ответом становится учение о естественном отборе. Данный вопрос, вообще говоря, не имеет прямого отношения к смыслу причинной связи и является вопросом о принятии или непринятии тех или иных сознательных содержаний. Принятие определенных содержаний, их сохранение в качестве составляющих сознательного мира, как мы помним, зависит от того, способствуют ли эти содержания гармонизации соответственных сознательных и досознательных «данных». Но в этой познавательной установке, в условиях полагания автономного характера сознательного мира, гармонизация состоит в подгонке, приспособлении одних продуктов объективации к другим. Отсюда вытекает учение о выживании наиболее приспособленных организмов.

Итак, принятие «эволюционного типа причинности» означает элиминацию причинности в ее прежнем смысле – причинности как объяснения происхождения новых явлений, а не их принятия, сохранения.

Неизбежное распространение эволюционного типа причинности на все явления сознательного мира (как органические, так и неорганические) в дальнейшем ведет к возникновению так называемой концепции глобального эволюционизма. Неорганические системы начинают рассматриваться по аналогии с организмами как становящиеся, развивающиеся, усложняющиеся. Изменчивость (спонтанное возникновение упорядоченных структур) приписывается не только биологическим системам, но и системам неорганической природы – возникает синергетика. Создаются аналоги естественного отбора, объясняющие сохранение неживых систем (например, теорий, гипотез). Известный тезис Ф.Г. Добржанского «ничто в биологии не имеет смысла кроме как в свете эволюции» получает расширение: «Ничто в науке не имеет смысла кроме как в свете эволюции» (Князева 2014: 44). Поскольку эволюционный тип причинности, по сути, означает элиминацию причинной связи, возникновение в сознательном мире нового оказывается необъяснимым, неожиданным, случайным: «Эмерджентность – это способ рождения новизны в процессе эволюции природы и общества» (Князева 2014: 48).

Заметим, что изменчивость живых существ есть (пусть и неадекватное) осознание влияния досознательного на содержания сознание. Познавательная установка эпохи такова, что досознательное может «проникать» в сознание лишь в крайне примитивизированной форме, позволяющей сблизить причинность живого и неживого и представить единую объективную причинность сознательного мира.

Эволюционная теория, включая в себя учение об изменчивости видов, фактически принимает во внимание неустранимое влияние досознательных данных на содержание сознания. Выраженное в чисто посюсторонних терминах, как того требует познавательная установка эпохи, это учение на деле указывает на то, что такие сознательные содержания, как ступени развития

жизни, ускользают от объяснения на основе чисто поюсторонней причинности.

Понимание *познавательной способности* как результата эволюционного процесса неминуемо ведет к ее *натурализации*. Это в дальнейшем порождает тезис о «телесности» познавательной способности. Утверждается и представление о том, что *познавательная способность базируется на инстинктивной деятельности живого существа*. Отношение познавательной способности и мира превращается в отношение «организм – среда». Так, Ницше пишет: «Полезность с точки зрения сохранения, а не какая-нибудь абстрактно-теоретическая потребность не быть обманутым, служит мотивом к развитию органов познания» (Ницше 2005: 280).

Жизнь, поскольку она лишь как «частный случай» входит в состав сознательного мира, в целом утратившего жизнь, не может мыслиться иначе, как преходящей, подверженной уничтожению. Единство сознательного мира предполагает, что живое состоит из той же «материи», что и неживое, а это означает, что живое есть лишь особое сочетание неживых элементов и его неминуемо ждет распадение на эти элементы.

Как ни странно это звучит, следует признать, что *философия жизни* делает очередной шаг к *безжизненности* сознательного мира, поскольку идет по пути отрицания связи сознательного (чувственного) с досознательным (сверхчувственным). Лежащий за пределами сознания слой результатов познания перестает давать надежду на обретение гармонии, перестает быть движущей силой сознательного творчества. Этим чувством вызвана идея Ницше о «смерти Бога». Как пишет Хайдеггер, «...слова “Бог мертв” означают: сверхчувственный мир лишился своей действенной силы. Он не подает уже жизнь» (Хайдеггер 1990: 147).

В действительности чувство безжизненности и пустоты, столь остро испытанное Ницше в отношении сверхчувственного мира, связано не с самим досознательным, а с *традиционными образами*, которые принимала в человеческом сознании досознательная основа явлений.

Лишенное оплодотворяющего влияния досознательного, сознательное творчество сводится к производству вещей, выполняющих приспособительную функцию, создающих для человека комфортную среду обитания, отвечающих его вкусам и потребностям. При этом влияние досознательного проявляется в усиленном чувстве неудовольствия, возникающем вследствие «удаления» сознательного от досознательного, усиления их диссонанса. С «уничтожением» потустороннего мира досознательное продолжает являть себя, скрываясь под маской *бессознательных¹ инстинктов*.

¹ «Бессознательное» не следует отождествлять с «досознательным». Первое есть неадекватный образ второго, формирующийся в установке на автономизацию сознательного мира. Понятие о бессознательном есть либо результат переноса сознательных феноменов в область несознаваемого («бессознательная воля», «бессознательное мышление» в немецком идеализме), либо следствие учения об инстинктах как основе поведения человека (бессознательное как «вытесненные» из сознания проявления инстинктивной жизни в концепции З. Фрейда). В любом случае *бессознательное имеет сознательное происхождение*, то есть, по сути, относится к сознательному миру.

Влиянием бессознательного на сознание Фрейд объясняет возникновение неврозов, безумия. «Инстинкт» работает механически, по принципу насоса: чем больше вытеснено, тем больше «давление» на сознание и тем тяжелее невроз, в форме которого вытесненное прорывается в сознание. С теоретико-познавательной точки зрения это означает: чем упорнее пренебрегает человек досознательным, тем большее чувство неудовольствия из-за вытекающего отсюда расхождения сознательного и досознательного он испытывает. Франк пишет: «...всюду, где человек пытается замкнуться от трансцендентной реальности, жить только в себе и из себя самого, силой своего субъективного произвола, он именно в силу этого гибнет, становясь рабом и игрушкой трансцендентных сил – именно темных, губительных сил» (Франк 1990: 405).

Будучи опредмеченным, человек все еще остается живым *воспринимающим существом*, поскольку с ним связано представление о субъективности как *опредмечивающей деятельности*, хотя эта деятельность уже понимается как результат совместного действия инстинктов и эволюции.

В дальнейшем, с провозглашением «смерти субъекта», человеческое творчество оказывается в ситуации, когда исчезает последний остров жизни в сознательном мире – познающее, воспринимающее существо. В эпоху, когда реальность сводится к «письму», человек становится *знаком*, продуктом языка. *Язык есть чисто сознательное построение* (функцией естественного языка является *сохранение и передача информации* – результатов познания, смыслов, созданных в процессе сознательного творчества), *он не имеет соответствия в досознательном*. Можно показать, что *сознательный мир, претерпевая превращение в текстовый мир, полностью утрачивает жизнь*. Органическое более не противопоставляется неорганическому, грань между ними оказывается стертой. Становясь частью *языкового мира*, человек уже не может представлять живое иначе, чем по аналогии с компьютером – наиболее совершенным из известных ему *средств получения, хранения и трансляции информации*.

Итак, безжизненность сознательного мира выступает следствием попыток игнорировать влияние досознательного на содержание сознательного опыта. Однако роль досознательного в сознательном творчестве никогда не может быть сыграна до конца, а значит, возможна смена познавательной установки, в результате которой сознательное творчество станет творчеством жизни.

Заключение. Исследование позволяет сделать вывод о том, что феноменологическое описание работы *сознания* по конституированию различных типов предметов, таких как живое и неживое, необходимо дополнить исследованием лежащих *за пределами сознания условий возможности* сознательного опыта. Без учета последних типы предметов оказываются необъяснимыми причудами субъективности и не могут быть осмыслены как достигнутые той или иной эпохой результаты *познания*, что лишает возможности понимания эпохальных структурных трансформаций сознания, истоков кризисных явлений в сознании человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Августин Блаженный. 1998. Творения. В 4 т. Т. 3. О Граде Божиим (Кн. 1–13). Санкт-Петербург ; Киев : Алетейя. 595 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1972. Наука логики. В 3 т. Т. 3. Москва : Мысль. 371 с.
- Гуссерль Э. 2004. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 400 с.
- Гуссерль Э. 2010. Картезианские медитации. Москва : Акад. проект. 229 с.
- Декарт Р. 1994. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Москва : Мысль. 633 с.
- Доброхотов А.Л. 1986. Категория бытия в классической западноевропейской философии. Москва : Изд-во Моск. ун-та. 248 с.
- Кант И. 1994. Сочинения. В 8 т. Т. 5. Критика способности суждения. Москва : Чоро. 414 с.
- Князева Е.Н. 2014. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. Москва ; Санкт-Петербург : Университет. кн. 352 с.
- Конт О. 2003. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов-на-Дону : Феникс. 256 с.
- Лейбниц Г.В. 1982. Сочинения. В 4 т. Т. 1. Москва : Мысль. 636 с.
- Лосев А.Ф. 2000а. История античной эстетики. Ранняя классика. Москва : АСТ. 624 с.
- Лосев А.Ф. 2000б. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. Москва : АСТ. 846 с.
- Мейнеке Ф. 2004. Возникновение историзма. Москва : РОССПЭН. 480 с.
- Ницше Ф. 1996. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Москва : Мысль. 829 с.
- Ницше Ф. 2005. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. Москва : Культур. революция. 880 с.
- Платон. 1990. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Москва : Мысль. 860 с.
- Платон. 1993. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Москва : Мысль. 528 с.
- Платон. 1994. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Москва : Мысль. 654 с.
- Рябушкина Т.М. 2014. Познание и рефлексия. Москва : Канон+. 352 с.
- Фихте И.Г. 1993а. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Мифрил. 687 с.
- Фихте И.Г. 1993б. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Мифрил. 798 с.
- Франк С.Л. 1990. Непостижимое // С.Л. Франк. Сочинения. Москва : Правда. С. 181-559.
- Франк С.Л. 1995. Предмет знания // С.Л. Франк. Предмет знания. Душа человека. Санкт-Петербург : Наука. С. 35-416.
- Хайдеггер М. 1990. Слова Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. № 7. С. 143-176.
- Хайдеггер М. 2001. Основные проблемы феноменологии. Санкт-Петербург : Высш. религиозно-филос. шк. 446 с.
- Шеллинг Ф.В.Й. 1987. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Москва : Мысль. 637 с.
- Шопенгауэр А. 1999. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. Мир как воля и представление. Москва : ТЕРА – Книжный клуб ; Республика. 496 с.
- Biceaga V. 2010. The Concept of Passivity in Husserl's Phenomenology. London ; New York : Springer. 220 p.
- Husserl E. 2001. Analyses concerning passive and active synthesis: lectures on transcendental logic. Dordrecht : Kluwer Academic. 720 p.

Tatyana M. Ryabushkina, Candidate of Philosophy, National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia. E-mail: ryabushkinat@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9229-9924
ResearcherID: K-7083-2015
SPIN-код: 6128-3467

Article recived 13.07.2019, accepted 03.09.2019, available online 06.04.2020

“LIFE IS KNOWLEDGE”: S. FRANK AND WEST EUROPEAN TRANSCENDENTAL TRADITION OF UNDERSTANDING THE PHENOMENON OF LIFE

Abstract. The article is a transcendental phenomenological research for the phenomenon of life that shows how from the point of view of theory of knowledge it is possible to explain the consciousness of the difference between animate and inanimate objects, as well as changes in the understanding of this difference in the development of West European thought.

The analysis of Kant's conception of a “natural purpose” and Husserl's conception of the “lived body” shows that the living being differs from the inanimate object by the special character of causality. However, Kant's apriorism can't explain the existence of *various* types of objects, such as the animate and the inanimate, in conscious experience that subjects to *general a priori* forms. Kant is forced to admit that *it is impossible to cognize a priori the special causality of the living beings* – causality, which is not reduced to the “efficient cause” that determines the objective order of phenomena. Husserl fails to show that the phenomenon of life is rooted in subjectivity, i.e. he fails to understand the phenomenon within the framework of the phenomenological project of understanding consciousness as the single field of sense-giving. Moreover, the late reflections of the philosopher demonstrate the impossibility of constituting the animate object within *passivity* – the deepest layer of sense accomplishments that precedes ego's synthetic activity.

S. L. Frank's studies show that the basis of the *spiritual unity* is the *unity* that goes beyond the sphere of consciousness. It allows Frank to prove that there is an inseparable connection between *life* and *knowledge*, but his understanding of life as *absolute being* cannot be considered as proved.

Clarifying the relationship between the concepts of “life” and “knowledge”, the author shows how the change of *cognitive attitudes* brings a new understanding of the place and role of life in the human-conscious world. First, there is a change from the identification of *truth* and *life*, from the recognition of the world as an alive world to the assertion of the existence of not only animate but also inanimate things, then, there is a reduction of life to the organism – the subject of biology, and finally – the gradual disappearance of life from consciousness, erasing the semantic boundary between a living being and a machine.

Keywords: transcendental philosophy; phenomenology; subjectivity; constitution; transcendence; lifeworld; lived body; passive synthesis; all-unity; alive knowledge; living being; inanimate object; the conscious; the before-conscious.

This article has been prepared for publication with the financial support from The Russian Foundation for Basic Research, grant no. 18-011-01234: The Principle of Transcendentalism in Russian Philosophy (XIX–XX cent.).

For citation: Ryabushkina T.M. «Zhizn' est' znanie»: S.L. Frank i zapadnoevropeyskaya transtsendental'naya traditsiya osmysleniya fenomena zhizni [“Life is knowledge”: S. Frank and West European transcendental tradition of understanding the phenomenon of life], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 35–68. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10102. (in Russ.).

References

Augustine of Hippo. *Tvoreniya. V 4 t. T. 3. O Grade Bozhiem (Kn. 1–13)* [Creations, in 4 vols. Vol. 3. The City of God (Books 1–13)], St. Petersburg, Kiev, Aleteyya, 1998, 595 p. (in Russ.).

- Biceaga V. *The Concept of Passivity in Husserl's Phenomenology*, London, New York, Springer, 2010, 220 p.
- Comte A. *Dukh pozitivnoy filosofii. (Slovo o polozhitel'nom myshlenii)* [Spirit of Positive Philosophy (Word about positive thinking)], Rostov-on-don, Feniks, 2003, 256 p. (in Russ.).
- Descartes R. *Sochineniya. V 2 t. T. 2* [Works, in 2 vols. Vol. 2], Moscow, Mysl', 1994, 633 p. (in Russ.).
- Dobrokhotoy A.L. *Kategoriya bytiya v klassicheskoy zapadnoevropeyskoy filosofii* [The Category of Being in Classical West European Philosophy], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1986, 248 p. (in Russ.).
- Fichte J.G. *Sochineniya. V 2 t. T. 1* [Works, in 2 vols. Vol. 1], St. Petersburg, Mifril, 1993, 687 p. (in Russ.).
- Fichte J.G. *Sochineniya. V 2 t. T. 2* [Works, in 2 vols. Vol. 2], St. Petersburg, Mifril, 1993, 798 p. (in Russ.).
- Frank S.L. *Nepostizhimoe* [Incomprehensible], S.L. Frank, *Sochineniya*, Moscow, Pravda, 1990, pp. 181-559. (in Russ.).
- Frank S.L. *Predmet znaniya* [Subject of Knowledge], S.L. Frank, *Predmet znaniya. Dusha cheloveka*, St. Petersburg, Nauka, 1995, pp. 35-416. (in Russ.).
- Hegel G.W.F. *Nauka logiki. V 3 t. T. 3* [Science of Logic, in 3 vols. Vol. 3], Moscow, Mysl', 1972, 371 p. (in Russ.).
- Heidegger M. *Osnovnye problemy fenomenologii* [The Basic Problems of Phenomenology], St. Petersburg, Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 2001, 446 p. (in Russ.).
- Heidegger M. *Slova Nitszhe «Bog mertv»* [Nietzsche's Words "God is dead"], *Voprosy filosofii*, 1990, no. 7, pp. 143-176. (in Russ.).
- Husserl E. *Analyses concerning passive and active synthesis: lectures on transcendental logic*, Dordrecht, Kluwer Academic, 2001, 720 p.
- Husserl E. *Kartezijskie meditatsii* [Cartesian Meditations], Moscow, Akademicheskiy proekt, 2010, 229 p. (in Russ.).
- Husserl E. *Krizis evropeyskikh nauk i transsendental'naya fenomenologiya* [The Crisis of European Sciences and transcendental Phenomenology], St. Petersburg, Vladimir Dal', 2004, 400 p. (in Russ.).
- Kant I. *Sochineniya. V 8 t. T. 5. Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Works, in 8 vols. Vol. 3. The Critique of Judgement], Moscow, Choro, 1994, 414 p. (in Russ.).
- Knyazeva E.N. *Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v epistemologii* [Enactivism: A New Form of Constructivism in Epistemology], Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 2014, 352 p. (in Russ.).
- Leibniz G.W. *Sochineniya. V 4 t. T. 1* [Works, in 4 vols. Vol. 1], Moscow, Mysl', 1982, 636 p. (in Russ.).
- Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Rannyya klassika* [The History of Ancient Aesthetics. Early classics], Moscow, AST, 2000, 624 p. (in Russ.).
- Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Sofisty. Sokrat. Platon* [The History of Ancient Aesthetics. Sophists. Socrates. Plato], Moscow, AST, 2000, 846 p. (in Russ.).
- Meineke A. *Vozniknovenie istorizma* [The Emergence of Historicism], Moscow, Rosspen, 2004, 480 p. (in Russ.).
- Nietzsche F. *Sochineniya. V 2 t. T. 2* [Works, in 2 vols. Vol. 2], Moscow, Mysl', 1996, 829 p. (in Russ.).
- Nietzsche F. *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vseh tsennostey* [The Will to Power. Experience of Reevaluation of All Values], Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2005, 880 p. (in Russ.).
- Plato. *Sobranie sochineniy. V 4 t. T. 1* [Works, in 4 vols. Vol. 1], Moscow, Mysl', 1990, 860 p. (in Russ.).
- Plato. *Sobranie sochineniy. V 4 t. T. 2* [Works, in 4 vols. Vol. 2], Moscow, Mysl', 1993, 528 p. (in Russ.).
- Plato. *Sobranie sochineniy. V 4 t. T. 3* [Works, in 4 vols. Vol. 3], Moscow, Mysl', 1994, 654 p. (in Russ.).
- Ryabushkina T.M. *Poznanie i refleksiya* [Knowledge and Reflection], Moscow, Kanon+, 2014, 352 p. (in Russ.).
- Schelling F.W.J. *Sochineniya. V 2 t. T. 1* [Works, in 2 vols. Vol. 1], Moscow, Mysl', 1987, 637 p. (in Russ.).
- Schopenhauer A. *Sobranie sochineniy. V 6 t. T. 1. Mir kak volya i predstavlenie* [Works, in 6 vols. Vol. 1. The World as Will and Representation], Moscow, TEPPA – Knizhnyy klub, Respublika, 1999, 496 p. (in Russ.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Васечко В.Ю. Наука под патронажем кесаря-политарха. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10103 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 69–88.

УДК 001.9:165.9

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10103

НАУКА ПОД ПАТРОНАЖЕМ КЕСАРЯ-ПОЛИТАРХА¹

Вячеслав Юрьевич Васечко

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник отдела права
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

ORCID: 0000-0002-1808-4404

SPIN-код: 3610-5534

*Статья поступила 10.06.2019, принята к печати 05.09.2019,
доступна online 06.04.2020*

Предметом данной статьи является специфика социокультурной и гносеологической ситуации, в которой оказывается субъект, профессионально занимающийся естественными науками и математикой в политарном обществе (Древний Египет, Древняя Индия и Китай, средневековый арабо-мусульманский мир и др.). Главное внимание уделено сложным и конфликтным взаимоотношениям между учеными, жизнь которых подчинена цели приобрести все более точное и адекватное знание о строении и развитии материального мира и о методах приобретения такого знания, и чиновно-бюрократическим аппаратом, верхушка которого во главе с самодержавным сувереном (обозначенным здесь как «кесарь-политарх») заинтересована в максимальном контроле за процессом и результатами всякого серьезного теоретического и эмпирического исследования. Напряженное взаимодействие

¹ В настоящей статье мы развиваем тематику своих предыдущих работ: (Васечко 2017; Васечко 2018а; Васечко 2018b).

этих двух когнитивных трендов отражается на общем характере и на особенностях развертывания эпистемологического дискурса в политарных социумах. В качестве концептов, через призму которых осмысливается данный конфликт, избраны категории «регламентированность» (как характеристика любой разновидности политарного управления) и «спонтанность» (как атрибут свободного, креативного и административно нерегулируемого научного поиска).

Ключевые слова: эпистемологический дискурс, политарное общество, политарх, бюрократия, регламентированность, спонтанность.

Кесарь имеет непреодолимую тенденцию требовать для себя не только кесарева, но и Божьего, т. е. подчинения себе всего человека. Это есть главная трагедия истории, трагедия свободы и необходимости, человеческой судьбы и исторической судьбы. Государство, склонное служить кесарю, не интересуется человеком, человек существует для него лишь как статистическая единица. А когда оно начинает слишком интересоваться человеком, то это самое плохое, оно начинает поработать не только внешнего, но и внутреннего человека, между тем как царство Духа не может вместиться в царство Кесаря.

*Н.А. Бердяев*¹

Интеллект, стремящийся достичь более или менее адекватного знания относительно устройства и законов функционирования онтической реальности, всегда действует в определенных социально-политических, культурных и технических условиях. Для своей работы он нуждается не только в досуге, уединении и хотя бы минимальном комфорте. Если речь идет не о чистом теоретике типа философа или математика, довольствующемся некоторым массивом текстов, материалом и орудием для письма, а, скажем, об астрономе или алхимике, то без достаточно дорогого и специального оснащения им трудно обойтись. Проверка гипотез, выдвигаемых для объяснения нестыковок и парадоксов в наличном знании либо просто для заполнения пробелов в нем, предполагает опору на твердую эмпирическую базу с возможностью многократного повторения и проверки ранее проведенных наблюдений, измерений и экспериментов. А чем тоньше, совершеннее и уникальнее необходимая для исследования аппаратура, тем она, естественно, дороже и, соответственно, тем меньше вероятность того, что частное лицо сможет позволить себе ее изготовление и приобретение. Поэтому в политарном² обществе обращение за помощью к самому мощному и богатому ресурсу, каким выступает здесь самодержавное государство,

¹ Бердяев Н.А. Царство духа и царство Кесаря (Бердяев 1995: 314).

² Этот концепт позаимствован нами из работ известного отечественного философа Ю.И. Семёнова. Термин «политарный» Ю.И. Семёнов образовывает от греч. Πολιτεία (полития) – государство. У уважаемого автора мы находим также достаточно детальную терминологию, опирающуюся на исходную категорию: *политаризм* – весь данный общественный порядок в целом, *политаристы* – представители класса эксплуататоров, *политократия* – весь указанный класс в целом, *политарх* – абсо-

оказывается для ученого шагом вынужденным и порой единственно возможным.

Впрочем, этот шаг чаще всего не просто односторонний акт робкого и униженного просителя. Бюрократический аппарат политарного государства, как и возглавляющая его персона, тоже нуждаются в людях, чей IQ намного превышает среднестатистический, в том числе и IQ самого этого аппарата. Конкретно-исторический анализ свидетельствует, что при дворе каждого кесаря (политарха, восточного деспота и т.п.) складывается своеобразная академия – сообщество интеллектуалов, которые ценятся не за их происхождение, не за военные или управленческие таланты, а именно за теоретические знания и практические способности, представляющие собой штучный товар. Как повествуют древнекитайские источники, при дворах императоров и иных правителей достаточно высокого ранга имелся постоянный штат людей, которые выступали в роли алхимиков, магов, астрологов и становились, таким образом, носителями протонаучного, а со временем и собственно научного знания (Фигуровский 1955: 120). В эпоху Чжаньго (403–221 гг. до н.э.) «правительство использует и направляет деятельность геомантиков, прорицателей, астрологов, географов, математиков и врачей. Записи их первых наблюдений вырезаются на кости» (Юар, Ван 1963: 173). Уже в домусульманском Хорезме придворные жрецы являются одновременно математиками, астрономами, географами, картографами, инженерами... (Толстов 1957: X). В Сасанидском Иране примерно в то же время цари тратят миллионы динаров, чтобы собрать при дворе лучшие умы страны и разрешить трудности, связанные с календарем и летоисчислением. Согласно изысканиям Бируни «этим занимались [у персов] их цари в присутствии вычислителей, книжников, передатчиков преданий, рассказчиков, а также всего сонма священнослужителей и судей, при наличии полного единогласия относительно верности вычислений» (Бируни 1957: 58–59). В эллинистическом Египте при династии Птолемеев за государственный счет работают «филологи (“грамматики”), историки, географы, математики, астрономы, философы, поэты» (Ван-дер-Варден 2010: 276). В X–XI вв. там же, в период правления Фатимидов эту традицию пытается продолжить халиф Аль-Хахим, прославившийся не только своей религиозной нетерпимостью и эксцентричным поведением, но и отстроеными им Залом науки, который стал одним из крупнейших интеллектуальных центров исламского мира, и прекрасно оборудованной обсерваторией (Адес 2008). В Самарканде XII в. человек, желающий и способный заниматься науками, но не обладающий достаточными средствами, имеет возможность самореализоваться, получив одну из четырех придворных должностей – дабира (секретаря), поэта, астролога или врача (Низами 1963: 32). А в Грузии в

лютный правитель, глава класса политаристов, *политархия* – социоисторический организм, возглавляемый политархом, *субполитархи* – правители округов, провинций и т.д. (Семёнов 2011: 52–58). В дальнейшем мы используем некоторые из этих терминов. Достаточно типичные примеры политарных социумов – Древний Египет и Месопотамия, древний и средневековый Китай, средневековые мусульманские государства Ближнего и Среднего Востока.

XII в. царь Давид IV Строитель создает Гелатскую академию – крупнейший научно-просветительский центр, где преподаются и развиваются как гуманитарные, так и естественные науки (Панцхава 1982: 45-50).

Еще один фактор, способствующий если не прогрессу научного знания, то, во всяком случае, сохранению его, поддержанию в сравнительно жизнеспособном, пусть даже едва теплящемся состоянии, – наличие государственных библиотек. Любому первооткрывателю в науке требуется ориентация в том объеме информации, который добыт его предшественниками, чтобы всесторонне оценить сущность и масштабы решаемой им проблемы, чтобы избежать тупиковых, бесперспективных путей, чтобы опираться на возможно более полный массив эмпирических данных и еще для многих других целей. Поэтому в свое распоряжение он должен получить всю или почти всю имеющую отношение к данной теме литературу. А в условиях политарного общества здесь тоже мало кто может конкурировать с государством. Практически во всякой восточной цивилизации, начиная с древнейших, мы обнаруживаем, по крайней мере, бесспорные признаки существования богатых книгохранилищ, а при удачном стечении обстоятельств и сами артефакты, как в случае грандиозной клинописной библиотеки Ашшурбанипала в Ниневии с ее 25 тысячами глиняных табличек, более или менее классифицированных по областям знания (Кленгель-Брандт 2001: 246-247). С библиотекой ассирийского царя, крупнейшей из найденных в Междуречье, вполне могла бы соперничать библиотека в Эдфу, от которой, правда, сохранилось лишь здание («Дом папируса»), но зато по каталогу, высеченному на одной из его стен, можно ясно судить о количестве и разнообразии хранившихся здесь рукописей (Библиотеки ... 2010). Вряд ли случился бы небывалый прорыв в области математики и астрономии в эллинистическом Египте, если бы под рукой ученых не было Александрийской библиотеки, входившей в комплекс выстроенного Птолемеем Храма Муз, с ее полумиллионом книг (Гурштейн 1984: 111-115). И неизвестно, как сложилась бы научная судьба такого гения, как Ибн Сина, если бы 17-летний юноша в качестве благодарности за излечение эмира Бухары не получил эксклюзивного права беспрепятственно работать в его уникальной библиотеке (Сагадеев 1980: 19; Старр 2017: 254). А достижения грандиозной обсерватории в Мараге, руководимой ат-Туси, скорее всего, не были бы столь впечатляющими, если бы при ней не было библиотеки, содержащей 400 000 рукописей... (Рожанская 2009: 199). Гургандж, Балх, Нишапур, Самарканд, Мерв – все эти центральноазиатские города, где правители организовывали и содержали богатые публичные библиотеки, закономерно оказываются роинами крупных ученых и успешно функционирующими научными центрами (Старр 2017: 47-48, 125, 274-275, 394).

Период, когда на престоле оказывается просвещенный человек, искренне симпатизирующий ученым и, самое главное, хотя бы в общих чертах понимающий, чем они заняты, для науки особенно благоприятен. Даже если политарх ограничивается ролью спонсора, администратора, вдохновителя или мецената, допустим астрономических или географиче-

ских исследований¹, это делает его немаловажным участником научного процесса, поэтому письменно изъясляемая благодарность автора тому или иному покровителю – часто не только банальная этикетная формула или пример придворного лицемерия. Бируни одно из главных своих астрономических произведений посвящает Мас'уду, сыну того самого султана Махмуда Газневи, от которого ученому довелось испытать немало унижений и притеснений: «Ведь он (Мас'уд. – В.В.) дал мне возможность посвятить остаток жизни целиком служению науке, позволив жить под сенью его могущества» (Розенфельд, Рожанская, Соколовская 2014: 17-18). Ибн Сина в предисловии к «Даниш-намэ» восхваляет Ала ад-Даулу, эмира Исфохана, не только приблизившего ученого к себе, но и обеспечившего ему возможность «достичь всех своих желаний: безопасности, величия, пышности, довольства, занятия наукой» (Ибн Сина 1957: 87) (для любого биографа очевидно, что именно последнее из перечисленных желаний всю жизнь стояло для Абу Али на первом месте). А Омар Хайям находит слова признательности и самаркандскому кадию, имаму Абу-Тахиру («совершенному во всех практических и теоретических качествах человеку, сочетающему в себе и проницательность в науках, и твердость в действиях и усилиях делать добро всем людям» (Омар Хайям 1961: 70)), и везиру сельджукских султанов Фахр ал-Мулку (Омар Хайям 1957: 200).

Не так уж редка и ситуация, когда высокопоставленная особа не довольствуется ролью благожелательного, но все-таки стороннего наблюдателя, а стремится лично стать субъектом эпистемологического дискурса и внести собственный вклад в копилку научного знания. Уже Ашшурбанипал, деливший свой досуг между оргиями и библиотекой, гордится как тем, что (в отличие от других ассирийских царей) овладел искусством чтения и письма на табличках и арифметическими операциями, так и тем, что на равных участвует в дискуссиях ученых мужей и способен «разбираться в предсказаниях на небе и на земле» (Белявский 2001: 55-56; Библиотека... 2010). Многие члены царских семей и субполитархи (в терминах Ю.И. Семёнова) не считают для себя занятия наукой ни чем-то зазорным в глазах окружающих, ни бесполезной тратой времени. В IX в. Мансур ибн Талха, племянник правителя Хорасана и сам правитель Мерва и Хорезма, успешно занимается философией и астрономией, за что получает прозвище «Мудрость Тахиридов» (Бируни 1987а: 131; Булгаков, Розенфельд 1987: 288). Ибн Ирак (ум. 1034), кузен хорезмшаха, известен не только как учитель и воспитатель юного Бируни, но и как автор многих научных трудов и открытий, включая доказательство теоремы синусов для сферических треугольников (Бируни 1987b: 32; Булгаков 1972: 299-300). Среди китайских математиков мы также

¹ Иногда это могла быть и просто роль мастера-ремесленника. Среди многочисленных изделий, найденных в гробнице Тутанхамона, есть черный эбеновый стержень от астрономического прибора, вычерчивающего движения звезд, сделанный руками самого фараона. Этот факт примечателен уже сам по себе, хотя нет однозначного ответа на вопрос, было это всего лишь царское хобби или же юный правитель принимал личное участие в наблюдениях за небесными светилами (Франкфорт и др. 2001: 106).

обнаруживаем представителей политарной элиты: Гу Ин-сян, губернатор Юньнани (XVI в.), систематизирует алгоритмы, предназначенные для расчета дуг и круговых сегментов, а Ван Фань, полководец эпохи Троецарствия (ум. 267), достаточно точно для своего времени вычисляет значение числа π (Еремеев 2009с: 58, 86).

Пожалуй, самая яркая и одновременно самая трагическая фигура такого рода – Улугбек, внук Тамерлана-Тимура, в течение 36 лет (1411–1447) единолично правивший Самаркандской областью – обширным регионом, который входил в состав державы, созданной его великим дедом. В молодые годы он мало отличается от прочих Тимуридов по интересам и образу жизни, постоянно воюя, чтобы расширить свои владения за счет сопредельных народов и земель, доставшихся его родственникам. И характеристика его, выбитая в 1425 г. на скале в одном ущелье, вполне типична для той эпохи, как, впрочем, и для политаризма вообще: «...величайший султан, покоритель царей народов, тень бога на земле» (Бартольд 1964: 96). Однако постепенно он утрачивает интерес к войнам, интригам и привычным для людей своего круга забавам. На протяжении 20 лет он не участвует ни в одном военном походе, посвятив все свободное время точным наукам и став первым в мусульманском мире ученым на престоле (Бартольд 1964: 134). Он собирает при своем дворе в Самарканде лучших специалистов, создает богатую библиотеку, строит огромную обсерваторию, специально для которой изготавливается самая совершенная аппаратура (Шишкин 1953), лично участвует в астрономических наблюдениях, руководит составлением самых точных для своего времени звездных таблиц, опубликованных позже в Стамбуле (Кары-Ниязов 1950; Старр 2017: 458-9; Ахмедов 1994: 15).

Но, будучи безусловным авторитетом в ученом мире, Улугбек оказался, с точки зрения своих современников – родичей, придворных, мусульманских шейхов и дервишей, да и массы рядовых подданных, правителем слабым и недостойным. Его нежелание активно участвовать в государственных делах (как внутренних, так и внешнеполитических) сыграло для него, в конце концов, роковую роль. Самаркандский правитель, вынужденный на склоне лет ввязаться в распри между отпрысками Тимура, потерял сначала трон, а затем и жизнь – он был убит при непосредственном участии собственного сына (Бартольд 1964: 147-174). Результаты работ Улугбека сделались достоянием ученых благодаря его ученику Али Кушчи, покинувшему Самарканд; сама же обсерватория скоро была заброшена, а затем разрушена; она была открыта археологами только в XX в.

Судьба Улугбека, по сути, есть символ практической невозможности успешного совмещения в сознании и жизни одного лица двух разных дискурсов – социополитического, ориентированного на сохранение и повышение властного статуса индивида в условиях постоянно меняющейся конъюнктуры, и эпистемологического, для которого высшей ценностью всегда остается знание того, как устроены и эволюционируют Природа и Космос. Политическая деятельность, имея, конечно, свое оправдание не только в чьих-то персональных (например, кесаря имярек), но и в общественных интересах, всегда находится под диктатом текущих обстоятельств, лишаящих

субъекта возможности видеть отдаленные перспективы и рефлексировать по их поводу. Деятельность же кабинетного ученого, при всей кажущейся ее бесполезности и неотмирности, служит не столько нынешнему социуму, сколько тем состояниям, в которые ему предстоит трансформироваться в дальнейшем. Как писал Шопенгауэр, «...чем кто более принадлежит потомству, т.е. именно человечеству вообще и в его целом, тем более чужд он для своей эпохи: его произведения... принадлежат ей не как такой, а лишь поскольку она – часть человечества» (Шопенгауэр 1993: 266).

Как бы то ни было, общество вновь и вновь оказывается перед этой проблемой – проблемой поиска и сохранения разумного баланса между решением задач текущих – и задач перспективных, задач, значимых лишь сегодня, – и тех, что возникнут (и неизбежно возникнут!) завтра и послезавтра. И, по сути, дилемма выбора между фундаментальной и прикладной наукой – это современная формулировка проблемы, стоявшей перед людьми не одно тысячелетие – и уж, во всяком случае, с момента возникновения Государства и Цивилизации. Для того чтобы яснее и конкретнее представить себе ее специфику в условиях политаризма, целесообразно выделить пару антитетичных концептов, которые играют определяющую роль в формировании мировоззрения субъектов интересующих нас курсов. Сравнительный анализ этих концептов поможет более или менее четко прочертить линию ценностного противостояния между Ученым и Кесарем-Политархом, разобраться в причинах и существе разворачивающегося между ними конфликта. А это, в свою очередь, позволит перейти от поверхностных констатаций типа «каждая сторона по-своему права» или «у всякого свои резоны» к более глубоким и основательным выводам. Как и во многих других аналогичных случаях, за столкновением диаметрально противоположных понятий здесь обнаруживается коллизия альтернативных социальных идеалов – тех, что поставлены на службу наличному бытию, со всеми его «здесь и сейчас», и тех, что предполагают ущербность, надломленность, тленность этого бытия и оценивают его с точки зрения более или менее отдаленной дистанции – исторической либо метафизической.

Одной из глубоких концептуальных оппозиций, способных выполнить здесь эвристическую роль, является, по нашему мнению, пара категорий *регламентированность – спонтанность*.

«Кесарь, – отмечал Н.А. Бердяев, – принадлежит к объективированному миру, он подчинен необходимости. Дух же принадлежит к царству свободы». И далее: «Дух бесконечен и устремлен к бесконечности. Кесарь же конечен и хочет наложить на дух печать своей конечности» (Бердяев 1995: 312, 314). В политарном обществе одним из главнейших условий сохранения социального миропорядка в целости полагается жесткая и однонаправленная вертикаль власти. С политархом считаются (да и сам он ценит себя) лишь постольку, поскольку в его распоряжении находится многочисленный, мощный и сплоченный аппарат управления и контроля. Сам по себе, вне и без этой машины, он есть ничто. Принципы, согласно которым комплектуется административный аппарат и замещаются постоянно возникающие в нем вакансии, варьируются: чиновники могут рекрутироваться

из жреческой аристократии, как в Египте, из военного сословия, из членов доминирующего этноса либо вообще из всех слоев общества, как в императорском Китае. Но независимо от того, каким образом формируется чиновничий аппарат, принцип действия у него один: строгое подчинение низшей инстанции высшей, беспрекословное исполнение спускаемых сверху распоряжений, приказов, циркуляров.

Безусловной свободой здесь обладает только одно лицо – то, которое возглавляет административную пирамиду и в руках которого, собственно говоря, жизнь и смерть любого из подданных, от первого министра до последнего нищего. Самодержец, будучи центром силы и власти, замыкает на себе все политические функции, и его абсолютной свободе или, точнее, абсолютному произволу закономерно соответствует такое же абсолютное бесправие и подчинение со стороны тех, над кем он поставлен. Правда, в различных формах политарного общества мы обнаруживаем более или менее сильные отклонения от этой идеальной схемы в виде наличия оппозиционных структур с собственными интересами, иногда упорно сопротивляющихся воле правителя (родовая, военная и прочая аристократия, жреческая верхушка, региональные элиты, купеческая олигархия и пр.). Но на стороне политарха всегда то преимущество, что он олицетворяет своей персоной государство как таковое и как целое; между тем его оппоненты отстаивают в первую очередь свои партикулярные, корпоративные интересы. Поэтому в случае открытого конфликта симпатии основной массы населения преимущественно оказываются на стороне сильнейшего – самодержца, который, опираясь на подчиненную лично ему машину, успешно подавляет недовольство той или иной влиятельной социальной группы.

Бюрократическая матрица «начальник (который всегда по определению прав) – подчиненный (дело которого – повиноваться и мнение которого, собственно, никому не интересно)» в полную силу работает и на самом вершине пирамиды. Конкуренция между придворными, их бесконечные интриги и взаимная клевета, безудержная лесть и непомерные славословия в адрес правителя воспринимаются последним как стремление доказать ему, что именно данный индивид лучше всего годится на роль идеального подчиненного, наиболее точно и эффективно исполняющего желания главного начальника в государстве. И весь придворный регламент, со всеми его официальными ритуалами и гораздо более существенными неофициальными, подкованными и закулисными методами и приемами, становится фильтром для завоевания и удержания конкретным лицом статуса фаворита.

Разумеется, таланты, необходимые для такого карьерно-административного дискурса, имеют мало общего с нормами дискурса эпистемологического. Но ученый, вольно или невольно (как, например, Бируни в плену у Махмуда Газневи или ат-Туси при ильхане Хулагу) оказавшийся в роли придворного, вынужден играть именно по этим правилам. Отстаивая свое право на интеллектуальную свободу и занятия любимым делом, он должен действовать здесь уже не как «интерналист», решающий конкретно-научную проблему (астрономическую, математическую, медицинскую и

др.), а как «экстерналист», стремящийся наиболее оптимально вписаться в свою среду и изыскать материально-технические ресурсы для своей профессиональной работы. В отличие от большинства царедворцев, для которых роль фаворита – цель и смысл жизни, он рассматривает придворную службу лишь как средство для решения других задач и потому, естественно, часто проигрывает в перманентной конкурентной борьбе за монаршую милость, как, например, Ибн Сина, мало преуспевший на посту визиря при правителе Хамадана Шамс-ад-Даули и даже едва не расставшийся с жизнью вследствие происков своих недругов (Сагадеев 1980: 23-24).

Спонтанность как условие эффективного эпистемологического дискурса предполагает не только максимальную независимость от привходящих эмпирических забот о хлебе насущном, крыше над головой и личной безопасности. Ученый действует наиболее успешно в тех случаях, когда он сам определяет приоритеты своей исследовательской деятельности и ищет истину там, где ему действительно интересно. Всякое вмешательство извне, под какими бы благовидными предложениями оно ни происходило, не просто деформирует траекторию научного поиска, но и потенциально чревато превращением мужа науки в заурядного агента, обслуживающего чьи-то материальные и политические интересы. Это хорошо понимает Ибн Сина, который так предостерегает коллег-ученых («братьев истины») в своем небольшом аллегорическом сочинении «Послание о птицах»: «Не стройте себе гнезд, в которых будете барахтаться, – ведь гнездо – ловушка для птиц. А если вам будет мешать то, что у вас нет крыльев, украдите их и летите – ведь лучшие из тех, кто впереди, – умеющие летать. <...> Будьте как летучие мыши, что не появляются, пока светит солнце, – лучшие из птиц – летучие мыши» (цит. по: Шидфар 1981: 126-127). Но и сам Абу Али, как никто другой, прекрасно осознает, насколько трудно сочетать свободный полет творческой научной мысли с тяжелыми реалиями быта, будь это даже роскошная придворная жизнь в золотой клетке, когда описывает медитации птиц, попавших в силки охотников: «Мы стали раздумывать над тем, как бы нам освободиться и спастись, и так долго были заняты этими мыслями, что забыли о своем положении. Мы привыкли к нашим силкам и чувствовали себя спокойно в наших клетках» (цит. по: Шидфар 1981: 140). Недаром он почти всю вторую половину жизни проводит в скитаниях, скрываясь от эмисаров воинственного деспота Махмуда Газневи: слишком хорошо он информирован о тех унижительных условиях, в которые были поставлены ученые, оказавшиеся при дворе этого нетерпимого и тщеславного правителя.

Преференции и покровительство, оказываемые политархом тем дисциплинам, которые кажутся ему наиболее значимыми для блага государства, – это всегда палка о двух концах, и серьезный ученый, вступая в сделку с кесарем, должен иметь это в виду. Кесарь никогда не действует бескорыстно, и если он и оставляет без внимания определенные сегменты научно-познавательной деятельности (что, кстати, нередко становится настоящим благом для них), то там, где он проявляет свою заинтересованность, он ведет себя агрессивно и бесцеремонно. Публично поддерживая и возвеличивая ту или иную школу или направление, кесаревы слуги всячески подчеркивают, что иные школы и направления, предлагающие свои, альтернативные, варианты решения эпистемологических проблем, не имеют права на существование и должны быть изгнаны не только из научного, но и из любого другого дискурса.

Ярким подтверждением этому снова выступает Китай. На протяжении многих веков астрономия и астрология (часто практически неотделимые друг от друга) пользовались здесь мощной императорской поддержкой. На строительство обсерваторий и изготовление точных приборов, на регулярные астрономические наблюдения и связанные с ними трудоемкие вычисления отпускались немалые государственные средства, а занимались этой работой самые высококвалифицированные кадры. Но при этом вычисление регулярных небесных процессов, составление календаря, истолкование космических и метеорологических аномалий – все это трактовалось как прерогатива императора и сугубо государственное дело, а потому скрывалось и даже засекречивалось от основной массы населения (Еремеев 2009с: 92; Кобзев 2009: 99). Частные лица заниматься астрономией не имели права, а те, кому это разрешалось, были напрямую подчинены правительственной администрации и не могли проводить свои исследования вне стен императорского дворца. «Не санкционированное властью занятие астрономией... могло рассматриваться как попытка создания каких-либо новых неортодоксальных астрономических теорий или изменения календаря с целью свержения династии. Такой подход тормозил развитие астрономии как науки, но исправно служил политическим целям», – толерантно заключает современный автор. Разумеется, астрономические тексты хранились в «спецхранах» при дворцах, и даже после изобретения печати книг по астрономии в Китае издавалось чрезвычайно мало по сравнению с другими отраслями науки (Еремеев 2009b: 103)¹.

Аналогичная ситуация сложилась в музыковедении и акустике, которые в Китае вплоть до XX в. курировались императорским двором. Было

¹Бывали, конечно, в жизни китайских ученых и иные обстоятельства, особенно в периоды социально-политических катаклизмов. Астроном и энциклопедист VI в. Чжан Цзы-синь из-за мятежа, поднятого одним из наемных воевод, бежал с континента и более 30 лет провел на уединенном морском острове. Но это время не прошло для него и для науки впустую: как истинный ученый, он и там продолжал вести регулярные наблюдения за небесными светилами с помощью вывезенной из царского дворца армиллярной сферы. И, обрабатывая результаты наблюдений, открыл, например, феномен неравномерности видимого движения Солнца по эклиптике (Старцев 1961: 87; Еремеев 2009b: 129; Еремеев, Кобзев 2009: 932).

создано специальное музыкальное ведомство Юэ-фу, которое «содержало административные постройки, лаборатории, архив и библиотеку, а также квартал, где проживали музыканты и ученые-акустики» (Еремеев 2009а: 190). Один из императоров династии Тан даже самолично руководил созданной им в столице музыкальной школой. При таких спонсорах ученые смогли не только успешно заниматься сбором мелодий и песен со всех концов Поднебесной, экспертизами и контролем за ритуальной музыкальной практикой, но и сделать немало ценных для науки изобретений и открытий. Однако и здесь они были жестко скованы рамками, установленными традицией и стоявшими на ее страже придворными чиновниками, – прежде всего хотя бы потому, что «несанкционированное изменение канонической шкалы звуковых частот рассматривалось как серьезное нарушение, приводящее к негативным космологическим и социально-политическим последствиям» (Еремеев 2009а: 191).

Даосские алхимики на протяжении многих веков тоже пользовались при императорском дворе режимом наибольшего благоприствования, поскольку в роли советников-врачевателей решали задачу государственной важности – занимались изготовлением пилюль и эликсира бессмертия, что считалось вполне разрешимой проблемой с медицинской точки зрения. Конечно, и здесь разработки велись в обстановке строгой секретности, ибо предполагалось, что владеть и пользоваться столь чудодейственными средствами сможет лишь крайне узкий круг лиц. В подтверждение этого один из императоров приказал даже на всякий случай убить некоего алхимика, уверявшего, что он приготовил для правителя такой эликсир и уже испытал его действие на себе (Фигуровский 1955: 122). Кстати, в данном случае зависимость от запросов политарной верхушки оказалась, в конце концов, гибельной не только для отдельных лиц, но и для всего дискурсивного тренда: когда императоры, пусть и постепенно, в период XIII–XV вв., все-таки пришли к трезвому выводу, что физическое бессмертие для них недостижимо, даосская алхимия была полностью официально запрещена и осуждена как нелепое суеверие, даосские книги сожжены, а сами неудачливые экспериментаторы были изгнаны и перешли на нелегальное положение (Васильев 2001: 274-276; Торчинов 1998: 379-381).

Диспропорции в развертывании эпистемологического дискурса в условиях политаризма, вызванные ограниченностью кругозора политической верхушки, неизбежны. Близорукая и однобокая, патерналистская и непоследовательная, жесткая и репрессивная государственная политика в области науки приводит к тому, что целые перспективные отрасли знания, способные при других обстоятельствах спонтанно (пусть и неторопливо) развиваться, причем даже без властной опеки и крупномасштабных финансовых вливаний, обрекаются на исчезновение. В Китае наиболее показательна здесь судьба школы моистов, основанной Мо-цзы в V в. до н. э. и сравнительно успешно существовавшей в течение нескольких веков.

Как явствует из анализа сохранившихся моистских текстов, в сфере естествознания эта школа мало уступала тогдашней – и весьма продвинутой – античной науке, особенно в области физики. Моисты близко

подошли к закону равновесия рычага, сформулированному Архимедом в III в. до н. э. (Еремеев 2009d: 160-161), и поставили вопрос об отношении между плавающим телом и его погруженной частью – тот самый, решая который Архимед смог открыть один из фундаментальных законов гидростатики (Еремеев 2009d: 164). Они экспериментально обнаружили разницу между взвешиванием тела в воде и в воздухе. Рассматривая пространство, время и движение как некий континуум, они продвигались к закону инерции, открытому в Европе лишь в Новое время (Еремеев 2009d: 161-163). Моисты вплотную подошли к построению геометрической оптики, когда производили разнообразные опыты со светом, исследуя принципы формирования тени и отражения, свойства плоских и изогнутых зеркал, изображения в камере-обскуре и др. Они пользовались понятием светового фокуса, изучали эффект преломления света при частичном погружении предмета в воду и даже смогли примерно вычислить показатель преломления (Еремеев 2009e: 168-169, 175-176). При нормальной, спонтанной эволюции физического знания все эти наработки закономерно должны были привести к тем же открытиям, которые были сделаны в Европе в XV–XVII вв., причем наверняка со значительным опережением.

Однако этот многообещающий дискурс оказался насильственно прерванным – в первую очередь из-за действий людей, находившихся в верхних эшелонах власти. В отличие от конфуцианства, даосизма и других школ, сумевших возродиться и продолжить свое развитие после тотальных жестоких репрессий в период правления Цинь Шихуана, моизм и при следующей династии Хань не смог вернуться к жизни. Императоры приняли конфуцианский вариант натурфилософии, развитый во II в. до н.э. Дун Чжуншу, – вариант, который базировался на учениях Инь-ян и У-син (концепции «пяти элементов»), противоречивших главным принципам моистов. На идеи последователей Мо-цзы был наложен прямой запрет, и в результате их теоретические разработки были преданы забвению и не получили продолжения в китайской естественной науке. А что касается динамики как раздела механики, то в Китае в этой отрасли знания после распада моистской школы вообще не появилось ни одной новой идеи (Еремеев 2009d: 163; Еремеев 2009e: 168)¹.

¹Бюрократическая регламентация, стремление угодить вышестоящему начальнику или, по крайней мере, не испортить с ним отношения, предпочтение старого и апробированного новому и неизвестному – все это не исчезло и в современном Китае и продолжает даже сейчас оказывать негативное влияние на развитие науки и техники. Е.Г. Мартьянова и Ц. Хоу выделяют в связи с этим ряд факторов, многие из которых берут начало в глубокой древности и могут рассматриваться как типичные для политаризма вообще. В их числе строгие иерархичность и ритуализированность, чрезмерное акцентирование на этических и межличностных отношениях, культивирование несамостоятельности человека в принятии решений, толкование и редактирование древних текстов вместо создания новых, приверженность традиционным методам и опыту передачи знаний и умений (Мартьянова, Хоу 2017). Как тут не вспомнить слова самого Мо-цзы: «Я считаю, что хорошему из древности нужно следовать, но нужно создавать и современное хорошее. Я хочу, чтобы хорошего становилось все больше... Нужно и сейчас создавать хорошее» (Мо-цзы 1972: 198)!

Страх политарха потерять лицо перед своими приближенными имеет своим непреложным следствием и то, что при кадровом отборе предпочтением будет отдаваться отнюдь не самым эрудированным, способным и креативным личностям (часто весьма трудным и неудобным в общении), а наиболее покладистым и угодливым, тем, кто лучше других знает, как сделать приятное суверену. Естественно, при таких критериях на плаву окажутся люди, скорее всего ничего не представляющие собой в научном отношении. Как отмечает К. Поппер, авторитарный правитель (а другого при политаризме, собственно, и быть не может) «предпочитает тех, кто повинуется ему, верит ему, подвержен его влиянию. Однако из этого следует, что он выберет только посредственность. Ведь те, кто противится, сомневается и смеет сопротивляться, для него неприемлемы. Авторитарный правитель никогда не согласится с тем, что самым ценным может оказаться тот, кто обладает интеллектуальной смелостью, то есть смеет бросить вызов его авторитету» (Поппер 1992: 175-176). Немудрено, что серьезный ученый с трудом выживает в подобном окружении: ему тяжело дышать одним воздухом с теми, кто озабочен вещами, не имеющими ничего общего с наукой, и он мысленно, про себя (потому что вслух произносить такое смертельно опасно), наверняка будет думать то же, что выразил Хайям в таких отчаянных стихах:

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься слястями
За столом у мерзавцев, имеющих власть¹.

Есть еще один момент, который четко дифференцирует административный и эпистемологический дискурсы. Свобода научного поиска предполагает, что имеется множество вопросов, ответов на которые в данный момент просто нет. Сам смысл эпистемологического исследования в том и состоит, что задаются лишь параметры поиска, но *результат его заранее неизвестен*, – это-то и привлекает сюда тех немногих, кому интересно именно новое, непознанное, непонятное, загадочное. Свод готовых, уже кем-то и когда-то открытых, истин является, конечно, одним из обязательных условий научной деятельности, и знание этих истин (релевантных истин, во всяком случае) необходимо для ученого, но само по себе такое знание еще не наука. Там, где поиск сводится к нахождению чего-то уже данного и наличного типа статьи в энциклопедии или карточки в каталоге, настоящей науки пока нет. Она начинается только в случае, если индивидом предпринимается попытка сделать собственный, пусть и самый маленький, шаг в область Неведомого – туда, куда раньше не ступал никто (Johnson 2010: chap. 1).

В бюрократическом же мире действуют совсем иные регулятивы: здесь начальник всегда уверен, что ответ на вопрос, который вот только что пришел ему в голову, обязательно должен быть, а если подчиненный, перед которым он его поставил, ответа не знает или при всех стараниях не смог

¹ (Омар Хайям 1982: 170).

его найти, то это означает только некомпетентность, никчемность и негодность самого подчиненного. Вот как, например, поучал в сохранившемся папирусе трехтысячелетней давности один опытный египетский бюрократ другого, помоложе: «Я открываю Тебе приказ Твоего господина. Ибо смотри, Ты – опытный писец, стоящий во главе войска... Не допусти, чтобы о Тебе сказали: “Есть также и такие вещи, которых и Ты не знаешь”» (Нейгебауэр 2010: 136). (Эту несовместимость дискурсов подчеркивает и комментатор: «...здесь мы несомненно имеем дело не с текстами, имеющими специфически математическую (сиречь сугубо эпистемологическую, собственно научную. – В.В.) ориентацию, а с чем-то таким, что должен был знать каждый писец, заведовавший административными делами» (Нейгебауэр 2010: 137).) Для самовластного кесаря честное признание ученого «Науке это пока еще не известно» равнозначно заявлению «Я этого не знаю», особенно если правитель подозрителен, раздражен или просто неумен, имплицитно предполагает неспособность, а то и, хуже того, нежелание поделиться требуемой информацией. В глазах самодержца такое поведение граничит с изменой как лично ему, так и государству, с которым он себя отождествляет. Поэтому, предвидя вероятность такого поворота событий, ученый не может действовать свободно и вынужден думать не столько о благе науки, сколько о своем придворном реноме и безопасности. Там, где субъект познания озабочен не поиском истины, а прежде всего желанием угодить или, по крайней мере, не разгневать ту персону, которая стоит в социально-политической иерархии выше его, прогресс науки как минимум сильно затруднен. На смену ему приходят типичные бюрократические пороки: угодничество, низкопоклонство, лживость, очковитирательство, карьеризм, которые очень быстро могут заразить даже весьма продвинутого интеллектуала.

Таким образом, доминирующая при политаризме структура государственной власти и социального управления оказывает серьезное влияние на форму, содержание, направленность поисковой деятельности и в том случае, когда дело идет о получении более верной картины Природы и об использовании здесь тех или иных математических методов. Социальное давление на естественнонаучный процесс, как правило, тем негативнее и вреднее, чем сильнее зависимость тех, кто объективно призван двигать его, от воли, причуд, прихотей и предрассудков предрержащих власть профанов. Эпистемологический дискурс в таких условиях лишается спонтанности, деформируется и в дальнейшем способен легко сойти на нет. В крайнем случае, когда обстоятельства уже совсем не оставляют ученому возможности продолжать его исследовательскую миссию, нравственный долг его перед наукой – попытаться найти иного, более адекватного и вменяемого политарха (субполитарха) или же, как вариант, перейти на положение частного лица, не обремененного специфическими обязанностями по отношению к сильным мира сего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адес Г. 2008. Египет: История страны. Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Мидгард. 544 с.

- Ахмедов А.А. 1994. Мухаммад Тарагай Улугбек. Зидж: новые Гурагановы астрономические таблицы. Ташкент : Фан. 328 с.
- Бартольд В.В. 1964. Улугбек и его время // В.В. Бартольд. Собрание сочинений : в 9 т. Москва : Наука. Т. 2 (2). С. 23-196.
- Белявский В.А. 2001. Тайны Вавилона. Москва : Вече. 352 с.
- Бердяев Н.А. 1995. Царство Духа и царство Кесаря // Н.А. Бердяев. Царство Духа и Царство Кесаря. Москва : Республика. С. 287-356.
- Библиотека Ашшурбанипала, 2010. URL: [https:// biograf.academic.ru](https://biograf.academic.ru) (дата обращения: 05.06.2019).
- Библиотеки Древнего Египта, 2010. URL: [https:// megalektsii.ru/s149014t5.html](https://megalektsii.ru/s149014t5.html) (дата обращения: 05.06.2019).
- Бируни А.Р. 1957. Памятники минувших поколений // А.Р. Бируни. Избранные произведения. Ташкент : Изд-во АН УзССР. Т. 1. 488 с.
- Бируни А.Р. 1987а. Обособление речи о проблемах теней (Гномоника) / Беруни // А.Р. Беруни. Избранные произведения. Ташкент : Фан. Т. 7. С. 119-255.
- Бируни А.Р. 1987б. Трактат об определении хорд в круге посредством свойств ломаной линии в нем / Беруни // А.Р. Беруни. Избранные произведения. Ташкент : Фан. Т. 7. С. 25-77.
- Булгаков П.Г. 1972. Жизнь и труды Бируни. Ташкент : Фан. 428 с.
- Булгаков П.Г., Розенфельд Б.А. 1987. Комментарии // А.Р. Беруни. Избранные произведения. Ташкент : Фан. Т. 7. С. 286-325.
- Ван-дер-Варден Б.Л. 2010. Пробуждающаяся наука: Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. Москва : URSS. 458 с.
- Васечко В.Ю. 2017. Интеллектуалы в политарном обществе: профессиональная идентичность и социокультурный контекст (размышления над романом Б. Пруса «Фараон») // Modern History: партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока : сб. науч. тр. памяти О.А. Науменкова : материалы науч. сессии кафедры зарубежной истории Башкирского гос. ун-та. 10 ноября 2017 г. / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин. Уфа : РИЦ Башкир. гос. ун-та. Вып. 17: Запад и Восток в глобальных трансформациях: история и современность. С. 183-191.
- Васечко В.Ю. 2018а. «Онтика» и «онтология»: естественнонаучный дискурс против иерократического прессинга в политарном обществе // Virtus : Scientific Journal. September, iss. 26. С. 17-20.
- Васечко В.Ю. 2018б. «Ученый профан» versus сановный иерократ: к проблеме возможности суверенного эпистемологического дискурса в политарном обществе // Дискурс-Пи : научный журнал. № 3-4 (32-33). С. 105-115.
- Васильев Л.С. 2001. Культы, религии, традиции в Китае. Москва : Вост. лит. 488 с.
- Гурштейн А.А. 1984. Извечные тайны неба. Москва : Просвещение. 272 с.
- Еремеев В.Е. 2009б. Астрономия // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. Москва : Вост. лит. Т. 5. С. 102-139.
- Еремеев В.Е. 2009с. Математика // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. Москва : Вост. лит. Т. 5. С. 52-95.
- Еремеев В.Е. 2009д. Механика // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. Москва : Вост. лит. Т. 5. С. 154-168.
- Еремеев В.Е. 2009е. Оптика // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. Москва : Вост. лит. Т. 5. С. 168-178.
- Еремеев В.Е. 2009а. Акустико-музыкальная теория // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. Москва : Вост. лит. Т. 5. С. 188-225.

Еремеев В.Е., Кобзев А.И. 2009. Чжан Цзы-синь // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. Москва : Вост. лит. Т. 5. С. 932.

Ибн Сина. 1957. Даниш-намэ. Книга знания. Сталинабад : Таджикгосиздат. 288 с.

Кары-Ниязов Т.Н. 1950. Астрономическая школа Улугбека. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР. 330 с.

Кленгель-Брандт Э. 2001. Древний Вавилон. Смоленск : Русич. 368 с.

Кобзев А.И. 2009. Астрология // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. Москва : Вост. лит. Т. 5. С. 96-101.

Мартьянова Е.Г., Хоу Ц. 2017. Негативное влияние этических аспектов конфуцианства на научно-техническое и инновационное развитие Китая // Общество: философия, история, культура. № 7. С. 63-67.

Мо-цзы. 1972. [Главы из книги] // Древнекитайская философия : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 175-200.

Нейгебауэр О. 2010. Лекции по истории античных математических наук: Древнегреческая математика. Москва : ЛКИ. 242 с.

Низами Арузи Самарканди. 1963. Собрание редкостей, или Четыре беседы. Москва : Изд-во вост. лит. 173 с.

Омар Хайям. 1957. Книга по требованию (Обо всем сущем) // С.Б. Морочник, Б.А. Розенфельд. Омар Хайям – поэт, мыслитель, ученый. Сталинабад : Таджикгосиздат. С. 200-210.

Омар Хайям. 1961. Трактат о доказательствах задач алгебры и алмукабалы // Омар Хайям. Трактаты. Москва : Изд-во вост. лит. С. 69-112.

Омар Хайям. 1982. Рубайят // Родник жемчужин: Персидско-таджикская классическая поэзия : пер. с фарси : сб. / сост. М.-Н.О. Османов. Москва : Моск. раб. С. 167-241.

Панцхава И.Д. 1982. Петрици. Москва : Мысль. 124 с.

Поппер К. 1992. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1. Москва : Культурная инициатива. 448 с.

Рожанская М.М. 2009. Несколько эпизодов из истории науки // Вопросы истории естествознания и техники. № 2. С. 181-204.

Розенфельд Б.А., Рожанская М.М., Соколовская З.К. 2014. Абу-р-Райхан ал-Бируни, 973–1048. Москва : УРСС. 272 с.

Сагадеев А.В. 1980. Ибн-Сина (Авиценна). Москва : Мысль. 239 с.

Семёнов Ю.И. 2011. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Москва : УРСС. 376 с.

Старр С.Ф. 2017. Утраченное просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. Москва : Альпина Паблишер. 574 с.

Старцев П.А. 1961. Очерки истории астрономии в Китае. Москва : Физматгиз. 156 с.

Толстов С.П. 1957. Бируни и его «Памятники минувших поколений» // А.Р. Бируни. Избранные произведения. Ташкент : Изд-во АН УзССР. Т. 1. С. VII-XXI.

Торчинов Е.А. 1998. Даосизм: Опыт историко-религиозного описания. Санкт-Петербург : Лань. 448 с.

Фигуровский Н.А. 1955. Химия в древнем Китае и ее влияние на развитие химических знаний в других странах // Из истории науки и техники Китая : сб. статей / под ред. И.В. Кузнецова (гл. ред.) и др. Москва : Изд-во АН СССР. С. 110-129.

Франкфорт Г. и др. 2001. В преддверии философии: Духовные искания древнего человека / Г. Франкфорт, Г.А. Франкфорт, Дж. Уилсон, Т. Якобсен. Санкт-Петербург : Амфора. 314 с.

Шидфар Б.Я. 1981. Ибн Сина. Москва : Наука. 184 с.

Шишкин В.А. 1953. Обсерватория Улугбека и ее исследование // Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. Обсерватория Улугбека. Ташкент : Изд-во АН УзССР. Т. 5. С. 3-100.

Шопенгауэр А. 1993. Афоризмы житейской мудрости // А. Шопенгауэр. Избранные произведения. Москва : Просвещение. С. 189-370.

Юар П., Ван М. 1963. К изучению древней китайской медицины // Из истории науки и техники в странах Востока : сб. статей. Москва : Изд-во восточ. лит. Вып. 3. С. 171-217.

Johnson S. 2010. Where Good Ideas come From: The Natural History of Innovation. New York : Riverhead Books. 328 p.

Vyacheslav Y. Vasechko, Doctor of Philosophy,
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia. E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru
ORCID: 0000-0002-1808-4404
SPIN-код: 3610-5534

Article received 10.06.2019, accepted 05.09.2019, available online 06.04.2020

SCIENCE UNDER CAESAR-POLITARCH'S PATRONAGE

Abstract. The subject of this article is the specificity of socio-cultural situation in which the individual professionally engaging in natural sciences and mathematics does act in polity society (ancient Egypt, ancient India and China, medieval Arab-Muslim world, etc.). It focuses on the complex and contentious relationship between scientists seeking to acquire increasingly precise and adequate knowledge of the structure and development of the material world, and on methods of acquiring such knowledge, and bureaucratic apparatus, whose tip led by an autocratic Monarch (labeled as “Caesar”, or “politarch”) is interested in the maximum control of the process and the results of any serious theoretical and empirical studies. Intense conflicts between these cognitive trends affect the general nature and characteristics of the deployment of epistemic discourse in polity societies. As concepts, through which this conflict is interpreted, are elected category of “regularity” (as characteristic of any variety of polity management) and “spontaneity” (as an attribute of free, creative and administrative unregulated scientific search).

Keywords: epistemological discourse; polity society; politarch; bureaucracy; regularity; spontaneity.

For citation: Vasechko V.Y. *Nauka pod patronazhem kesarya-politarkha* [Science under caesar-politarch's patronage], *Antinomii = Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 69-88. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10103. (in Russ.).

References

Ades H. *Egipet: Istoriya strany* [A Traveller's History of Egypt], Moscow, Eksmo, St. Peterburg, Midgard, 2008, 544 p. (in Russ.).

Ahmedov A.A. *Mukhammad Taragay Ulugbek. Zidzh: novye Guraganovy astronomicheskie tablitsy* [Muhammad Taragay Ulugbek. Zij: New Guragan's astronomical tables], Tashkent, Fan, 1994, 328 p. (in Russ.).

Bartold V.V. *Ulughbek i ego vremya* [Ulugh Beg and his time], V.V. Bartold, *Sobranie sochineniy* : v 9 t., Moscow, Nauka, 1964, vol. 2 (2), pp. 23-196. (in Russ.).

Belyavsky V.A. *Tayny Vavilona* [Mystery Babylon], Moscow, Veche, 2001, 352 p. (in Russ.).

Berdyayev N.A. *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya* [The Spirit realm and the realm of Caesar], N.A. Berdyayev, *Tsarstvo Dukha i Tsarstvo Kesarya*, Moscow, Respublika, 1995, pp. 287-356. (in Russ.).

Biblioteka Ashshurbanipala, 2010 [Library of Ashurbanipal], available at: <https://biograf.academic.ru> (accessed June 05, 2019). (in Russ.).

Biblioteki Drevnego Egipta, 2010 [Libraries of Ancient Egypt], available at: <https://megalektsii.ru/s149014t5.html> (accessed June 05, 2019). (in Russ.).

Biruni A.R. *Obosoblenie rechi o problemakh teney (Gnomonika)* [Separation of speech about the problems of shadows (gnomonika)], A.R. Beruni, *Izbrannye proizvedeniya*, Tashkent, Fan, 1987, vol. 7, pp. 119-255. (in Russ.).

Biruni A.R. *Pamyatniki minuvshikh pokoleniy* [Monuments of past generations], A.R. Biruni, *Izbrannye proizvedeniya*, Tashkent, Izdatel'stvo AN UzSSR, 1957, vol. 1, 488 p. (in Russ.).

Biruni A.R. *Traktat ob opredelenii khord v krugе posredstvom svoystv lomanoy linii v nem* [Treatise on the definition of chords in a circle through the properties of a polyline in it], A.R. Beruni, *Izbrannye proizvedeniya*, Tashkent, Fan, 1987, vol. 7, pp. 25-77. (in Russ.).

Bulgakov P.G. *Zhizn' i trudy Biruni* [Life and writings of Al-Biruni], Tashkent, Fan, 1972, 428 p. (in Russ.).

Bulgakov P.G., Rozenfeld B.A. *Kommentarii* [Commentary], A.R. Beruni, *Izbrannye proizvedeniya*, Tashkent, Fan, 1987, vol. 7, pp. 286-325. (in Russ.).

Eremeev V.E. *Akustiko-muzykal'naya teoriya* [Acoustic-music theory], *Dukhovnaya kul'tura Kitaya : entsiklopediya* : v 5 t., Moscow, Vostochnaya literatura, 2009, vol. 5, pp. 188-225. (in Russ.).

Eremeev V.E. *Astronomiya* [Astronomy], *Dukhovnaya kul'tura Kitaya : entsiklopediya* : v 5 t., Moscow, Vostochnaya literatura, 2009, vol. 5, pp. 102-139. (in Russ.).

Eremeev V.E. *Matematika* [Mathematics], *Dukhovnaya kul'tura Kitaya : entsiklopediya* : v 5 t., Moscow, Vostochnaya literatura, 2009, vol. 5, pp. 52-95. (in Russ.).

Eremeev V.E. *Mekhanika* [Mechanics], *Dukhovnaya kul'tura Kitaya : entsiklopediya* : v 5 t., Moscow, Vostochnaya literatura, 2009, vol. 5, pp. 154-168. (in Russ.).

Eremeev V.E. *Optika* [Optics], *Dukhovnaya kul'tura Kitaya : entsiklopediya* : v 5 t., Moscow, Vostochnaya literatura, 2009, vol. 5, pp. 168-178. (in Russ.).

Eremeev V.E., Kobzev A.I. *Chzhan Tsy-sin'* [Chang Tzu-Hsin], *Dukhovnaya kul'tura Kitaya : entsiklopediya* : v 5 t., Moscow, Vostochnaya literatura, 2009, vol. 5, pp. 932. (in Russ.).

Figurovsky N.A. *Khimiya v drevnem Kitae i ee vliyanie na razvitie khimicheskikh znaniy v drugikh stranakh* [Chemistry in ancient China and its influence on the development of chemical knowledge in other countries], I.V. Kuznetsov (gen. ed.) *Iz istorii nauki i tekhniki Kitaya : sb. statey*, Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1955, pp. 110-129. (in Russ.).

Frankfort H., Frankfort H.A., Wilson J.A., Jacobsen Th. *Vpred'dverii filosofii: Dukhovnye iskaniya drevnego cheloveka* [Before philosophy: The intellectual adventure of ancient man], St. Petersburg, Amfora, 2001, 314 p. (in Russ.).

Gurshteyn A.A. *Izvechnye tayny neba* [The eternal mysteries of the sky], Moscow, Prosveshchenie, 1984, 272 p. (in Russ.).

Ibn Sina. *Danish-name. Kniga znaniya* [Danish name. The book of knowledge], Stalinabad, Tadzhikgosizdat, 1957, 288 p. (in Russ.).

Johnson S. *Where Good Ideas come From: The Natural History of Innovation*, New York, Riverhead Books, 2010, 328 p.

Kary-Niyazov T.N. *Astronomicheskaya shkola Ulugbeka* [Astronomical school of Ulugh Beg], Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1950, 330 p. (in Russ.).

Klengel-Brandt E. *Drevniy Vavilon* [Ancient Babylon], Smolensk, Rusich, 2001, 368 p. (in Russ.).

Kobzev A.I. *Astrologiya* [Astrology], *Dukhovnaya kul'tura Kitaya : entsiklopediya : v 5 t.*, Moscow, Vostochnaya literatura, 2009, vol. 5, pp. 96-101. (in Russ.).

Martianova E.G., Hou Ts. *Negativnoe vliyanie eticheskikh aspektov konfutsianstva na nauchno-tekhnicheskoe i innovatsionnoe razvitie Kitaya* [The negative influence of Confucianism's ethics on scientific-technical and innovative development of China], *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2017, no. 7, pp. 63-67. (in Russ.).

Mo-czy [Mo-Tzu]. [Chapters from the book] [Glavy iz knigi], *Drevnekitayskaya filosofiya : v 2 t.*, Moscow, Mysl', 1972, vol. 1, pp. 175-200. (in Russ.).

Neugebauer O. *Lektsii po istorii antichnykh matematicheskikh nauk: Dogrecheskaya matematika* [Lectures on the history of ancient mathematics: Pre-Greek mathematics], Moscow, LKI, 2010, 242 p. (in Russ.).

Nizami Aruzi Samargandi. *Sobranie redkostey, ili Chetyre besedy* [A collection of rarities, or Four conversations], Moscow, Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1963, 173 p. (in Russ.).

Omar Khayyam. *Kniga po trebovaniyu (Obo vsem sushchem)* [Book on demand (About all things)], S.B. Morochnik, B.A. Rozenfel'd. *Omar Khayyam – poet, myslitel', uchenyy*, Stalinabad, Tadzhikgosizdat, 1957, pp. 200-210. (in Russ.).

Omar Khayyam. *Rubaiyat* [Rubaiyat], M.-N.O. Osmanov (comp.), *Rodnik zhemchuzhin: Persidsko-tadzhikskaya klassicheskaya poeziya*, Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1982, pp. 167-241. (in Russ.).

Omar Khayyam. *Traktat o dokazatel'stvakh zadach algebry i almukabaly* [A treatise on evidence challenges of algebra and almukabala], *Omar Khayyam, Traktaty*, Moscow, Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1961, pp. 69-112. (in Russ.).

Pantskhava I.D. *Petrиси* [Petrici], Moscow, Mysl', 1982, 124 p. (in Russ.).

Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. V 2 t. T. 1* [The open society and its enemies, in 2 vols. Vol. 1], Moscow, Kul'turnaya initsiativa, 1992, 448 p. (in Russ.).

Rozenfeld B.A., Rozhanskaya M.M., Sokolovskaya Z.K. *Abu-r-Raykhan al-Biruni, 973–1048* [Abu Rayhan Al-Biruni, 973–1048], Moscow, URSS, 2014, 272 p. (in Russ.).

Rozhanskaya M.M. *Neskol'ko epizodov iz istorii nauki* [Several episodes from the history of science], *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 2009, no. 2, pp. 181-204. (in Russ.).

Sagadeev A.V. *Ibn-Sina (Avitsenna)* [Ibn Sina (Avicenna)], Moscow, Mysl', 1980, 239 p. (in Russ.).

Schopenhauer A. *Aforizmy zhiteyskoy mudrosti* [Aphorisms of worldly wisdom], A. Shopengauer. *Izbrannye proizvedeniya*, Moscow, Prosveshchenie, 1993, pp. 189-370. (in Russ.).

Semenov Yu.I. *Politarnyy («aziatskiy») sposob proizvodstva: sushchnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii* [Politary («Asian») method of manufacturing: essence and place in the history of humanity and Russia], Moscow, URSS, 2011, 376 p. (in Russ.).

Shidfar B.Ya. *Ibn Sina* [Ibn Sina], Moscow, Nauka, 1981, 184 p. (in Russ.).

Shishkin V.A. *Observatoriya Ulugbeka i ee issledovanie* [Ulugbek's Observatory and its study], *Trudy Instituta istorii i arkheologii Akademii nauk Uzbekskoy SSR. Observatoriya Ulugbeka*, Tashkent, Izdatel'stvo AN UzSSR, 1953, vol. 5, pp. 3-100. (in Russ.).

Starr S.F. *Utrachennoe prosveshchenie: Zolotoy vek Tsentral'noy Azii ot arabskogo zavoevaniya do vremen Tamerlana* [Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane], Moscow, Al'pina Publisher, 2017, 574 p. (in Russ.).

Startsev P.A. *Ocherki istorii astronomii v Kitae* [Essays on the history of astronomy in China], Moscow, Fizmatgiz, 1961, 156 p. (in Russ.).

Tolstov S.P. *Biruni i ego «Pamyatniki minuvshikh pokoleniy»* [Biruni and his "Monuments of past generations.,"], A.R. *Biruni. Izbrannyye proizvedeniya*, Tashkent, Izdatel'stvo AN UzSSR, 1957, vol. 1, pp. VII-XXI. (in Russ.).

Torchinov E.A. *Daosizm: Opyty istoriko-religioznogo opisaniya* [Taoism: experiences of historical-religious descriptions], St. Petersburg, Lan', 1998, 448 p. (in Russ.).

Van-der-Varden B.L. *Probuzhdayushchayasya nauka: Matematika Drevnego Egipta, Vavilona i Gretsii* [Arousing Science: Mathematics of ancient Egypt, Babylon and Greece], Moscow, URSS, 2010, 458 p. (in Russ.).

Vasechko V.Yu. «*Ontika*» i «*ontologiya*»: *estestvennonauchnyy diskurs protiv ierokraticeskogo pressinga v politarnom obshchestve* [«*Optics*» and «*ontology*»: Scientific discourse against hierocratic pressure in politary society], *Virtus : Scientific Journal*, 2018, September, iss. 26, pp. 17-20. (in Russ.).

Vasechko V.Yu. «*Uchenyy profan*» versus *sanovnyy ierokrat: k probleme vozmozhnosti suverenno epistemologicheskogo diskursa v politarnom obshchestve* [«*The scientist layman*» versus the stately hierocrat: the problem of possible sovereign epistemological discourse in politary society], *Diskurs-Pi : nauchnyy zhurnal*, 2018, no. 3-4 (32-33), pp. 105-115. (in Russ.).

Vasechko V.Yu. *Intellektualy v politarnom obshchestve: professional'naya identichnost' i sotsiokul'turnyy kontekst (razmyshleniya nad romanom B. Prusa «Faraon»)* [Intellectuals in the politary society: the professional identity and socio-cultural context (reflections on B. Prus's novel "The Pharaoh")], R.R. *Tukhvatullin (resp. ed.), Modern History: partiynopoliticheskaya, dukhovnaya istoriya i obshchestvennyye dvizheniya v stranakh Zapada i Vostoka : materialy nauchnoy sessii kafedry zarubezhnoy istorii Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. 10 noyabrya 2017 g.*, Ufa, 2017, iss. 17, pp. 183-191. (in Russ.).

Vasilyev L.S. *Kul'ty, religii, traditsii v Kitae* [Cults, religions, traditions in China], Moscow, Vostochnaya literatura, 2001, 488 p. (in Russ.).

Yuar P., Van M. *K izucheniyu drevney kitayskoy meditsiny* [To the study of ancient Chinese medicine], *Iz istorii nauki i tekhniki v stranakh Vostoka : sbornik statey*, Moscow, Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1963, iss. 3, pp. 171-217. (in Russ.).

Смулькина Н.В. Символические образы международных отношений в сознании российских граждан: политико-психологический анализ. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10104 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 89–116.

УДК 32.019.5

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10104

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Наталья Валентиновна Смулькина

кандидат политических наук,

старший преподаватель кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

г. Москва, Россия

E-mail: smulkina@mail.ru

SPIN-код: 9132-1263

ResearcherID: Q-9718-2017

Scopus ID: 57191094528

ORCID: 0000-0002-6691-5372

IRID: 7645322

*Статья поступила 22.11.2019, принята к печати 09.12.2019,
доступна online 06.04.2020*

В статье представлены результаты эмпирического исследования, посвященного изучению символических аспектов восприятия международных отношений российским массовым сознанием. Данные, полученные с применением качественных методов, позволяют рассмотреть представления россиян о субъектах, структуре, принципах международных отношений, а также об ожидаемых, желаемых и нежелательных тенденциях трансформации международных отношений. При исследовании символических репрезентаций международных отношений, понимаемых, как составная часть символической карты мира, автор опиралась на политико-психологический подход. Изучение образов осуществлялось с учетом как рационализированных оценок, так и неосознаваемых аспектов восприятия политической карты мира; для этого в рамках опросов были использованы проективные техники. В работе определены факторы символических интерпретаций международных отношений в массовом политическом сознании. В итоге автор приходит к выводу, что символическое восприятие международных отношений россиянами, фрагментарно, отличается ситуативным характером (это, вероятно, в значительной мере и определяет зависимость процесса

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-32128 «Политико-психологическое измерение политической карты мира в сознании российских граждан: символические репрезентации».

формирования представлений о политической карте мира от специфики коммуникации), и выделяет несколько моделей восприятия карты мира; это модели тревожного, позитивно-оптимистичного, прагматично-рационального и фрагментарно-неопределенного типов. К выявленным тенденциям восприятия политической карты мира она относит некоторую неконгруэнтность символических образов карты мира в случае прагматичного типа восприятия, тревожность на уровне массового политического сознания, размытость образов «своих» и «чужих» в международных отношениях. Неясность представлений россиян о месте России в мире, ее возможных стратегиях поведения в сфере международной политики делает восприятие политической карты мира гиперчувствительным и зависимым, прежде всего, от стереотипов, клише и от информационной повестки СМИ. Следует отметить, что политико-психологический анализ символических образов международных отношений представлен по результатам эмпирического исследования в Москве.

Ключевые слова: политико-психологический подход, символическое пространство, политическое восприятие, политическая карта мира, образ страны, образ международных отношений, символические репрезентации, факторы политического восприятия.

Постановка проблемы. С распадом СССР Россия столкнулась не только с территориальными потерями, но и с серьезными психологическими последствиями этой геополитической трансформации. В 1990-е гг. основное внимание большинства населения было сконцентрировано на внутрироссийских проблемах, что вполне закономерно, поскольку в стране происходили масштабные перемены (Петухов 2010: 4). При этом на уровне массового сознания шло болезненное преодоление психологической травмы, своеобразного синдрома самоуничтожения, обусловленных восприятием России как побежденной в холодной войне страны, потерявшей своих сторонников и неспособной предложить в мировой политике что-либо значимое.

Разумеется, нельзя утверждать, что по прошествии трех десятков лет отношение россиян к роли своей страны на мировой арене не изменилось. В соответствии с результатами опроса Фонда общественного мнения в течение десяти лет после распада Советского Союза почти 80% респондентов сожалели о распаде СССР; вопрос о позитивных моментах этого события вызывал у рядовых россиян реакцию отторжения. К началу XXI в. общество в целом привыкло к мысли, что СССР – это уже история. Участники фокус-групп отмечали, что воссоздание союза республик в принципе возможно, но для объединения нужно решить массу внутренних проблем. Пренебрежение ими, по мнению россиян, могло бы только ухудшить положение страны и российских граждан (Референдум о судьбе СССР... 2001).

С 1990-х гг. до настоящего времени политическая, экономическая, культурная, международная ситуации менялись и разновекторно, и постепенно, и стремительно (Пузанова, Филиппов, Ларина 2017: 24). В 2000-е гг. наша страна обрела все больший политический вес, но вместе с тем появились и осознание целого ряда новых угроз и вызовов, и нарастающее чувство внешнеполитического одиночества России, чего не было и не могло быть во времена Советского Союза (Петухов 2010: 4). Присоединение Крыма и последовавшие вслед за ними западные санкции дополнительно подкрепили данные тен-

денции, способствуя росту патриотических чувств россиян в условиях сохранения на уровне массового сознания своеобразного «комплекса неполноценности», сформированного за время постсоветского периода. Обсуждаемый политологами «посткрымский синдром» (трансформация общественных настроений, оценок россиянами политической системы в 2014 г.) Е.Б. Шестопал объясняет именно неразрешенностью психологического парадокса в сознании российского общества (Шестопал, Смулькина, Морозикова 2019). Подобная неконгруэнтность в восприятии внешнеполитической деятельности России и ее места в мире в условиях расхождения политической и психологической реальностей может способствовать росту напряженности на уровне массового политического сознания, возникновению проблем национального самоопределения общества.

Невозможно рассматривать проблему формирования идентичности (как опоры стабильного общества), не обратив внимания на образы других стран в российском сознании. Для того чтобы понять, кто суть «мы», следует ответить, кто же суть «они» и кем они являются для нас. Особое место здесь занимает тема восприятия международных отношений. Восприятие внешнеполитической ситуации сейчас также чрезвычайно динамично. Глобальный и разнонаправленный характер политических, экономических и социокультурных трансформаций конца XX – начала XXI в. привел к дестабилизации сложившегося мирового порядка. Современные международные отношения, формируемые под влиянием глобализации, все чаще усложняются, выдвигая перед научным сообществом требование более детального изучения мировых процессов. К сожалению, научная, в частности психологическая, база для изучения геополитических процессов практически отсутствует (Конфисахор, Медведева 2011: 36).

Современные международные вызовы, с одной стороны, расширяют поле значимых мировых игроков за счет роста числа международных организаций, транснациональных корпораций. Стираются международные границы в представлениях россиян. Туризм, учеба за рубежом, единый рынок сделали для многих наших граждан глобальный мир привычным. Но смогли ли они сделать этот мир «своим» и безопасным? Вероятно, нет. Происходящие геополитические трансформации могут влиять на национальное самосознание и способствовать тенденциям формирования изоляционистских настроений или склонности к своеобразному эскапизму в восприятии внешнеполитических процессов.

В публичных обсуждениях (и, соответственно, в политической картине мира обычных граждан) сейчас актуализируются все новые международные темы, нередко нарушающие чувство безопасности, возбуждающие тревогу и страхи. Современная позиция России на мировой арене является значимым объектным фактором оценок внешнеполитических событий. Сущность мировых политических процессов последних лет труднопознаваема для многих россиян, что также сказывается на психологической составляющей массового сознания. Таким образом, изучение восприятия стоящих перед Россией не только внутриполитических, но и внешнеполитических проблем становится все более актуальным в современной науке. Подобные

исследования проводятся, и согласно их результатам российские граждане дают весьма неоднозначные характеристики геополитической активности своей страны, противоречиво оценивая способность России сопротивляться внешним вызовам и угрозам (Колосов, Зотова 2012; Горшков, Петухов 2016).

Необходимость проявить должное внимание к изучению восприятия международного порядка россиянами становится особенно актуальной, поскольку в российскую политику приходит поколение, для которого блоковая система мира является лишь темой из школьного учебника истории, а глобализация понимается как объективная реальность, альтернативу которой сложно представить. В настоящее время в политической науке, социологии и в теории международных отношений проводятся исследования образов отдельных стран или групп государств в массовом сознании. При этом особенности восприятия взаимоотношений между ними, не говоря уже о мире в целом как геополитическом пространстве с множеством взаимодействующих акторов, остаются не охваченными. Мы полагаем возможным восполнить данный пробел, предприняв эмпирическое исследование, посвященное восприятию политической карты мира в рамках политико-психологического подхода, который обладает для этого необходимыми концептуальными возможностями и инструментальным потенциалом. Исходя из посылки о важности стереотипизации и мифологизации процесса современного внешнеполитического восприятия в условиях информационной эпохи, мы концентрируем внимание именно на символических очертаниях политической карты мира. Политическая карта мира в данном случае выступает как многосоставный конструкт, состоящий из взаимодействующих элементов, одним из которых и является символический образ международных отношений, обсуждаемый в данной работе.

Теоретико-методологические основания исследования. Несмотря на богатый теоретический и эмпирический материал, накопленный в области социальных наук, пока довольно слабо просматриваются достаточные основания для построения общей теории политического восприятия международных процессов, взаимодействий и карты мира. Между тем восприятие международных отношений как часть процесса формирования в массовом сознании образа политической карты мира в условиях меняющегося контекста отличается от политического восприятия лидеров и власти.

В целях определения теоретических оснований исследования мы обратились к результатам научных проектов в сфере теории международных отношений и сравнительной политологии (Мельвиль 2006). Исследования в сфере *политической регионалистики* позволили нам изучить подходы к анализу и классификации внутренних образов стран и регионов (Вилков 2010). Не менее плодотворным было и изучение геополитических концепций, объясняющих причины формирования «психологии окруженности», «стратегии концентрических кругов» (Колосов 1996), а также исследований феномена пространства, пространственности и пограничности (Мирошниченко 2018; Смирнягин 2016; Чернышов 2015).

Для составления авторской модели мы использовали наработки *политических географов*, которые изучают образ страны в сознании ее граждан

с точки зрения пространственных аспектов восприятия. В рамках данного подхода внимание уделяется преимущественно когнитивной стороне образов (за скобками остаются эмоциональные и поведенческие особенности восприятия), однако именно исследования в политической географии отличаются более фундаментальным характером и направлены на выявление общих тенденций формирования различных образов территории. Например, географический образ страны рассматривается с учетом символов, представлений о пространстве, стереотипов в рамках концепции геокультурного брендинга территории Д. Замятина (Замятин 2010; Замятина 2011).

Для понимания основных тенденций восприятия россиянами внешнеполитического пространства необходимо ознакомление с результатами научных работ политических социологов. Российские и зарубежные центры исследования общественного мнения в последние годы регулярно публикуют отчеты по своим проектам, посвященным отношению россиян к отдельным событиям мировой политики и странам. К сожалению, количественные стандартизированные опросы, обычно используемые в таких исследованиях, не позволяют выявить скрытые установки. Символические репрезентации, выделяемые социологами в ходе изучения восприятия внешнеполитических процессов, относятся лишь к «верхнему», рационализированному, слою сознания. Возникает необходимость рассмотреть наряду с устоявшимися рациональными мнениями людей о своей и других странах, о международных отношениях эмоциональные, неосознаваемые компоненты их восприятия. Работ, посвященных бессознательным аспектам восприятия политической картины мира, а также стереотипизированным и архитипичным, символически очерченным сюжетам, сквозь призму которых видятся международные отношения, не так много (Caplan 2001; Herrmann 2003). Ценными здесь представляются труды, посвященные механизмам искажения восприятия, страхам и рискам как факторам восприятия (Alcock, Newcombe 1970; Buzan 1991; Смирнова 2007).

Теоретические основания изучения символических репрезентаций стран, пространств, геополитических субъектов были разработаны нами с учетом стратегий исследования национально-государственной идентичности и политики идентичности (Евгеньева, Селезнева 2017; Семененко 2008). Не менее важны при создании концептуально-теоретической модели изучения символических представлений о политической карте мира современные исследования репрезентаций в рамках рефлексивного, интенционального, конструктивистского теоретических подходов, теории «символической власти», концепции символической политики М. Эдельмана, концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер, Лукман 1995; Бурдые 2007; Hall 1997).

Наиболее оптимальным для получения итоговой теоретико-методологической модели исследования явилось использование в качестве приоритетной теории политического восприятия, разработанной научным коллективом кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Шестопал, Смулькина, Морозикова 2019: 75-77). Согласно данной теории необходимо комплексное

исследование образа страны с учетом его сложной психологической структуры, включающей в себя и рациональные и неосознаваемые пласты сознания. В русле политико-психологического направления были сформулированы концептуальные модели восприятия страны (и своей, и чужой) как сложносоставного образования, конструкта, состоящего из других образов (образа власти, лидера, народа, территории). Именно представители данного исследовательского направления уделяют внимание геополитическому статусу страны как составной части образа. Опора на эти научные достижения предоставила возможность группировки и классификации образов стран и других субъектов международных отношений на основе некоторых универсальных критериев.

В ходе подготовки данной статьи нами были выдвинуты определенные *исследовательские задачи*. *Во-первых*, мы ставили цель определить, опираясь на результаты проведенного исследования, наиболее значимые, с позиции россиян, субъекты международных отношений, оценить символическую наполненность их образов.

Во-вторых, мы полагали важным рассмотрение символических репрезентаций в оценках россиян современных международных отношений. Необходимо было уделить внимание и выявлению специфики ожиданий в отношении трансформаций международных отношений (а именно изучению представлений о возможных, желаемых и нежелательных изменениях в международных отношениях).

В-третьих, перед нами стояла задача определить набор факторов, влияющих на формирование символических репрезентаций стран и международных отношений у россиян.

В-четвертых, итоговой задачей являлось выделение моделей восприятия международных отношений и политической карты мира исходя из специфики символических наборов и с учетом зависимостей символических очертаний образов от факторов политического восприятия.

Как уже указывалось, теоретико-методологическим основанием исследования выступает политико-психологический подход, в рамках которого разработана теория политического восприятия. Согласно ей необходимо не только рассмотрение устоявшихся рациональных мнений людей о международных отношениях, но и оценка неосознаваемых аспектов их восприятия, где внимание сфокусировано на эмоциональных элементах образа. Именно учет неосознаваемого уровня восприятия позволяет более внимательно проанализировать существующие противоречия между когнитивным, эмоциональным и поведенческим аспектами политических установок в отношении политической карты мира. При изучении символических образов на двух уровнях восприятия мы можем в большей мере выявить и объяснить страхи и тревоги, надежды и желания россиян относительно международной политики, стратегии поведения России на мировой арене. Без обращения к неосознаваемому уровню символического восприятия международных отношений нельзя в полной мере оценить риски и угрозы, свойственные трансформациям российского восприятия внешнеполитической ситуации.

В рамках теории политической идентичности открывается возможность оперировать при рассмотрении восприятия стран и международных отношений понятиями «свой-чужой», учитывать наличие мифологем и архетипов в символическом пространстве политического восприятия. Для изучения символических образов международных отношений была принята *классификация политических символов*, разработанная Т.В. Евгеньевой и Г.А. Кожедубом, выстроенная на основе содержательной их характеристики. В качестве приоритетов авторами выбраны символические репрезентации исторических, политико-идеологических, пространственно-географических, ресурсно-экономических и культурно-языковых символов. В классификации предусмотрена вероятность соответствия одного символа нескольким категориям типологии исходя из контекста. Особое место уделяется идентификационно-ролевым символическим репертуарам – символическим образам «враг», «друг», «другой», «чужой».

I. Обратимся к собственной стратегии исследования (схеме анализа) образа международных отношений в российском массовом сознании. Значимую часть исследования составляет характеристика символических образов современных международных отношений. *Первым шагом* к этому явилось определение на уровне восприятия **субъектов** международных отношений. Согласно выдвинутой гипотезе исследования в качестве субъектов в данном случае могут выступать не только страны, но и блоки стран, союзы, формальные и неформальные международные организации и силы. Анализ специфики восприятия международных отношений предполагает изучение тенденций приписывания им (международным отношениям) субъект-субъектного или же субъект-объектного характера. Важным было установить, кто в представлениях россиян выступает как объект и как субъект современных международных отношений.

В качестве *второго шага* при изучении восприятия россиянами феномена современных международных отношений было предпринято описание символических представлений о **структуре** международных отношений. Это позволило констатировать рамочное восприятие массовым сознанием современных трендов мировой политики, стратегий выстраивания векторов международных отношений и предположить, что структура международных отношений в политических представлениях влияет на формирование более конкретных геополитических образов, детерминирующих восприятие россиянами мировой политики и включенности в нее России.

Третий шаг – оценка **принципов** международных отношений в символическом пространстве политической карты мира. На стадии выстраивания гипотез мы планировали классифицировать принципы международных отношений согласно существующим в теории международных отношений общим характеристикам взаимосвязей, таких как конфликт, соперничество, дистанцирование, влияние, коалиция, партнерство, иерархия, сотрудничество.

II. Далее. Зависимость объекта исследования от меняющегося событийного контекста заставляет рассматривать политическую карту мира в массовом сознании в качестве образа **динамической системы**. При изучении символических наборов представлений о **динамике** международных

отношений мы планировали выявление ожидаемых (наиболее вероятных, с точки зрения российских респондентов) тенденций развития взаимоотношений России с другими странами, изменения международного баланса сил, причин этих изменений. Для детализации символического пространства политической карты мира в качестве образа *потребного будущего* было важно определить, какие тенденции изменений международных отношений и баланса сил в мире являются наиболее предпочтительными, а какие – нежелательными, пугающими россиян сценариями трансформации международных отношений. Понимание того, какой хотят (не хотят) видеть россияне политическую карту мира в будущем и на какое место они ставят Россию на ней, позволит на следующем этапе исследования осуществить углубленный анализ и составить прогноз о рисках, связанных с символическим наполнением образов стран и международных отношений.

Описанный выше теоретический подход и исследовательская стратегия диктуют обращение к таким инструментам сбора и обработки информации, как опросные методы качественного характера в сочетании с проективными техниками. Проективные техники традиционно используются для интерпретации внешних проявлений скрытых, иногда неосознанных аспектов жизнедеятельности человека. Проективные рисунки (в нашем случае карта и рисунки) позволяют изучать особенности неосознаваемого уровня восприятия. На первый взгляд, графика – это однозначный и структурированный стимульный материал, однако при более глубоком рассмотрении он, хотя и знаком испытуемому, «не конкретизирован, так что по мере выполнения теста респондент может выразить свои проекции, перенеся их в изображение» (Бук 2000: 261). Таким образом, с учетом исследовательской стратегии, а также достоинств и недостатков подобранных методов исследования нами был составлен авторский инструментарий.

На выбор *методов сбора и обработки данных* в значительной степени повлиял качественный и разведывательный характер исследования. Предмет исследования определил необходимость использования методик, которые позволили бы не только рассмотреть отдельные образы стран и отношений между ними как таковые, но и отразить их специфику в заданных ситуациях, возможных трансформациях и взаимосвязях друг с другом. Для решения проблем изучения статичности и изолированности отдельных элементов сложносоставного феномена политического сознания в качестве методов сбора данных были выбраны фокусированные формализованные интервью, включающие в себя проективные вербальные и изобразительные техники: процедуры завершения¹, ассоциативные², интерпретативные³ техники и картоидный метод⁴. В 2019 г. были проведены 256 фокусирован-

¹ Респондентам предлагалось завершить предложение о роли России в международных отношениях.

² Использовался метод направленных ассоциаций. Респондентам предлагалось подобрать ассоциации к разнообразным состояниям международных отношений, придумать слоганы и хэштеги к понятиям международных отношений и мировой политики, привести примеры-ассоциации, исторические иллюстрации к предло-

ных формализованных интервью, включающих в себя проективные тесты. Исследование носило качественный характер; место проведения – Москва. Выборка была сбалансирована по параметрам пола и возраста.

Количественная часть обработки и анализа полученных эмпирических материалов строится на использовании методов кодирования, шкалирования ответов на открытые вопросы интервью, на статистических методах упорядочения и оптимизации эмпирических данных. Это позволило провести сравнительный анализ и классификацию символических репрезентаций, определить критерии группировки и дифференциации респондентами символических образов.

Качественная часть обработки и анализа данных исследования выполнена с использованием методов ненаправленного контент-анализа стенограмм интервью и проективных тестов, метода «снежного кома» для выявления метафор в ответах, символических образов и мифологем, стереотипированных и оригинальных сюжетов. Благодаря качественной части анализа данных стало возможным описать символически окрашенные оригинальные сюжеты и трактовки международных отношений, определить тенденции восприятия международных отношений и политической карты мира.

Результаты исследования. По итогам исследования мы получили возможность рассмотреть особенности символических репрезентаций международных отношений как составной части образа политической карты мира в массовом сознании россиян. В качестве постулата нами было принято утверждение, что символический образ политической карты мира выступает как динамический сложносоставной конструкт политического сознания, складывающийся в процессе политического восприятия и включающий в себя символические репрезентации стран и других субъектов международных отношений, находящихся в определенных взаимозависимостях и связях друг с другом. В данной работе мы не рассматривали детально символические образы отдельных стран, притом что исследовательский проект, частью которого она является, ставит и эту задачу. Символические репрезентации отдельных стран в политическом сознании интересовали нас лишь в аспекте рассмотрения данных стран как важнейших (с точки зрения респондентов) субъектов международных отношений, как составных частей политической карты мира, акторов, включенных в международные взаимосвязи и взаимодействия.

Остановимся лишь на самых общих тенденциях восприятия международных отношений, выявленных в ходе исследования. Прежде всего хотелось женным поговоркам и пословицам. Использовался также ассоциативный метод рисуночных персонификаций. Респондентам нужно было нарисовать любую страну в виде человека, описать его слова и мысли, характер и привычки.

³В основу разработки использованной техники данного типа лег модифицированный тест тематической апперцепции (ТАТ). Респондентам были предложены три рисунка, характеризующие разнообразные международные отношения (конфликт, сотрудничество, изоляция), с просьбой прокомментировать их, составив небольшой рассказ.

⁴Респондентам предлагалась контурная политическая карта с предложением внести в нее изменения или просто дорисовать на ней все что угодно.

бы отметить, что преобладает *россиецентричное* восприятие международных отношений и политической карты мира, которое в данном случае чаще опирается на идею территориальной исключительности, нежели на представления о территориальной гомогенности. В сюжетах, описывающих международные отношения, на картах и в рисунках преимущественно фигурирует образ России, включенный в международные отношения и субъект-субъектного, и субъект-объектного характера.

Субъекты международных отношений в восприятии политической карты мира. В результате проведения интервью нами определены наиболее популярные символические образы как формальных, так и неформальных субъектов международных отношений. Помимо России чаще всего в упоминаниях мировой политики, международного порядка фигурируют страны, представленные в первую очередь в символических образах друга, врага, в ресурсно-экономических, культурных, политико-идеологических и пространственно-географических символах (*природные ископаемые, трудовые ресурсы, уровень развития экономики, богатство культуры и языка, привлекательность образа жизни, демократичность и традиционализм в мировоззрении*). Оценивая международные отношения как субъект-субъектные взаимодействия, респонденты называют ведущими акторами страны, имеющие ресурсный потенциал и возможности внешнеполитического влияния (*США, Китай, Россию, Индию*). Объектами чаще выступают континенты (*Африка и Латинская Америка*). Ярко отражен феномен «Единой Европы», к которой, впрочем, не отнесена Великобритания, имеющая, по мнению опрошенных, «*собственный путь*» и самодостаточность, «*способная в будущем забрать у США знамя представителя западных ценностей*».

В меньшей степени уделяется внимание отдельным странам Европы и Ближнего Востока, которые обычно рассматриваются как независимые

Рис. 1. Образ США. Рисуночная персонификация

государства при упоминании этнических, языковых и религиозных конфликтов. Наиболее непредсказуемыми субъектами международных отношений являются страны Арабского мира, которые, по мнению некоторых респондентов, «могут дать жару». При опросе ближневосточные конфликты оцениваются на рациональном уровне восприятия россиянами как наиболее многочисленные и трудноразрешимые (табл. 1), однако на контурных картах Арабский мир практически не фигурирует. Респонденты отказываются делать прогнозы относительно самостоятельности данного региона, стремятся отстранить от себя эту проблему.

Таблица 1. Какие конфликты могли бы быть решены в ближайшие 20 лет? Какие конфликты, на Ваш взгляд, неразрешимы?*

Разрешимые конфликты	% **	Неразрешимые конфликты	%
Конфликт на востоке Украины	24	Конфликт на востоке Украины	2,4
Конфликт в Сирии	22,4	Конфликт в Сирии	4
Израиль – Палестина	0,8	Израиль – Палестина	16
Конфликт на Ближнем Востоке	30,4	Конфликты на Ближнем Востоке	16
США – Россия	8	США – Россия	16,8
Россия – Украина	10,4	Россия – Украина	6,4
Россия и мир	5,6	Россия и мир	2,4
Северная и Южная Кореи	4,8	Северная и Южная Кореи	6,4
США – Китай	3,2	США – Китай	8
Индия – Пакистан	0,8	Индия – Пакистан	4,8
Нагорный Карабах	2,4	Нагорный Карабах	8
Турция – Курдистан	3,2	Турция – Курдистан	2,4
Север – Юг	4,8	Север – Юг	6,4
Террористические угрозы	1,6	Террористические угрозы	6,4

* Представлены только наиболее упоминаемые конфликты.

** Процент от числа опрошенных.

Символические образы «враг» и «другой» особенно ярко были представлены на примере США и Китая как сильных субъектов международных отношений. Так, в рисуночных персонификациях (рисунок страны в виде человека) США часто изображены как диктующий свою волю авторитарный персонаж (на одном из рисунков он держит на привязи свору собак – стран, находящихся в подчинении) (рис. 1). Символический образ Китая чаще наделяется чертами скрытого врага. В рисунках и ассоциациях-поговорках он представлен как молчаливый персонаж, выжидающий удобного момента, чтобы нанести удар (рис. 2).

Полученные нами интервью и рисуночные тесты демонстрируют, что международные отношения, в которые включена Африка и Латинская Америка, в представлениях россиян обычно оцениваются как отношения субъект-объектного характера. По мнению респондентов, в плане геополитического статуса эти регионы нередко находятся в сфере влияния мировых лидеров. Активность их проявляется, скорее, в негативных воздействиях, в угрозах мировой стабильности. Социально-экономические проблемы в этих регионах, неустойчивость политических режимов и правопорядка способствуют усилению международного терроризма, наркоторговли, вынужденной миграции. Политическая интеграция стран на континентах Африки и Латинской Америки видится некоторым россиянам единственной возможностью развития, а иногда и выживания.

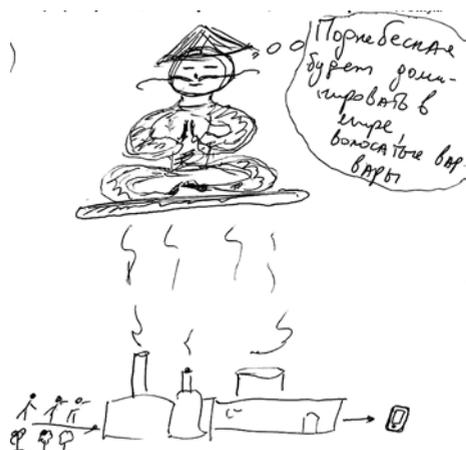

Рис. 2. Образ Китая. Рисуночная персонификация

Пространственно-географические символы, репрезентируемые в восприятии субъектов международных отношений, были нередко мифологизированы (рис. 3). Так, например, проявляющиеся в субъект-объектных международных связях символические образы Африки и Австралии иногда демонстрируют актуализированную мифологему «неведомой земли». Нередко респонденты, отмечая, что ничего не знают об этих странах, рисуют их на карте в виде пустого пространства (комментарии: «...пустынная, безлюдная земля», «...там джунгли без людей»). Мифологема неведомой земли в данном слу-

чае приобретает дихотомическую эмоциональную окраску, объясняемую, вероятно, влиянием такого свойства современного внешнеполитического восприятия, как **латентная тревожность**. В качестве иллюстрации этого можно привести комментарий к одному из рисунков Африки – пустого пугающего пространства: «...пустыня, никто не знает, что здесь происходит, но все плохо», – и комментарий к рисунку на карте Австралии – пустого, но безопасного пространства: «...там непонятно, но там хорошо».

Среди наиболее упоминаемых негосударственных субъектов международных отношений фигурируют транснациональные корпорации, которые, по мнению значительной части опрошенных, оказывают «скрытое влияние», «экономическое давление». При помощи торговых манипуляций, лоббизма, согласно представлениям россиян, ТНК успешно добиваются соб-

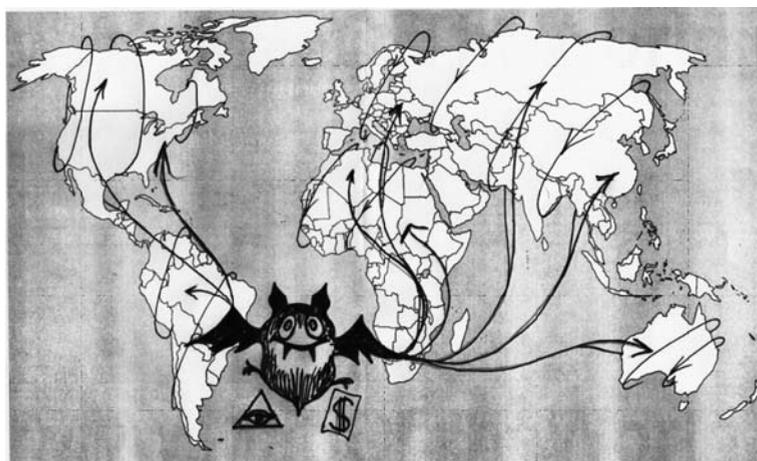

Рис. 3. Образ карты мира. Комментарий: масоны и корпорации тайно правят миром, пьют кровь стран

ственных целей, заодно «наполняя международные отношения смыслами и для рядовых граждан и для политических элит стран», определяя векторы на сотрудничество или соперничество. Международные экономические и политические межправительственные организации и союзы, такие как ООН, НАТО, БРИКС, ЕАЭС, ОБСЕ, ОПЕК, ШОС, упоминаются столь же часто, что и ТНК, но имеют чаще всего нейтрально-отстраненную оценку своей деятельности. Рядовому россиянину мало что известно об этих организациях, их работа не затрагивает его жизни, представления о них крайне размыты и абстрактны. Более эмоциональный отклик от респондентов был получен в результате оценок деятельности экологических и социальных международных организаций (Гринпис, WWF, The ocean cleanup, ЮНЕСКО, «Врачи без границ»). Их работе приписывают большую активность и успех. Говоря, пусть зачастую об абстрактной, но имеющейся возможности участвовать в работе такого рода организации, респонденты (обычно до 30 лет) склонны оценивать данную организацию как более значимую, влиятельную. По их мнению, сотрудничая с подобной организации, можно испытывать гордость за личный вклад в столь важное «международное дело» и удовлетворять личную потребность в самореализации.

Неформализованные структуры, группы также упоминаются в разговоре о субъектах международных отношений. Наиболее часто говорят о религиозных группах, сексуальных меньшинствах, террористических группировках и «тайном закулирье» в лице масонов и скрытого мирового правительства (см. рис. 3). Их влияние скрыто, неясно для самого респондента, однако обычно имеет дестабилизирующий, провокационный характер.

Как россияне воспринимают субъектность России в международных отношениях? Для того чтобы ответить на этот вопрос, в ходе интервью от респондента требовалось завершить предложение «Россия в современных международных отношениях выступает как...». Полученные результаты позволяют утверждать, что для большинства опрошенных наша страна оказывает значимое влияние на мировую политику и международные отношения. Так, 30,4% респондентов назвали Россию активным игроком на мировой арене, государством, старающимся отстаивать собственные интересы, 15,2% опрошенных подчеркивают, что интересы других стран Россия также защищает; она готова идти на уступки, быть хорошим другом и союзником, выступать посредником или арбитром. 12% респондентов (большой частью молодежь) полагают Россию агрессором. Интересно, что в ходе интервью именно эти респонденты нередко высказывались о своем недоверии современным средствам массовой информации, говорили о навязанной информационной повестке. Этот пример ярко иллюстрирует еще одно свойство современного символического восприятия политической карты мира – **стереотипизацию под влиянием коммуникативного фона**. Акцентируя свое внимание на данном факторе репрезентации России в символическом пространстве, именно эти респонденты активнее всего и используют в речи один из самых популярных в современном дискурсе стереотип «Россия как агрессор / не агрессор». В символических образах проясляет себя еще один стереотип, активно транслируемый в современных

СМИ, – виктимизированный образ России (рис. 4). Образ *страны-изгоя* доминирует у 6,4% респондентов, еще 8,8% респондентов воспринимают Россию в международных отношениях как *мученика, жертву, страну в обороне*. 7,2% опрошенных россиян отмечают, что у российского государства еще недостаточно сил для активной игры на мировой арене, зато есть амбиции и необоснованные запросы. То, что Россия стремится «*возродиться как сильная мировая держава*» отмечают 4,8% респондентов. Неблагоприятной тенденцией видится восприятие частью россиян нашей страны как «*запутавшегося ребенка*», «*непоследовательного стратега*», «*медведя-шатуна*». В качестве яркой иллюстрации можно представить ответ респондента 36 лет: «*Россия – как непредсказуемый баран. То упрется за что-то, то сиганет в сторону внезапно, еще и копытом ударит, а то даст себя остричь налысо и от этого потом жалобно блеет*».

Структура и принципы международных отношений в восприятии политической карты мира. Используя метод шкалирования и картоидный метод, мы выделили несколько наиболее типичных для респондентов форматов символических представлений о структуре современных международных отношений: централизованный мир, блоковый мир, фрагментированный мир, децентрализованный мир (сообщество без единого центра). Последний вариант, впрочем, не особенно свойственен российским оценкам современной политической карты мира и относится скорее к предположениям о далеком утопическом будущем или же, наоборот, о не самом оптимистичном сценарии мирового устройства, к эпохе цивилизационного упадка, где будет «*каждый жить в своей стае*» и будет «*полыхать война всех против всех*».

В ходе опроса от респондентов требовалось оценить современный международный порядок относительно 10 шкал, выбрав в каждом случае один из полюсов и определив в нем степень выраженности признака (от 1 до 3).

Рис.4. Образ России.
Рисуночная персонификация

Обобщенные и представленные в табл. 2 результаты позволяют говорить о наиболее неоднозначной оценке миропорядка по критериям справедливости, стабильности, упорядоченности, разнообразия. Различие мнений опрошенных в оценках по этим параметрам не превышает 13%. Наиболее категоричные отзывы относятся к характеристикам миропорядка как крайне несправедливого, конфликтного, многообразного, нестабильного, но и развивающегося. В большей степени определившись респонденты были в отношении оценок миропорядка как скорее глобального, чем локального, конфликтного, а не бесконфликтно-

Таблица 2. Оцените современный международный порядок по шкалам*

Характеристика шкалы	% **	Характеристика шкалы	% **
Развивающийся	78,9	Разрушающийся	20,3
Западный	91,4	Восточный	8,6
Блоковый	73,4	Фрагментированный	25,8
Конфликтный	85,9	Бесконфликтный	15,6
Единообразный	44,5	Многообразный	57
Демократический	56,3	Авторитарный	40,6
Упорядоченный	50	Хаотичный	48,4
Стабильный	44,5	Нестабильный	54,7
Глобальный	78,1	Локальный	21,1
Справедливый	47,7	Несправедливый	51,6

* Данные по шкале от 1 до 3 представлены в обобщенном виде.

** Процент от числа опрошенных.

го, блокового, а не фрагментированного, западного, а не восточного, развивающегося, а не разрушающегося.

Отвечая на вопрос о вероятности влияния цивилизационного противостояния «Восток – Запад» на сферу международных отношений, большая часть респондентов (57,6%) отмечают актуальность этого феномена; его влияние оценивают как сильное. Еще 13,6% опрошенных утверждают что, несмотря на то что различия между странами западной и восточной цивилизации существуют и по сей день, влияние их на мировую политику незначительно, снижается и теряет свою актуальность. Интересно, что тема включенности России в это цивилизационное разделение была затронута лишь у 7,2% респондентов, и во всех случаях ее относили к восточному блоку. На неосознаваемом уровне восприятия все не столь однозначно, рисуночные персонализации России, США и Китая – это совершенно разные культурные символы, ролевые модели. В символических образах Россия обладает собственным, отличным от других, менталитетом. Так, рядом с персонализациями США Россия выглядит более восточной, а при сопоставлении с образами Китая она приобретает заметные западные черты. Заполненные контурные карты также демонстрируют, что Россия на уровне неосознаваемого восприятия не включена в данное противостояние, «...она живет своей жизнью, у нее свой путь».

Только 20,8% респондентов в ходе интервью полностью отвергли идею современного противостояния Запада и Востока. Структура международных отношений у них обычно определяется либо как централизованный, либо как фрагментированный мир. В первом случае единственным значимым игроком выступают преимущественно США, осуществляющие экономическое, политическое и культурное доминирование. У респондентов с моделью фрагментированного типа восприятия

карты мира миропорядок представлен ситуативными символическими образами стран (часто это природные, культурные, исторические символы-стереотипы). «Международный вес» на фрагментированной политической карте приобретают те страны, которые, с точки зрения воспринимающих, способны на самообеспечение (прежде всего это Китай, Россия; иногда это Европа в целом). Интересно, что, приписывая США склонность к доминированию и эксплуатации, респонденты отмечали обратную сторону этого – чрезмерную зависимость США от других, неспособность выжить в одиночку, уязвимость. Так, например, в одной из ассоциаций Россия описана в виде полевой ромашки, расцветающей всегда и везде, Африка – в виде медленно растущего, но выживающего в любых условиях кактуса, а США – в виде прекрасной, но капризной, прихотливой розы.

Наблюдаемые особенности позволяют предположить о склонности россиян оценивать мобилизационный потенциал своей страны и других субъектов международных отношений на фоне конфликтного или тревожного восприятия ими международной обстановки. Это особенно значимо, так как материалы, полученные в результате использования проективных методов, демонстрируют, что для современного политического восприятия россиянами политической карты мира характерны *символическая фрагментарность* и, как следствие, *ситуативность, гиперчувствительность* (прежде всего к информационному контексту). Актуализируется в данном случае проблема стабильности психологического состояния российского массового сознания. В условиях тревожности, пассивно-неудовлетворенных настроений вышеупомянутая тенденция восприятия может приобрести характер угрозы, так как формирует благоприятные условия для манипулирования, дестабилизации общества, неконвенционального протеста.

Рассмотрение структуры оценки международных отношений у респондентов разных поколений позволяет предполагать, что формирование политической карты мира значительно зависит от психологических особенностей воспринимающего. Вероятно, значимо влияние социально-демографических характеристик: пола, образования, профессии, особенностей места проживания. И, несомненно, на формирование политической карты мира, на восприятие международных отношений в частности, влияют социально-психологические характеристики (например, акцентуации характера, этническая и другая идентификация, личный жизненный опыт). Кроме того, следует признать, что, вероятно, в значимой степени детерминировать формирование символических репрезентаций о международных отношениях могут как факторы, связанные с социально-психологической природой отдельного индивида, так и факторы, соотносимые с ментальностью целых поколений. Например, первичная социализация, прошедшая в условиях холодной войны, могла обусловить наличие у респондентов определенного возраста установки на восприятие международного противостояния как единственно возможного варианта сохранения баланса сил, гарантии определенности и стабильности. Возрастные психологические особенности в сочетании с отсутствием личного опыта жизни в условиях Советского Союза могли спровоцировать у части молодежи склонность к

некоторой идеализации советской тематики и повысить радикальность суждений, прогнозов. Высказанные предположения, однако, требуют дополнительной проверки на больших социологических выборках или в глубинных свободных психологических интервью. В рамках данного исследования подробное изучение особенностей воспринимающей стороны не представлялось возможным, поэтому ограничимся лишь предположением о сложности и комплексности влияния факторов данного рода.

Среди упоминаемых социальных форм международных отношений (как современных, так и желаемых и будущих) прежде всего в представлениях россиян наличествуют международные зависимости. В меньшей степени акцент был сделан на международные действия, взаимодействия и контакты. Чем это объясняется? Культурной традицией или спецификой предмета исследования? Сложно ответить на этот вопрос, не проведя кросскультурных компаративных исследований. Сейчас же можно достаточно уверенно говорить лишь о некотором влиянии ментальных факторов на приписывание России геополитической роли «покровителя». Действительно, исследование продемонстрировало нередко подтверждаемую тенденцию символических представлений о России как о *старшем брате*, выступающем в качестве защитника меньших по размеру, численности населения стран или *ущемленных в правах государств – младших братьев*. Отсюда, вероятно, и покровительственное отношение к менее развитым странам-соседям, и отсутствие националистических установок и вражды – даже к странам, находящимся сейчас в ситуации конфликта с Россией (это заметно на примере негативного восприятия Украины как недружественного государства в сочетании с амбивалентными оценками в восприятии украинского народа).

Еще одна культурная особенность российской ментальности – отсутствие традиции публичного обсуждения политики – определила трудность проведения исследования. Респонденты стесняются говорить о современных отношениях России с другими странами, особенно в случаях вовлеченности своей страны в конфликтную ситуацию. Очевидно, что о политических противоречиях и конфликтах россиянам говорить открыто сложно, так как это не принято. При этом сама тема конфликтности в международных отношениях нередко оценивается как своеобразная норма. Столкновение интересов, по мнению российских граждан, естественно, и нередко разрешается в пользу более сильной стороны.

Подбирая примеры разрешимых и неразрешимых в ближайшие 20 лет конфликтов, респонденты нередко опираются на критерии продолжительности и интенсивности протекания конфликта, а также на цивилизационный и ценностный раскол в содержательных основаниях конфликтной ситуации. Так, например, чаще всего к неразрешимым конфликтам относят арабо-израильский конфликт (см. табл. 1). В разрешимые конфликты чаще включена именно Россия, что, вероятно, объясняется нежеланием строить пессимистичные прогнозы и актуализацией установки на разрешение противоречий, несущих (пусть зачастую и косвенно) угрозу для самого воспринимающего. Репрезентации геополитического статуса России в символическом пространстве массового сознания нередко формируются согласно принципу борьбы

Добра со Злом, противостояния «мы – они». Особенно заметны здесь влияющие идентификационного фактора восприятия, действие психологических механизмов стереотипизации, категоризации и, что особенно интересно, мифологизации. Помимо ожидаемых символических образов *друга* и *врага* в восприятии международных отношений россиянами актуализируются образы амбивалентного *другого* (Бразилия, Индия), подозрительного и слишком непохожего на нас *чужого* (Китай). Проявляются интересные образы *союзника врага* (Израиль), *перебежчика/предателя* (Турция, Украина).

Использование интрепретативных и ассоциативных методов исследования позволяет выявить и классифицировать символические репрезентации важнейших для россиян векторов международных отношений. Международные отношения в данном случае рассматриваются как динамичные и неравнозначные по эмоциональному знаку, силе, интенсивности, содержанию посылу взаимосвязи стран и других субъектов международных отношений.

Следует отметить, что принципы международных отношений опираются на многообразные по характеру взаимосвязи. Прежде всего речь здесь идет об отношениях конфликта, соперничества, дистанцирования, влияния, коалиции, партнерства, иерархии, сотрудничества. Однако особенности взаимодействия во многом зависят от конкретного обсуждаемого субъекта международных отношений, его символического потенциала, функциональной ценности для мировой политики и России. Так, например, образ США чаще всего связывается с соперничеством, влиянием и сопротивлением; Россия на картах и в ответах интервью чаще включена в отношения партнерства, влияния и сотрудничества. Негосударственные субъекты международных отношений (такие как тайные общества, этнические группы, террористические организации, бизнес-структуры) нередко упоминаются со ссылками на коалицию и влияние.

Трансформации международных отношений в восприятии политической карты мира. В оценках и желаемого, и ожидаемого международного будущего политическая карта мира нередко иллюстрирует варианты централизованного или же блокового миропорядка. Россия в данных случаях обычно претендует на роль одного из мировых лидеров и склонна к ценностному экспансионизму (мирного характера). В блоковом формате восприятия международных отношений символические репрезентации о карте мира чаще обычного *ретроориентированны*. На контурных картах возрождаются СССР (13%, преимущественно молодежь), Чехословакия, Югославия, Российская империя (рис. 5). Это, вероятно, можно объяснить фрагментарностью символического пространства образа будущего. Не имея четких представлений о вероятном и потребном международном будущем, респонденты стремятся воспроизводить государства, международные коалиции, блоки согласно старым, уже известным им образцам. В тотальное политическое поле России респонденты включают, прежде всего, территории бывшего СССР. Ретроориентации на данное государство звучали лишь у 12% респондентов, однако воспроизвели его точные границы на карте желаемого будущего 25% респондентов.

Рис. 5. Образ карты мира. Комментарий: двухполярный мир: Социалисты (Москва) – либеральный (Лондон). США – содружество независимых штатов Америки (после распада)

Пространственно-географические и исторические символы значительно актуализированы именно в оценках предполагаемых, желаемых или не желаемых изменений политической карты мира. В первую очередь здесь проявляют себя символы расширения и отделения. При обсуждении возможных изменений государственных границ внимание респондентов обычно уделяется проблематике геополитических, геоэкономических и культурных конфликтных взаимодействий. В качестве территории, которую стремятся присоединить к России, чаще всего выступает Аляска.

Тема территориальных приращений в картах желаемого будущего чрезвычайно интересна и требует более детального изучения, так как свойственна она респондентам молодого возраста, которые, вероятно, хотя и испытывают гордость за свою страну и связывают ее, в первую очередь, с расширением территории собственного государства и сфер его влияния. Данная тенденция неосознаваемого уровня восприятия мира резко контрастирует с рационалистическими упоминаниями этой же молодежью неспособности России поддерживать себя «в достойном для европейской державы» состоянии.

Территориальные потери обычно трактуются в качестве неблагоприятного сценария развития международных отношений. Прежде всего угроза потери территории связывается с образами Дальнего Востока и Восточной Сибири. Достаточно тревожно оценивается намеренное сокращение территорий частью молодых респондентов при их описаниях необходимых изменений политической карты мира. От части опрошенных молодых респондентов (8%) звучали утверждения о необходимости возвращения Крыма в состав Украины, о выгодах от совместного хозяйствования на территории Курильских островов. Молодые респонденты чаще остальных упоминали о том, что именно большие масштабы мешают России занять место среди мировых лидеров.

Восприятие желаемой политической карты мира оказалось зависимым от концепции «психология окруженности». На картах респонденты

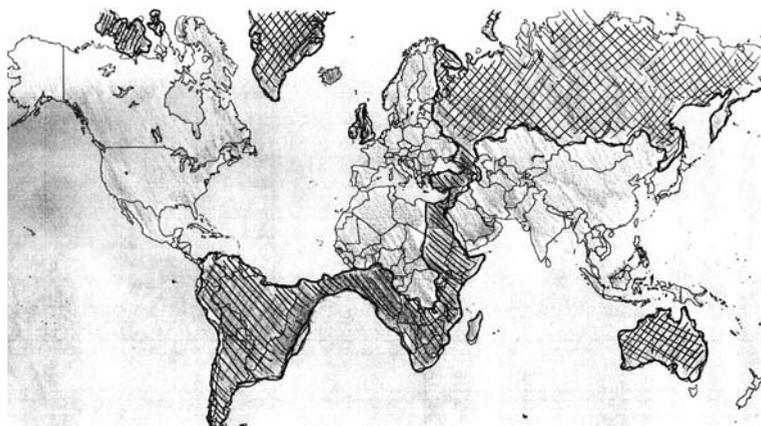

Рис. 6. Образ карты мира. Комментарий: *Россия должна занимать большую территорию и окружать США для сдерживания их силы*

стремились создать буферную зону безопасности или же использовать ее для нападения (рис. 6). Данная тенденция восприятия обусловлена как историческим и геополитическим факторами, так и чувством неуверенности в завтрашнем дне, тревогой на уровне индивидуального и массового сознания.

Результаты позволяют говорить о некоторой неконгруэнтности образа международных отношений в российском массовом сознании. Если на рациональном уровне восприятия образы международных отношений обычно отличаются ориентацией на прагматизм и властьцентричны (в международном противостоянии побеждает в них, как правило, сторона с наибольшим ресурсным потенциалом и учитывается баланс сил), то на уровне неосознаваемого восприятия четче проявляются нравственноориентированные оценки. Справедливость не торжествует в прогнозах относительно изменений карты мира в ответах интервью, но в рисунках и картах с предположениями о будущих трансформациях миропорядка заметно проявляется ориентация на утверждение справедливости, «победу не сильного, а правого». В описаниях желаемого будущего отвернувшаяся от нас Украина, Казахстан, обратившийся в сторону Китая и Средней Азии, возвращаются «под крыло большого брата – России», объединившиеся страны Африки преодолевают проблемы бедности и нехватки ресурсов и становятся значимым мировым актором международных отношений в XXI в. США теряют свои позиции и уступают место выразителя ценностей Запада странам континентальной Европы или Великобритании согласно принципу исторической справедливости. Нередко и Аляска возвращается России по тому же принципу.

Наблюдаемые тенденции дали основания рассмотреть не только прогнозы относительно изменения международных отношений, но и историю этих отношений в представлениях россиян. Подбирая примеры – аналогии из истории мировой политики и международных отношений – к перечню предложенных пословиц и поговорок, респонденты особенно ярко продемонстрировали нравственноцентричность восприятия мировой политики на неосознаваемом уровне.

Рис.7. Образ карты мира. Тревожный тип политического восприятия

При анализе полученных результатов предложенные поговорки и пословицы были условно разделены на несколько тем, определивших фокус в восприятии международных отношений прошлого и современности. Были выделены: тема верности и предательства; тема защиты, поддержания мира и безопасности; тема идентификации (отношения *мы и они, свой и чужой*); тема ресурсного потенциала, силы и влияния.

Поговорки ярко продемонстрировали патриотичность настроений в оценке российской истории. Акцент в исторических примерах смещается на тему поддержки, защиты Россией других стран (Югославии, иных государств славянских народов, постсоветских стран). Примеры, связанные с современной мировой политикой, актуализировали тему доверия, неоправданных ожиданий и надежд. Ценность справедливости особенно подчеркивается. Одной из выявленных ранее тенденций политического восприятия карты мира выступает **тревожность**. Анализ карт желаемого будущего позволяет более детально рассмотреть представления россиян и о неблагоприятных сценариях развития международных событий, карты мира в целом. Негативные символические образы будущего связываются с глобальными экологическими проблемами и темами международного терроризма; предполагаются возможные угрозы природе и современному миропорядку. В оценках современных международных отношений упоминаются угрозы демократическим ценностям, опасность попасть под манипулятивное влияние. В качестве иллюстрации такого рода тенденций восприятия может быть приведен рис. 7, в котором респондент изобразил на карте угрозы в виде девочек: одной, с завязанным ртом, – на территории России и другой, с завязанными глазами, – на территории США, а также умирающую в океане рыбу как символ плачевной экологической ситуации. Нередко к мировым угрозам относят наркоторговлю, в связи с которой обычно упоминаются страны Латинской Америки, США), и нищету (страны Арабского мира и Африка). Среди символики страхов в отношении России встречаются негативные сюжеты угрозы свободе (колючая проволока, тюрьма, наручники), экономической стагнации, растраты ценных ресурсов (лес, нефть) и даже территориальных потерь. Индия и Китай угрожают

респондентам своим перенаселением («мамонт, который всех раздавит»). Интересно, что символические образы Европы также не идеализируются, на неосознаваемом уровне восприятия наблюдается отчетливое тревожное отношение к феномену «европейской свободы и толерантности»; на картах респонденты подписывали, что там имеют место «*плохие тенденции и процессы*».

Интересно, что в этом конфликтном, угрожающем мире респонденты обозначили зону покоя и безопасности. Располагается она не только на Мадагаскаре (самый популярный «*кусочек моря*», который хочется присоединить к России респондентам), но и в самом центре страны, на Урале или за ним. Эту зону безопасности указывали притом, что именно она отличается в пространственном образе страны особенной символической пустотой. Москвичи не всегда знают, что находится «там, за Уралом», но верят, что в этих местах можно переждать тяжелые времена. Один из респондентов так прокомментировал рисунок: «*Если что случится, уйдем в тайгу, там до сих пор Интернет не везде ловит*». Однозначно оценить данный пример пассивной установки с ориентацией в эскапизм сложно. Однако именно эта особенность ярко иллюстрирует тенденцию усиления тревожности, психологического напряжения на уровне состояния российского массового сознания, способного перейти в форму усиления пассивно-неудовлетворенных настроений.

Заключение. Анализ основных тенденций формирования символических репрезентаций международных отношений позволил выделить *четыре модели восприятия политической карты мира россиянами*. Каждая модель имеет характерный символический набор, вероятно, по-разному формирующийся в условиях влияния факторов субъектного и объектного характера.

Модель тревожного типа восприятия. Воспринимающий демонстрирует как осознанную, так и неосознанную тревожность в восприятии политической реальности. Он концентрирует внимание на угрозах и рисках, связанных с международными отношениями и взаимодействиями, склонен к пессимистичным прогнозам. Восприятие международных проблем, согласно данной модели, может происходить сквозь призму существующих внутривнутриполитических вызовов.

Модель позитивно-оптимистичного типа восприятия. Воспринимающий акцентирует внимание на надеждах и шансах в международных взаимодействиях, представляет собственные страхи и тревоги в отношении политической карты мира в виде позитивных сюжетов разрешения проблем.

Модель прагматично-рационального типа восприятия. Воспринимающий склонен трактовать международные отношения как субъект-субъектные или же субъект-объектные взаимодействия, акцентирует внимание на проблемах блоков, влияний, конфликтов. Для него в большей степени характерно стремление рационализировать феномен международных отношений, представить их во властьюцентричном формате, при этом на неосознаваемом уровне может преобладать нравственноцентричное восприятие. Образу политической карты мира преимущественно свойственна неконгруэнтность.

Модель фрагментарно-неопределенного типа восприятия. Воспринимающий характеризует изображение политической карты как набор не связанных друг с другом неполитических символов отдельных стран,

территорий, международных событий (часто это символы-стереотипы природы, животного мира, известнейших достопримечательностей и брендов). Образ России может быть представлен в виде навязанных «зарубежных» символов-клише (*медведь, водка, балалайка*), с комментариями – надписями на иностранном языке. Предположительно наибольшая зависимость восприятия от информационной подвески, вероятны проблемы национально-государственной идентичности.

Анализ обозначившихся в ходе исследования тенденций выявил существование целого комплекса *факторов*, влияющих на формирование символических репрезентаций политической карты мира. Определение трансформационного потенциала данных факторов (степени воздействия на формирование символического пространства образов и динамику международных отношений в представлениях россиян) позволяет учесть перспективы и тенденции внешнеполитического восприятия.

Факторы можно условно разделить на факторы субъектного и объектного характера. К *субъектным факторам* (то есть факторам, связанным с воспринимающей стороной) можно отнести социально-демографический и идентификационный факторы; психологические особенности воспринимающих и общее психологическое состояние массового сознания; культурный фактор и характер каналов получения информации о странах и международных отношениях (включая пространственный опыт).

К группе *объектных факторов* принадлежат характеристики, связанные с воспринимаемым, а также контекст, в котором происходит процесс политического восприятия. Прежде всего здесь следует определить геополитический, геоэкономический и исторические факторы, информационную повестку (включающую как саму повестку, так и образы стран и международных событий, транслируемые СМИ).

Оценивая воздействие факторов обеих групп, необходимо отметить комплексный характер их влияния. Не представляется возможным утверждать, что именно влияние того или иного фактора в большей (меньшей) мере определяет символический набор восприятия стран, международных отношений или всей карты мира в целом. Однако можно предположить, что некоторые выявляемые тенденции восприятия детерминированы вполне определенными факторами.

В целом символическое восприятие международных отношений России центрично, фрагментарно и отличается ситуативным характером, что, вероятно, в значительной мере и определяет зависимость процесса формирования политической карты мира от специфики коммуникации.

Образы международных отношений и всей политической карты мира зачастую являются неконгруэнтными. На рациональном уровне образ может иметь властьцентричный характер, а на неосознаваемом уровне – нравственноцентричный. Нравственные ориентиры в большей степени заметны при рассмотрении страхов, ожиданий, не вполне осознаваемых оценок политической карты мира настоящего и будущего. При этом рационализация образов происходила, прежде всего, с установкой на прагматизм в международных отношениях.

Формирование символического пространства политической карты мира в политическом сознании заметно зависит от ретроориентаций и мифологем. В восприятии россиян присутствует тенденция сопостранственности, то есть сегментирования пространства на ментально-функциональные пласты. Помимо этого восприятие своей территории склонно к гетеротопии – существованию в рамках одного абсолютного пространства относительных пространств. В условиях существования у воспринимающего проблем с национально-государственной идентичностью образ карты мира, имеющей столь многослойный характер, становится особенно фрагментированным и противоречивым.

Восприятие международных отношений зависит и от мотивационно-потребностной сферы воспринимающего. Включенность россиянина в глобальные международные процессы (зарубежные стажировки, туризм, работа в сфере международной торговли, международного обмена опытом, участие в международных социальных проектах) повышает его интерес к теме политической карты мира, международной тематике.

Представления и о возможных, и о желаемых международных тенденциях в российском массовом сознании можно назвать «плывущими», что, вероятно, объясняется недостаточной наполненностью символического пространства политической карты мира. Неясность представлений россиян о месте России в мире, ее возможных стратегиях поведения в международной политике делает восприятие политической карты мира гиперчувствительным и зависимым, прежде всего, от стереотипов, клише и информационной повестки СМИ.

Анализ полученных результатов исследования дает основания рассматривать символические репрезентации международных отношений как составную часть политической карты мира. Предложенные четыре обобщенные модели политического восприятия карты мира позволяют впоследствии предпринять попытку изучения процесса формирования символических образов с учетом возможностей корректировки отдельных факторов репрезентаций карты мира в сознании россиян. Данный шаг представляется важным, так как это обязательное условие прогнозов о возможных рисках и угрозах, связанных с формированием неблагоприятных символических очертаний политической карты мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва : Медиум. 323 с.

Бук Дж. 2000. Тест «Дом, Дерево, Человек» // Проективная психология. Москва : Эксмо-Пресс. С. 248-353.

Бурдые П. 2007. Социология социального пространства. Москва : Ин-т эксперимент. социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя. 288 с.

Вилков А.А. 2010. Ментальное восприятие региональной власти // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». Т. 10, вып. 4. С. 23-35.

Горшков М.К., Петухов В.В. 2016. Внешнеполитические ориентации россиян в контексте вызовов современной глобальной политики // Политическая наука

перед вызовами глобального и регионального развития / под редакцией О.В. Гаман-Голутвиной. Москва : Аспект Пресс. С. 606-634.

Евгеньева Т.В., Селезнёва А.В. 2017. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации // Полития. № 4. С. 48-64.

Замятин Д.Н. 2010. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. Т. 9, № 3. С. 26-50.

Замятина Н.Ю. 2011. Смысл положения: место в ментально-географических пространствах // Культурная география. № 4. С. 60-67.

Колосов В.А. 1996. Российская геополитика: традиционные концепции и современные вызовы // Общественные науки и современность. № 3. С. 86-94. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/705/283/1217/010_Kolosov_ROSSIJSKAYa_TsIVILIZATsiYa.pdf (дата обращения: 12.09.2019).

Колосов В.А., Зотова М.В. 2012. Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа // Полис. Политические исследования. № 5. С. 170-187.

Конфисахор А.Г., Медведева В.В. 2011. Психологический анализ геополитических процессов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Вып. 1. С. 36-42.

Мельвиль А.Ю. 2006. «Политический атлас современности»: замысел и общие теоретико-методологические контуры проекта // Полис. Политические исследования. № 5. С. 6-14.

Мирошниченко И.В. 2018. Пространственный образ Европы в представлениях российской молодежи // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». № 2. С. 31-44.

Петухов В.В. 2010. Внешнеполитические приоритеты массового сознания россиян // Социологические исследования. № 11. С. 4-13.

Пузанова Ж.В., Филиппов В.М., Ларина Т.И. 2017. Белорусы, русские и украинцы – взаимное восприятие в межкультурной среде (по результатам эмпирических исследований) // Вестник славянских культур. Т. 43. С. 24-37.

Референдум о судьбе СССР: 10 лет спустя : опрос населения, 14 марта 2001 г. URL: <https://bd.fom.ru/report/cat/ref/dd010927> (дата обращения: 12.09.2019).

Семененко И.С. 2008. Образ и имидж в дискурсе национальной идентичности // Полис. Политические исследования. № 5. С. 7-18.

Смирнова А.Г. 2007. Восприятие угрозы в международных отношениях: в поисках теоретических оснований // Политическая экспертиза. Т. 3, № 4. С. 193-208.

Смирнягин Л.В. 2016. Эволюция места в ходе «производства пространства» // Символическая политика: сб. науч. тр. / гл. ред. О.Ю. Малинова. Москва. Вып. 4: Социальное конструирование пространства. С. 84-105.

Чернышов Ю.Г. 2015. Пограничное пространство как барьер между утопическими и реальными образами стран и регионов // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 33. С. 76-81.

Шестопап Е.Б., Смулькина Н.В., Морозикова И.В. 2019. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика. Т. 10, № 3. С. 74-94.

Alcock N.Z., Newcombe A.G. 1970. The Perception of National Power // The Journal of Conflict Resolution. Vol. 14, № 3. P. 335-343.

Buzan B. 1991. People, States and Fear: an Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Bolder : Lynne Rienner Publishers, Inc. 393 p.

Caplan B. 2001. Rational Ignorance versus Rational Irrationality // *Kyklos*. Vol. 5, № 1. P. 3-26.

Hall S. 1997. The work of representation // *Representation: Cultural representation and signifying practices* / ed. by Stuart Hall. London : Sage publ. The Open Univ. 257 p.

Herrmann R.K. 2003. Image Theory and Strategic Interaction in International Relations // *Oxford Handbook of Political Psychology* / ed. by D.O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford : Oxford Univ. Pres. P. 285-314.

Natalia V. Smulkina, Candidate of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: smulkina@mail.ru

SPIN-код: 9132-1263

ResearcherID: Q-9718-2017

Scopus ID: 57191094528

ORCID: 0000-0002-6691-5372

IRID: 7645322

Article received 22.11.2019, accepted 09.12.2019, available online 06.04.2020

SYMBOLIC IMAGES OF INTERNATIONAL RELATIONS IN CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN CITIZENS: POLITICAL-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. The article presents results of the empirical study of symbolic aspects of perception of international relations by Russian mass consciousness. Attention is paid to the consideration of symbolic images of international relations as an integral part of symbolic map of the world. The results of qualitative study allow us to consider the ideas of Russians about the subjects, structure, principles of international relations, as well as about the likely, desirable and undesirable trends in the transformation of international relations. The study of symbolic representations of international relations is based on political and psychological approach. The study of images takes into account both rationalized assessments and unconscious aspects of the perception of the political map of the world. For this purpose, the author used projective techniques as part of the polls. The article identifies factors of symbolic representations of international relations in mass political consciousness. The results of study makes it possible to assert that the symbolic perception of international relations is Russian-centered, fragmented and situational in nature, which is to a large extent determines the dependence of the process of forming political map of the world on the specifics of communication. As a result of the study, several models of the political perception of world maps are identified: a model of an alarming type, a positive-optimistic type, a pragmatic-rational type, and a fragmented-indefinite type. The revealed tendencies in the perception of political map of the world include some incongruence of symbolic images of the world map in case of pragmatic type of perception; anxiety at the level of mass political consciousness; blurry images of «friends» and «strangers» in international relations. The ambiguity of Russians' ideas about the place of Russia in the world and its possible strategies for behavior in international politics makes the perception of political map of the world hypersensitive and dependent, first of all, on stereotypes, clichés and media's information agenda.

Keywords: political and psychological approach; symbolic space; political perception;

political map of the world; country image; image of international relations; symbolic representations; factors of political perception.

The study was funded by RFBR and EISR according to the research project no. 19-011-32128 “The political-psychological approach of the political map of the world in the minds of Russian citizens: symbolic representations”.

For citation: Smul'kina N.V. *Simvolicheskie obrazy mezhdunarodnykh otnosheniy v soznanii rossiyskikh grazhdan: politiko-psikhologicheskii analiz* [Symbolic images of international relations in consciousness of Russian citizens: political-psychological analysis], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 89-116. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10104. (in Russ.).

References

Alcock N.Z., Newcombe A.G. The Perception of National Power, *The Journal of Conflict Resolution*, 1970, vol. 14, no. 3, pp. 335-343.

Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge], Moscow, Medium, 1995, 323 p. (in Russ.).

Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space], Moscow, Institut eksperiment. sotsiologii, St. Petersburg, Aleteyya, 2007, 288 p. (in Russ.).

Buk J. *Test «Dom, Derevo, Chelovek»* [Test “House, Tree, Man”], *Proektivnaya psikhologiya*, Moscow, Eksmo-Press, 2000, pp. 248-353. (in Russ.).

Buzan B. *People, States and Fear: an Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*, Boulder, Lynne Rienner Publishers, Inc., 1991, 393 p.

Caplan B. Rational Ignorance versus Rational Irrationality, *Kyklos*, 2001, vol. 5, no. 1, pp. 3-26.

Chernyshov Yu.G. *Pogranichnoe prostranstvo kak bar'er mezhdut utopicheskimi i real'nymi obrazami stran i regionov* [Border space as a barrier between utopian and real images of countries and regions], *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy*, 2015, no. 33, pp. 76-81. (in Russ.).

Evgenieva T.V., Selezneva A.V. *Transformatsiya natsional'no-gosudarstvennoy identichnosti rossiyskoy molodezhi v postsovetskiy period: tsennostnye osnovaniya i simvolicheskie reprezentatsii* [Transformation of the national-state identity of Russian youth in the post-Soviet period: value bases and symbolic representations], *Politiya*, 2017, no. 4, pp. 48-64. (in Russ.).

Gorshkov M.K., Petukhov V.V. *Vneshnepoliticheskie orientatsii rossiyan v kontekste vyzovov sovremennoy global'noy politiki* [Foreign policy orientations of Russians in the context of the challenges of modern global politics], O.V. Gaman-Golutvina (ed.) *Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya*, Moscow, Aspekt Press, 2016, pp. 606-634. (in Russ.).

Hall S. The work of representation, S. Hall. (ed.) *Representation: Cultural representation and signifying practices*, London, Sage publ. The Open Univ., 257 p.

Herrmann R.K. Image Theory and Strategic Interaction in International Relations, D.O. Sears, L. Huddy, R. Jervis (eds.) *Oxford Handbook of Political Psychology*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2003, pp. 285-314.

Kolosov V.A. *Rossiyskaya geopolitika: traditsionnye kontseptsii i sovremennye vyzovy* [Russian geopolitics: traditional concepts and modern challenges], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 1996, no. 3, pp. 86-94, available at: <http://ecsocman.hse.ru/>

data/705/283/1217/010_Kolosov_ROSSIJSKAYa_TsIVILIZATsIYa.pdf (accessed September 12, 2019). (in Russ.).

Kolosov V.A., Zotova M.V. *Geopoliticheskoe videnie mira rossiyskimi grazhdanami: pochemu Rossiya ne Evropa* [Geopolitical vision of the world by Russian citizens: why Russia is not Europe], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2012, no. 5, pp. 170-187. (in Russ.).

Konfisakhor A.G., Medvedeva V.V. *Psikhologicheskii analiz geopoliticheskikh protsessov* [Psychological analysis of geopolitical processes], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12*, 2011, iss. 1, pp. 36-42. (in Russ.).

Melville A.Yu. «*Politicheskiy atlas sovremennosti*»: *zamysel i obshchie teoretiko-metodologicheskie kontury proekta* [“Political Atlas of the Present”: the concept and general theoretical and methodological contours of the project], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2006, no. 5, pp. 6-14. (in Russ.).

Miroshnichenko I.V. *Prostranstvennyy obraz Evropy v predstavleniyakh rossiyskoy molodezhi* [Spatial image of Europe in the ideas of Russian youth], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Politologiya»*, 2018, no. 2, pp. 31-44. (in Russ.).

Petukhov V.V. *Vneshnepoliticheskie priority massovogo soznaniya rossiyan* [Foreign policy priorities of the mass consciousness of Russians], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010, no. 11, pp. 4-13. (in Russ.).

Puzanova Zh.V., Filippov V.M., Larina T.I. *Belorusy, russkie i ukraintsy – vzaimnoe vospriyatie v mezhkul'turnoy srede (po rezul'tatam empiricheskikh issledovaniy)* [Belarusians, Russians and Ukrainians – mutual perception in an intercultural environment (based on empirical research)], *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2017, vol. 43, pp. 24-37. (in Russ.).

Referendum o sud'be SSSR: 10 let spustya : opros naseleniya, 14 marta 2001 g. [Referendum on the fate of the USSR: 10 years later: Survey of the population, March 14, 2001], available at: <https://bd.fom.ru/report/cat/ref/dd010927> (accessed September 12, 2019). (in Russ.).

Semenenko I.S. *Obraz i imidzh v diskurse natsional'noy identichnosti* [Image and image in the discourse of national identity], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2008, no. 5, pp. 7-18. (in Russ.).

Shestopal E.B., Smulkina N.V., Morozikova I.V. *Sravnitel'nyy analiz obrazov svoey strany u zhitel'ey rossiyskikh regionov* [Comparative analysis of the images of his country among residents of Russian regions], *Sravnitel'naya politika*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 74-94. (in Russ.).

Smirnova A.G. *Vospriyatie ugrozy v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: v poiskakh teoreticheskikh osnovaniy* [Perception of the threat in international relations: in search of theoretical foundations], *Politicheskaya ekspertiza*, 2007, vol. 3, no. 4, pp. 193-208. (in Russ.).

Smirnyagin L.V. *Evolutsiya mesta v khode «proizvodstva prostranstva»* [The evolution of space during the “production of space”], *O.Yu. Malinova (gen. ed.) Simvolicheskaya politika: sb. nauch. tr.*, Moscow, 2016, iss. 4, pp. 84-105. (in Russ.).

Vilkov A.A. *Mental'noe vospriyatie regional'noy vlasti* [The mental perception of regional authority], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya “Sotsiologiya. Politologiya”*, 2010, vol 10, iss. 4, pp. 23-35. (in Russ.).

Zamyatin D.N. *Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodeystvie sovremennykh gumanitarnykh nauk* [Humanitarian geography: space, imagination and the interaction of modern humanities], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2010, vol. 9, no. 3, pp. 26-50. (in Russ.).

Zamyatina N.Yu. *Smysl polozheniya: mesto v mental'no-geograficheskikh prostranstvakh* [The meaning of the situation: a place in the mental-geographical spaces], *Kul'turnaya geografiya*, 2011, no. 4, pp. 60-67. (in Russ.).

Саленко А.В. Философия свободы мирных собраний в конституционных принципах России и Германии. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10105 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 117–139.

УДК 342:342.729:341.161:340.5

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10105

ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ МИРНЫХ СОБРАНИЙ В КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПАХ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Александр Владимирович Саленко

кандидат юридических наук, магистр права (LL.M., Гёттингенский университет),
доцент кафедры международного и европейского права Юридического института
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта,
г. Калининград, Россия.

E-mail: ASalenko@kantiana.ru

ORCID: 0000-0003-3537-5796

ResearcherID: E-6093-2018

SPIN-код: 6858-4278

*Статья поступила 27.01.2020, принята к печати 19.02.2020,
доступна online 06.04.2020*

В том случае, когда речь заходит о принципах права, чаще всего эти вопросы в обыденном правосознании воспринимаются исключительно как теория, оторванная от реальной жизни и не имеющая никакого практического значения. В этом материале автор утверждает обратное, а именно показывает на конкретных примерах, когда конституционные принципы напрямую влияют на характер действий субъектов свободы мирных собраний в России и Германии. Основное внимание он фокусирует на писаных принципах свободы мирных собраний, которые закрепляются в конституционном законодательстве двух стран, а именно на конституционно-правовом содержании принципов мирности и безоружности собраний. Кроме того, в статье представлен анализ неписаных принципов свободы мирных собраний, которые берут свое начало в положениях международных договоров, включая установки

«мягкого права» (*soft law*), выступающего в роли специфического источника международного права. На основе сравнительного конституционно-правового анализа автором сформулированы рекомендации, касающиеся дополнения действующего федерального закона о митингах главой, которая будет посвящена характеристике свободы мирных собраний как важнейшей конституционно-правовой ценности и закрепит набор фундаментальных принципов этой конституционной свободы: презумпцию в пользу проведения мирных собраний; позитивное обязательство государства по содействию мирным собраниям и их защите; принципы пропорциональности и недискриминации при ограничении свободы собраний; принцип надлежащего администрирования и прозрачности процесса принятия решений, а также ответственности административных органов за нарушение конституционных принципов свободы мирных собраний. Автор обосновывает вывод о необходимости закрепления в российском законодательстве позитивной обязанности органов государственной власти и органов местного самоуправления по мониторингу свободы мирных собраний, а именно обязанности по сбору, систематизации и опубликованию официальной статистической информации о количестве и видах публичных мероприятий, проводимых в отдельных населенных пунктах, а также о числе и причинах отказов в согласовании.

Ключевые слова: конституционные принципы, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, собрания, свобода мирных собраний, право публичных собраний, презумпция мирных собраний, «мягкое право», ООН, ОБСЕ, Россия, Российская Федерация, Германия, Федеративная Республика Германия, ГДР.

1. Свобода собраний или «больше двух не собираться»? Публичные акции последних лет на площадях и улицах российских городов «с особой силой высветили системную проблему реализации на практике права граждан собираться мирно и без оружия, как это предусмотрено статьей 31 Конституции РФ» (Специальный доклад... 2007). Эти слова не теряют актуальности, даже несмотря на то что с момента их опубликования прошло более 10 лет. В этом отношении нужно отдать должное и выразить особую благодарность Владимиру Петровичу Лукину, который в 2007 г. посчитал необходимым подготовить специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, посвященный актуальным вопросам соблюдения конституционного права на мирные собрания (Субанова 2018). Полагаем, что сегодня назрела острая необходимость в подготовке очередного специального доклада по вопросам соблюдения свободы мирных собраний в России, который содержал бы анализ законодательства и существующей правоприменительной практики на предмет их соответствия конституционным принципам свободы мирных собраний. В данном контексте уместна еще одна цитата из специального доклада федерального омбудсмана о том, что, «дежурно отрицая факты неадекватного применения силы, представители МВД и других органов власти обычно объясняют свои действия необходимостью пресечения неких “несанкционированных” или “несогласованных” манифестаций. Подобная позиция в лучшем случае указывает на весьма субъективное понимание должностными лицами положений статьи 31 Конституции РФ, а также Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях” от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ» (Специальный доклад... 2007). Таким образом, еще в

тот период была четко обозначена системная проблема, возникающая при реализации свободы мирных собраний в России: абсолютно все мирные собрания, проводимые без предварительного уведомления, априори расцениваются правоприменителями в качестве незаконных и, как следствие, подлежат разгону с привлечением и организаторов несанкционированных собраний, и простых участников к административной ответственности (Никитина, Селезнев 2019).

Поэтому основная задача данного исследования заключается в том, чтобы провести оценку конституционности сложившейся в России правоприменительной практики с учетом положений российского конституционного права, а также при помощи анализа международно-правовых принципов и сравнительного исследования конституционного законодательства и практики Федеративной Республики Германия, которая представляет собой один из лучших примеров современного демократического и правового государства в Европе. Отметим две веские причины, по которым в России следует изучать именно правовой опыт ФРГ. Во-первых, Германия является страной, которая за небольшой исторический период дважды совершала переход от тоталитарного / авторитарного государства к правовому и демократическому государству. Речь идет о послевоенной государственно-правовой трансформации от Третьего Рейха к ФРГ и ГДР и о последующем их слиянии. Во-вторых, как Россия, так и ФРГ представляют собой федеративные государства, в которых предметы ведения и полномочия в сфере свободы мирных собраний распределяются между федеральным центром и субъектами федерации (федеральными землями). В целом и опыт конституционно-правовой трансформации, и непростое трагическое наследие прошлого, и особенности современного федеративного устройства являются важными аргументами в пользу сравнительно-правового исследования двух государств.

Кроме того, в этом контексте приведем еще один пример для правильного понимания того, почему следует анализировать правовой опыт ФРГ: в Берлине ежедневно происходит около 12 демонстраций: в 2018 г. в столице Германии состоялось 4446 публичных мероприятий, в пиковом 2016 г. на улицах Берлина было зафиксировано 5004 публичных акций (Berlin... 2018). Отметим, что столица современной ФРГ с большим отрывом лидирует по количеству подобного рода мероприятий в сравнении с остальными крупными немецкими городами (например, в 2018 г. в Гамбурге прошло 1865 публичных мероприятий; во Франкфурте-на-Майне – 1608; в Штутгарте – 1439; в Мюнхене – 1273), а также и с прочими европейскими городами. Берлин по праву называют столицей демонстраций (Musil 2002: 115). Следует отметить, что в России нет подобной общедоступной официальной статистики, которая отражала бы число публичных мероприятий, проводимых в Москве или иных городах России. В этой связи полагаем целесообразным ввести правило, согласно которому российские органы государственной власти и местного самоуправления, которые несут ответственность за согласование публичных акций, осуществляли бы сбор, систематизацию и публикацию соответствующей официальной статистической информации о количестве и

видах публичных мероприятий, имеющих место в отдельных населенных пунктах. Представляется, что эту обязанность публичных органов власти следует прямо закрепить в российском законодательстве о свободе мирных собраний.

2. Фундаментальные принципы: мирно и без оружия. В России и Германии фундаментальные принципы свободы мирных собраний прописаны на федеральном уровне соответственно в тексте Конституции РФ (далее также КРФ) и Основном законе Германии (далее также ОЗГ). При сравнении положений этих двух конституционных документов (ст. 31 КРФ и ст. 8 ОЗГ) можно констатировать, что оба государства в основу свободы собраний закладывают лишь два фундаментальных принципа: мирно и без оружия. Так, в соответствии с самой краткой статьей Конституции России (ст. 31 КРФ) «граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». Основным закон Германии следующим образом закрепляет эту конституционную свободу: «Все немцы имеют право собираться мирно и без оружия без предварительного извещения или разрешения; для собраний под открытым небом это право может быть ограничено законом или на основании закона» (ст. 8 ОЗГ). Комментируя данную норму Основного закона ФРГ, необходимо сделать небольшую оговорку относительно положения о том, что только немцы имеют право на свободу собраний. Эта формулировка уже давно устарела; она потеряла свою актуальность благодаря практике Федерального Конституционного суда ФРГ (далее также ФКС ФРГ) (Hong 2009), согласно которой каждый человек имеет право на свободу мирных собраний. По мнению ФКС ФРГ, конституционная свобода может быть реализована и гражданами Германии, и иностранными гражданами, и лицами без гражданства (Gassner K. 2012: 52-67). Аналогичным образом в текст Конституции РФ 1993 г. была включена по сути архаичная «формула» этой свободы, по которой только граждане России имеют право на свободу мирных собраний. Однако, несмотря на то что Конституционный Суд РФ (далее также КС России) пока не рассматривал жалоб по вопросу реализации свободы собраний иностранными гражданами или лицами без гражданства, можно констатировать, что современная правоприменительная практика предоставляет нам примеры осуществления иностранцами права на свободу мирных собраний в России (Таева 2006).

К числу важнейших положений статьи 8 ОЗГ следует отнести то, что там в качестве конституционного принципа закрепляется право проводить собрания в помещениях без уведомления, а именно без предварительного извещения властей или без какого-либо разрешения (согласования) с их стороны. По российскому законодательству в этом вопросе все не так однозначно: во-первых, закон четко не разграничивает порядок проведения мирных собраний под открытым небом и собраний в закрытых помещениях; во-вторых, в практике КС России пока был выделен только лишь один вид мирных собраний в помещениях, о проведении которых необходимо подавать предварительное уведомление: речь идет о так называемых ре-

лигиозных собраниях, а именно публичных богослужениях, религиозных обрядах и церемониях (включая молитвенные и религиозные собрания), проводимых вне культовых зданий и сооружений. Согласно действующему законодательству подобные религиозные собрания в закрытых помещениях должны проходить в порядке, установленном для проведения публичных мероприятий, а следовательно они должны сопровождаться подачей предварительного письменного уведомления (Иванов 2014). По нашему мнению, КС России своим решением не смог полностью устранить все существующие противоречия (Постановление КС РФ № 30-П, 2013); судьи КС России фактически предоставили правоприменителям весьма широкие пределы усмотрения для квалификации собраний такого рода. Согласно постановлению КС России при рассмотрении спорных вопросов относительно необходимости уведомления органов публичной власти о проведении публичных религиозных мероприятий в помещениях (вне культовых зданий и сооружений) должны учитываться «содержательные характеристики» религиозного мероприятия, местонахождение нежилого помещения, а также необходимость принятия органами публичной власти мер, направленных на обеспечение общественного порядка, безопасности и спокойствия остальных граждан.

Таким образом, конституционное законодательство ФРГ, наряду с установлением двух ключевых принципов свободы собраний (мирно и без оружия), четко и недвусмысленно закрепляет дополнительный конституционный принцип о том, что собрания в помещениях проводятся без предварительного уведомления (Krüger 1993). Данные конституционные положения Основного закона ФРГ дополняет отдельная глава Федерального закона Германии «О собраниях и демонстрациях» (далее ФЗГ-СД) (Gesetz... 1978), регулирующая порядок организации и проведения собраний в помещениях; см. раздел II «Публичные собрания в закрытых помещениях» (§§ 5–13 ФЗГ-СД) (Hömig, Wolf 2016: 154-165). В данном контексте отметим, что законодательство ФРГ о митингах проводит четкое разграничение между так называемыми открытыми (публичными) собраниями (*öffentliche Versammlungen*) и закрытыми (непубличными) собраниями (*nicht-öffentliche Versammlungen*). При этом законодательство ФРГ о свободе собраний регулирует в первую очередь и главным образом именно открытые (публичные) собрания; по общему правилу вмешательство государства в закрытые (частные) собрания является недопустимым (Dietel, Gintzel, Kniesel 2016: 200-228).

Конституция РФ (ст. 31) также закрепляет два аналогичных конституционных принципа свободы собрания (мирно и без оружия), однако эта норма создает в обыденном правосознании ложное представление о том, что Конституция РФ регулирует лишь те собрания, которые проводятся на улице. При этом из нескольких положений Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях...» (далее Закон о митингах) косвенно следует, что российское законодательство регламентирует все виды собраний, проводимых как на улицах («под открытым небом»), так и в закрытых помещениях. Например, Закон о митингах содержит положения о некой «пре-

дельной заполняемости помещения в месте проведения публичного мероприятия» (Федеральный закон № 54-ФЗ, 2004: п. 7 ч. 4 ст. 5, п. 4 ч. 1 ст. 12, п. 1 ч. 2 ст. 14), а также об обязанностях организатора «обеспечить сохранность помещений, зданий, строений, сооружений, оборудования, мебели, инвентаря и другого имущества в месте проведения публичного мероприятия» (Федеральный закон № 54-ФЗ, 2004: п. 8 ч. 4 ст. 5). Приходится констатировать наличие двусмысленных и неясных формулировок в российском Законе о митингах: отечественный законодатель не провел четкого различия между публичными мероприятиями, которые проводятся в помещениях и под открытым небом. Поэтому полагаем, что действующее правовое регулирование не в полной мере отвечает общепризнанным критериям качества закона и фактически представляет собой «ловушку» для граждан, которые реализуют конституционную свободу мирных собраний в закрытых помещениях без подачи уведомления, поскольку закон позволяет ретроспективно признать любое публичное мероприятие проведенным с нарушением установленного порядка. Столь неутешительный вывод следует из того факта, что сегодня исключительно правоприменитель наделён правом оценки «содержательных характеристик» собрания в закрытом помещении, а именно особенностей этого помещения, времени собрания и необходимости обеспечения безопасности и правопорядка в закрытом помещении. В результате сравнительного анализа можно сделать вывод о том, что немецкое конституционное законодательство о свободе собраний содержит более четкое правовое регулирование: абсолютно все публичные собрания в закрытых помещениях проводятся принципиально без предварительного согласования с публичными властями, что не исключает возможности присутствия на собрании представителей полиции и СМИ. Так, например, Федеральный закон ФРГ «О собраниях и демонстрациях» устанавливает, что сотрудники полиции имеют право присутствовать на публичном мероприятии, проводимом в помещении (Brenneisen, Merk 2014: 901). По закону перед началом подобного собрания сотрудники полиции должны представиться руководителю собрания, который обязан обеспечить им место, необходимое для выполнения своих функций. В законе есть оговорка, что сотрудники полиции имеют право производить фото-, видео- и аудиозапись на собрании в помещении, но только в том случае, если участники этого собрания создают значительную угрозу общественной безопасности и порядку (угроза должна быть реальной), а также тогда, когда неминуемой опасности подвергаются третьи лица (часть 1 § 12а ФЗГ-СД). Закон содержит оговорку и о том, что отснятые (записанные) материалы подлежат немедленному уничтожению по окончании публичного собрания в помещении (или событий, которые по времени и по сути непосредственно связаны в этом собранием) при условии, что нет необходимости их сохранения ввиду уголовного преследования участников мероприятия или в целях предотвращения опасности, если какое-либо лицо подозревается в подготовке или совершении преступлений во время публичного собрания либо в связи с ним и поэтому стоит опасаться того, что данное лицо может создать значительную угрозу будущим публичным

собраниям или демонстрациям. Однако в любом случае согласно положениям ФЗГ-СД материалы, отснятые (записанные) полицией на собрании в закрытом помещении, должны быть уничтожены не позднее, чем спустя три года с момента проведения собрания в закрытом помещении (Arzt, Ullrich 2016).

3. Международное «мягкое право» о свободе мирных собраний.

Основываясь на руководящих принципах по свободе мирных собраний, которые были сформулированы советом экспертов Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (далее также БДИПЧ) (Руководящие принципы... 2011) и Европейской комиссии за демократию через право (далее также Венецианская комиссия) Совета Европы, можно сделать вывод, что международное «мягкое право» (Велижанина 2007) возлагает на демократическое и правовое государство позитивное обязательство по содействию мирным собраниям и по их защите: «В законодательстве должна быть четко и недвусмысленно установлена презумпция в пользу собраний»; реализацию свободы собраний следует «...по мере возможности, обеспечивать без какого-либо регулирования. Все то, что в явной форме не запрещено законом, следует считать разрешенным, и от желающих собраться не следует требовать получения разрешения на то, чтобы провести собрание» (Руководящие принципы... 2011: 2.1).

Венецианской комиссией была высказана рекомендация дополнить действующий федеральный закон о митингах отдельной главой, посвященной характеристике свободы мирных собраний в целом, которая будет законодательно закреплять набор фундаментальных принципов этой конституционной свободы: презумпцию в пользу проведения мирных собраний; позитивное обязательство государства по содействию мирным собраниям и их защите; принципы пропорциональности и недискриминации при ограничении свободы мирных собраний; принцип надлежащего администрирования и прозрачности процесса принятия решения, а также ответственности административных органов за нарушение принципов свободы мирных собраний. Пока мы вынуждены констатировать, что действующий Закон о митингах имеет по своей сути запретительный характер, поскольку он направлен главным образом не на обеспечение реального осуществления свободы собраний, а на установление различных ограничений реализации этой конституционной свободы. Пока из всех принципов свободы мирных собраний в главе 1 Федерального закона о митингах представлены лишь только два: принципы законности и добровольности участия в публичных мероприятиях, которые обозначаются как *принципы проведения публичного мероприятия* (Федеральный закон № 54-ФЗ, 2004: ст. 3). Вместе с тем этот ограниченный набор принципов свободы собраний является недостаточным и не соответствующим философии свободы мирных собраний, основанной в первую очередь на положениях международного «мягкого права» (Марочкин, Халафян 2013), а также на положениях статьи 11 Европейской конвенции.

В настоящий момент презумпция в пользу мирных собраний, равно как и прочие фундаментальные принципы этой конституционной свободы,

которые основаны на положениях международного «мягкого права» (Малиновский 2014), фактически являются «спящими» принципами российского права публичных собраний (Гребнева 2019). Анализ законодательства и правоприменительной практики не дает оснований для вывода о том, что указанная презумпция соблюдается должным образом в России (Бобракова, Сухомлинова 2019). Напротив, можно констатировать значительные проблемы при реализации свободы мирных собраний: например, процедура согласования (фактически превращенная в процесс разрешения мирного собрания) часто используется для того, чтобы под разными предлогами сделать невозможным проведение запланированного публичного мероприятия в том месте и в то время, о котором просят организаторы. При этом наиболее распространенная причина несогласования публичного мероприятия заключается в том, что запланированное место для публичной акции бывает уже занято работами по благоустройству или дорожным ремонтом, ярмарками местных товаропроизводителей, альтернативными публичными мероприятиями (митингами, демонстрациями) или культурно-массовыми развлекательными мероприятиями (концертами, фестивалями) и пр. Такая распространенная, стандартно-шаблонная, уловка правоприменителей является доказательством того, что органы публичной власти, ответственные за согласование публичного мероприятия, нарушают принцип политической нейтральности, а также презумпцию в пользу мирных собраний. Помимо этого данные факты свидетельствуют о том, что в России все еще не отлажены необходимые механизмы и процедуры, которые позволяют «обеспечить реальное осуществление свободы собраний без чрезмерного бюрократического регулирования» (Руководящие принципы... 2011: 2.2). К сожалению, пока российские правоприменители не способны, а скорее, противодействуют проведению мирных собраний в предпочтительных для организаторов мероприятия местах. Поэтому необходимо последовательно продолжать работу над совершенствованием законодательства о свободе мирных собраний и создавать прозрачную процедуру согласования публичного мероприятия, например посредством обязательного электронного уведомления (согласования) через интернет-портал «Госуслуги», чтобы полностью исключить возможность злоупотреблений и сделать информацию обо всех предстоящих публичных мероприятиях (времени, месте, форме, организаторах) полностью открытой и заранее доступной всем субъектам этих правоотношений (Бачурин 2017). Как минимум цифровизация конституционной свободы (Карасев, Кожевников, Мещерягина 2019) посредством внедрения процедуры электронного уведомления сделает невозможными манипуляции и злоупотребления на стадии согласования при помощи фиктивного согласования некоего «альтернативного публичного мероприятия», которое де-факто осуществляется ретроспективно (проще говоря – «задним числом»). Именно модернизация правил реализации свободы мирных собраний будет соответствовать общей динамике развития прав человека в эпоху цифровой реальности (Саликов и др. 2019: 125-136).

4. Суть свободы: события в тундре, Екатеринбурге, Москве... Руководствуясь фундаментальными принципами свободы мирных собраний, а также перефразируя слова Председателя КС России (Зорькин 2018), можно утверждать, что *суть свободы собраний* проста – *мирное* собрание *безоружных* людей априори должно являться конституционным, законным и допустимым. Именно в этом состоит значение свободы собраний и ее философское измерение. Поэтому, чтобы обеспечить на практике презумпцию в пользу мирных собраний, правоприменителям необходимо уяснить аксиому свободы собраний: если граждане собрались мирно и без оружия, то эта мирная публичная акция не может быть принудительно прекращена (разогнана). Из содержания конституционных принципов свободы мирных собраний следует, что неподача уведомления не является достаточным легитимным и единственным основанием для того, чтобы разгонять мирную акцию протеста, а также задерживать мирных и безоружных граждан.

Однако современные правоприменители грубо искажают суть свободы мирных собраний и даже иногда представляют нам вовсе абсурдные примеры того, насколько неправильно они понимают конституционный смысл этой свободы. Так, весной 2019 г. сотрудники полиции УМВД по Ямало-Ненецкому автономному округу (УМВД ЯНАО) возбудили административное дело против оленевода Ейко Сэротэтто за организацию несанкционированного митинга в тундре по ч. 2 ст. 20.2 КоАП (Арабей 2019), то есть за проведение так называемой *несанкционированной встречи* оленеводов в тундре, на которой ее участники (30 местных жителей) обсуждали запрет на вылов рыбы, запрет строительства газопровода через Обскую губу, а также убийство родственника организатора встречи – оленевода Николая Хоротэтто. Этот случай наглядно демонстрирует всю абсурдность и произвол правоприменителей, которые требуют подачи предварительного уведомления для того, чтобы провести собрание даже в безлюдной тундре, где нет никаких третьих лиц, в адрес которых могла бы осуществляться передача информации со стороны собравшихся – то самое выражение мнений и требований, о которых речь идет в Законе о митингах (Федеральный закон № 54-ФЗ, 2004: п. 1 ч. 1 ст. 2). Между тем именно в характере происходящей коммуникации с третьими лицами, которая происходит на публичном мероприятии, заключается принципиальное отличие собраний от иных непубличных мероприятий, цель которых сводится лишь к обсуждению вопросов в кругу собравшихся (обсуждение между собой), а не к публичному выражению мнений в адрес неопределенного круга третьих лиц. В деле о несанкционированном собрании в тундре есть еще одна нелепость: каким образом организатор собрания должен был представить в уведомлении информацию о месте собрания? Наверное, исходя из логики сотрудников УМВД ЯНАО, в уведомлении нужно было указать точные географические координаты (широту и долготу местности). Кстати, именно это и произошло далее в этом случае, поскольку после возбуждения административного дела организатор собрания – оленевод Ейко Сэротэтто – был вынужден подать уведомление о проведении очередного собрания в тундре, которое

должно было состояться «18–19 апреля 2019 года примерно в 10–15 км от поселка Панаевск с участием 15 человек, 800 голов оленей и восьми оленегонных собак» (Арабей 2019). По нашему мнению, назвать произошедшее в Ямало-Ненецком автономном округе термином «правоприменительная практика» невозможно. Скорее здесь мы имеем дело с грубым и намеренным искажением конституционной сути свободы мирных собраний, исходя из которой у государства не может и не должно быть законного и оправданного интереса для предварительного согласования собраний в безлюдной местности – в тундре, на опушке леса, в открытом поле, на берегу реки, озера или моря и т.п. Смысл предварительного согласования сводится к тому, что именно на государство возложена обязанность по обеспечению общественного порядка и безопасности во время публичного мероприятия. Однако в подобном случае ни публичного характера, ни участия третьих лиц, ни необходимости обеспечивать безопасность и общественный порядок в безлюдной тундре не было. Кроме того, в деле с оленеводами можно говорить о том, что мероприятие носило характер именно закрытого (непубличного) собрания как по своим формальным признакам и содержанию, так и по реальному отсутствию публики (неопределенного круга третьих лиц) в месте проведения собрания. И несмотря на то что в конечном счете суд принял решение о прекращении административного производства по делу против организатора «несанкционированного митинга в тундре» (Блогера-оленевода с Ямала... 2019), подобная рестриктивная «правоприменительная практика» вызывает серьезное беспокойство, поскольку сотрудники полиции сводят на нет конституционную сущность свободы мирных собраний.

Совершенно очевидно, что сегодня в прямом противоречии с конституционной сутью и философией свободы мирных собраний находится абсолютный запрет всех так называемых несанкционированных публичных мероприятий, который устанавливает действующее законодательство. Этот запрет содержит Закон о митингах (Федеральный закон № 54-ФЗ, 2004: ч. 5 ст. 5), по которому организатор не вправе проводить публичное мероприятие, если уведомление о его проведении не было подано в установленный срок, а также в том случае, если с органами власти не было согласовано изменение места и (или) времени проведения мероприятия. На основе данной нормы была также закреплена административная ответственность как организатора «несанкционированного публичного мероприятия» (ч. 2 ст. 20.2 КоАП), так и его участников (ч. 6.1 ст. 20.2 КоАП). Отметим, что для применения этих законоположений достаточно лишь формального нарушения – неподачи уведомления или «несогласования» с официальными властями места и времени публичного мероприятия. При этом, согласно логике данных норм, для суда и полиции не играет абсолютно никакой роли то весьма важное обстоятельство, что «несанкционированная акция» – мирная и безоружная. Именно в этом, крайне формальном, подходе, при котором «в автоматическом режиме» любая несанкционированная мирная и безоружная акция протеста подлежит принудительному прекращению (разгону) в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 16 Закона о митингах, заключается, по нашему

мнению, неконституционный характер как указанных выше положений Федерального закона о митингах, так и основанной на нем правоприменительной практики.

Таким образом, общей отправной точкой права публичных собраний в Российской Федерации и Германии выступает конституционно-правовая формула свободы собраний «мирно и без оружия». Однако в Германии данная конституционная формула по-настоящему реализуется на практике: исходя из презумпции в пользу собраний все мирные и безоружные акции, в том числе так называемые спонтанные и срочные публичные акции, проводимые без уведомления и без соблюдения установленных законом стандартных сроков уведомления (Вашкевич 2013), априори являются допустимыми и законными. Современное германское право публичных собраний (*Versammlungsrecht*) основано на простом диспозитивном принципе: все мирные и безоружные собрания конституционны, законны и допустимы везде, кроме тех отдельных мест, где проведение собраний прямо запрещается законом. В России же конституционно-правовая формула свободы собраний фактически искажается законодательством и правоприменительной практикой, под воздействием которых данная формула обременяется третьим псевдоконституционным элементом: «мирно, без оружия и *санкционированно*». Еще раз отметим, что российское законодательство содержит абсолютный и прямой запрет «несанкционированных публичных мероприятий», то есть всех без исключения мирных и безоружных акций протеста, которые проводятся без подачи уведомления или без согласования. И тот факт, что только одно формальное основание – несогласованность публичного мероприятия – в автоматическом режиме используется в качестве достаточного и единственного условия, чтобы разогнать мирную и безоружную акцию протеста, представляет собой явное и прямое противоречие с конституционной и философской сутью свободы мирных собраний, закрепленной в статье 31 КРФ. Между тем в соответствии с конституционной сущностью свободы собраний принципиально допустимыми должны быть спонтанные публичные мероприятия, проводимые без уведомления и согласования, поскольку, как правило, у таких мероприятий нет организатора, они возникают стихийно, незапланированно и чаще всего являются ответом на острые вопросы общественно-политической жизни. Например, в качестве подобных спонтанных публичных мероприятий можно привести события в Екатеринбурге 13–16 мая 2019 г., когда значительное число людей протестовали против застройки сквера возле театра драмы Екатеринбурга (Храм... 2019). Однако, несмотря на мирный, безоружный и спонтанный характер этой акции протеста, больше 100 участников протеста были задержаны и затем привлечены к административной ответственности именно за участие в так называемом несанкционированном публичном мероприятии (В Екатеринбурге... 2019). Очевидно, что эти стихийные акции протеста в защиту сквера в Екатеринбурге в очередной раз указали на очевидный пробел российского законодательства о свободе мирных собраний, вследствие которого абсолютно все без исключения спонтанные протесты объявляются

вне закона. При этом в ходе развития событий власти Екатеринбурга и Свердловской области фактически признали спонтанный характер протеста, когда упрекали защитников сквера в отсутствии лидеров протеста и заявляли, что власти якобы не знают, с кем им вести переговоры о судьбе сквера.

В этом контексте – для правильного понимания ситуации в Екатеринбурге – нам следует привести другой пример спонтанного публичного мероприятия из истории современной России, когда представители государства проявили абсолютно толерантное и даже, можно сказать, покровительственное отношение к участникам несанкционированного публичного мероприятия, которое, как и в Екатеринбурге, проходило спонтанно, без подачи уведомления, однако – совсем не мирно. Речь идет об акции протеста в Москве 25 ноября 2015 г., когда около посольства Турции собралась толпа протестующих против действий ВВС Турции, которые накануне, 24 ноября, сбили российский бомбардировщик СУ-24. Здесь важно отметить несколько ключевых деталей данного спонтанного протеста: во-первых, участники этого несанкционированного публичного мероприятия перекрыли движение на улице, прилегающей к посольству; во-вторых, протестующие вели себя агрессивно – кидали в здание посольства яйца, помидоры, краску, камни (!), пузырьки с йодом и зеленкой (Протест... 2015) (в результате этих немирных действий в здании посольства были выбиты стекла вплоть до четвертого этажа, а камни попали в офисы сотрудников миссии (Участники... 2015)); в-третьих, в ходе этой несанкционированной акции сотрудники полиции фактически не предпринимали серьезных активных действий против протестующих: не сообщали непрерывно в мегафон о том, что их акция является несогласованной, что они, перегородив улицу, препятствуют прохождению граждан и проезду автотранспорта, не пытались принудительно прекратить (разогнать) этот спонтанный протест; в-четвертых, и это особенно важно подчеркнуть, после указанной несанкционированной и немирной акции протеста не было возбуждено уголовное дело по ст. 212 УК РФ о массовых беспорядках, в отличие от тех, по сути репрессивных, действий, которые мы наблюдали со стороны властей после мирных протестов против застройки городского сквера в Екатеринбурге в мае 2019 г. (Жилин 2019) или событий в Москве летом 2019 г., когда прошли несанкционированные, но мирные и безоружные протесты в центре российской столицы против недопуска на выборы (отказа в регистрации) в Московскую городскую думу отдельных кандидатов.

5. Вместо заключения: в случае сомнения – в пользу свободы...

К сожалению, приходится констатировать, что пока в современной России фактически идет бессмысленная борьба с мирными собраниями: главным образом, это латентная борьба на стадии согласования публичного мероприятия, а затем уже – открытая борьба с несанкционированными, но мирными публичными мероприятиями. Вероятно, этот негативный процесс будет продолжаться достаточно долго, поскольку действующее законодательство устанавливает абсолютный запрет мирных и безоружных собраний, которые проводятся без «санкции» публичных властей.

В этом контексте хотелось бы указать, что получивший распространение термин «несанкционированное публичное мероприятие», имеет глубинное противоречие с конституционной сутью свободы мирных собраний. Во-первых, Конституция РФ не использует такую терминологию и даже Закон о митингах применяет совершенно иные понятия – *уведомление, согласование*, однако никак не *санкционирование* публичного мероприятия. По нашему мнению, принятое в КоАП (ст. 20.2) понятие «несанкционированное публичное мероприятие» искажает философский смысл и конституционную суть свободы мирных собраний, поскольку порождает неправильную систему координат, в которой у представителей власти возникает право санкционировать или не санкционировать публичные мероприятия. Между тем согласно конституционной формуле свободы мирных собраний любые мирные и безоружные собрания априори законны, кроме тех исключительных случаев (запретов), которые должны быть прямо определены в законе. Именно такое правовое регулирование, которое минимизирует пределы усмотрения и произвол правоприменителей и создает условия для беспрепятственной реализации свободы мирных собраний в России, следует предусмотреть в Законе о митингах и КоАП РФ (Нудненко 2019).

В этом контексте необходимо напомнить как законодателям, так и правоприменителям о том, что мирные и безоружные собрания сами по себе не являются проблемой; они – лишь индикатор проблем. Именно при помощи конституционной свободы мирных собраний граждане могут напрямую обратить внимание властей на отдельные серьезные проблемы общественно-политического, экономического и прочего характера (Авдеев 2018). Поэтому запретительная правоприменительная практика губительна и даже вредна, поскольку делает проблемы латентными и в итоге не позволяет принять своевременные меры по исправлению ситуации.

Подвергая критике сложившуюся устойчивую правоприменительную практику по борьбе с несанкционированными мирными публичными мероприятиями, мы опираемся на международно-правовые стандарты свободы мирных собраний, которые – и это важно подчеркнуть – для всех стран имеют обязательный характер (см.: Goldmann 2018). Россия является государством – участником Международного пакта ООН о гражданских и политических правах (далее МПГПП), который был ратифицирован Указом Президиума ВС СССР 18 сентября 1973 г.; с момента подписания положения МПГПП прямо применимы к нашему государству и возлагают на него функции непреложного обеспечения стандартов ООН в отношении практической реализации прав и свобод человека, включая и свободу мирных собраний (Дикман 2010: 75). Согласно этим стандартам, Россия как демократическое и правовое государство обязана гарантировать, что «даже незаконные собрания должны, насколько это возможно, допускаться, пока они носят мирный характер» (Revised... 2019: 7). Кроме того, исходя из стандартов ООН в отношении свободы мирных собраний, необходимо учитывать, что «неуведомление властей о собрании не должно делать участие в

собрании незаконным и само по себе не должно использоваться в качестве основы для разгона собрания или ареста участников или их обвинения в совершении уголовного преступления» (Revised... 2019: 77]. Из этого можно сделать вывод о том, что мы приходим к отправной точке, а именно к той конституционной формуле свободы мирных собраний, согласно которой собрания, проводимые мирно и без оружия, являются априори законными. Безусловно, публичные мероприятия по общему правилу следует организовывать заблаговременно и практически всегда должны быть ответственные лица (организаторы), которые обязаны своевременно подать уведомления в адрес официальных властей. Вместе с тем «стихийные собрания, как прямые ответы на текущие события, которые не дают достаточно времени для предоставления уведомления, скоординированного или нет, также подпадают под защиту статьи 21 МПГПП» (Revised... 2019: 16). Таким образом, вполне правомерно сделать вывод, что современная российская правоприменительная практика находится в конфликте с высокими международными стандартами свободы мирных собраний (Семитко 2017), поскольку в России мирные и безоружные собрания разгоняют, применяя единственное и абсолютно формальное основание – так называемый несанкционированный характер публичного мероприятия. Кроме того, очевидным является многолетнее бездействие российских законодателей, которые не спешат восполнять существующий пробел правового регулирования спонтанных и срочных публичных мероприятий (Кондрашев 2017).

Именно ввиду недостатков законодательства и правоприменительной практики мы вынуждены прогнозировать, что в России сохранится тенденция роста числа «несанкционированных» публичных мероприятий. По нашему мнению, эта тенденция вовсе не связана с низким уровнем правосознания российских граждан или их некой природной склонностью нарушать закон; она обусловлена лишь тем, что процедура согласования публичного мероприятия фактически превращена в запретительно-разрешительную процедуру. Сегодня в России в 90 случаев из 100 организатор публичного мероприятия получает отказ в согласовании, что равносильно его запрету. В этом отношении процент согласования публичных мероприятий в ФРГ значительно выше (около 90%), что подтверждают указанные ранее данные о числе публичных мероприятий, проводимых в городах современной Германии. Поэтому, по нашему мнению, в действующее законодательство РФ в обязательном порядке должна быть включена норма, которая будет обязывать органы власти, производящие согласование публичных мероприятий, осуществлять сбор и публикацию статистических данных о числе заявок на проведение публичных мероприятий, а также о количестве и причинах отказа в согласовании. Кроме того, процесс согласования публичных мероприятий следует сделать более прозрачным и современным. Он должен фиксироваться не только в классической «бумажной форме», но и на интернет-портале государственных услуг, что исключит злоупотребления и манипуляции на стадии согласования.

Выразим надежду, что российское законодательство и правоприменительная практика (Кузнецов 2019) будут строиться на основе высоких стандартов права на свободу мирных собраний, а именно исходя из презумпции в пользу мирных собраний, которая прямо закрепляется в современном международном праве. Поэтому при модернизации правового регулирования и правоприменительной деятельности всегда следует помнить о том, что право на мирные собрания важно само по себе, поскольку вместе с другими политическими правами и свободами составляет основу демократического и правового государства (Комарова 2012), которое гарантирует соблюдение прав человека, политическое и идеологическое многообразие, а также многопартийность (Должиков 2012). В то же самое время неспособность принять право на свободу мирных собраний как важнейшую конституционно-правовую ценность является признаком репрессий и отсутствия демократии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авдеев Д.А. 2018. Юридический голос политической воли российских граждан, или современные проблемы публичных мероприятий // Современное право. № 12. С. 29-32.

Арабей М. 2019. Оленеводу грозит штраф за митинг в тундре. Полиция преследует жителя Ямала за мероприятие вне поселка // Коммерсантъ. 17 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3946881>. Дата публикации: 17.04.2019.

Бачурин А.Г. 2017. Уведомление о проведении публичного мероприятия в электронной форме // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. № 15, ч. 1. С. 159-160.

Блогера-оленевода с Ямала решили не наказывать за митинг в тундре, 2019 // Новые известия. 14 мая. URL: <https://newizv.ru/news/society/14-05-2019/blogera-olenevoda-s-yamala-reshili-ne-nakazyvat-za-miting-v-tundre>. Дата публикации: 14.05.2019.

Бобракова Н.В., Сухомлинова Л.А. 2019. Презумпция в пользу проведения мирного собрания: европейские рекомендации и российский опыт // Ленинградский юридический журнал. № 3 (57). С. 57-66.

В Екатеринбурге арестовали более 20 участников протеста против храма, 2019 // Lenta.ru. 16 мая. URL: <https://lenta.ru/news/2019/05/16/protest/>. Дата публикации: 16.05.2019.

Вашкевич А.Е. 2013. Спонтанные собрания: национальное законодательство европейских стран и прецедентное право Европейского суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. № 2 (93). С. 44-54.

Велижанина М.Ю. 2007. Международные организации и «мягкое право» // Московский журнал международного права. № 2 (66). С. 285-297.

Гребнева Е.А. 2019. Соотношение норм российского законодательства о праве на свободу собраний с положениями международных стандартов // Вопросы российской юстиции. № 2. С. 36-47.

Дикман С.С. 2010. Юридическая природа решений комитета ООН по правам человека: основные проблемы // Труды Института государства и права Российской академии наук. № 1. С. 75-87.

Должиков А.В. 2012. Влияние конституционных прав на российскую правовую систему // Сравнительное конституционное обозрение. № 6 (91). С. 109-120.

Жилин И. 2019. Следователей интересуют трое. В Екатеринбурге возбудили уголовное дело факту «массовых беспорядков» в сквере // Новая газета. 13 июня. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/06/13/80880-sledovateley-interesuyut-troe>. Дата публикации: 13.06.2019.

Зорькин В.Д. 2018. Суть права // Вопросы философии. № 1. С. 5-16.

Иванов А.О. 2014. Вопросы проведения религиозных мероприятий в свете законодательства о публичных мероприятиях // Ленинградский юридический журнал. № 2 (36). С. 172-186.

Карасев А.Т., Кожевников О.А., Мещерягина В.А. 2019. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. Т. 19, вып. 3. С. 99-119.

Комарова В.В. 2012. Теоретические основы непосредственной демократии в Российской Федерации // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Юридические науки. № 1 (9). С. 8-13.

Кондрашев А.А. 2017. Свобода собраний в России: системные дефекты законодательства и политико-правовая практика // Сравнительное конституционное обозрение. № 6 (121). С. 24-44.

Кузнецов Д.А. 2019. Ценности и методы: сравнительно-правовой анализ 16 подходов Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ к свободе самовыражения и свободе собраний // Сравнительное конституционное право. № 4 (131). С. 16-34.

Малиновский О.Н. 2014. К вопросу о нормах международного «мягкого права» о правах человека // Законность и правопорядок в современном обществе. № 17. С. 123-131.

Марочкин С.Ю., Халафян Р.М. 2013. Международное «мягкое» право в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. № 6 (198). С. 56-65.

Никитина Е.Е., Селезнев В.А. 2019. Использование мер административной ответственности в механизме реализации права на публичное мероприятие // Журнал российского права. № 3 (267). С. 38-51.

Нудненко Л.А. 2019. Тенденции развития конституционных прав и свобод личности на современном этапе развития Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. № 9. С. 52-55.

Протест у посольства Турции в Москве: здание закидали камнями и яйцами, 2015 // Вести.ru. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2691044>. Дата публикации: 25.11.2015.

Саликов М.С. и др. 2019. Права человека в сети Интернет: кол. моногр. / М.С. Саликов, С.Э. Несмеянова, А.Н. Мочалов, Н.Е. Колобаева, К.А. Иванова. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ. 148 с.

Семитко А.П. 2017. О приоритете прав и свобод человека как правовом принципе либерализма в российской и зарубежной литературе // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 17, вып. 1. С. 83-105.

Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 28 июня 2007 г. «О соблюдении на территории Российской Федерации конституционного права на мирные собрания» // Российская газета. 2007. 28 июня (№ 136). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6232495/> (дата обращения: 15.01.2020).

Старостина И.А., Салихов Д.Р. 2018. Верховный суд Российской Федерации на страже прав участников публичных мероприятий // Конституционное и муниципальное право. № 10. С. 25-28.

Субанова А.Б. 2018. Свобода собраний: актуальные вопросы правового регулирования и реализации // Военное право. № 5 (51). С. 191-195.

Таева Н.Е. 2006. Право иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, собираться мирно, без оружия // Юридический мир. № 12. С. 4-12.

Участники стихийного митинга закидали здание посольства Турции в Москве камнями, 2015 // ТАСС: информационное агентство России. URL: <http://tass.ru/proisshestiya/2471839>. Дата публикации: 25.11.2015.

Храм вместо сквера: протесты в Екатеринбурге и их последствия, 2019 // Региональные комментарии. URL: <http://regcomment.ru/main/hram-vmesto-skvera-protesty-v-ekaterinburge-i-ih-posledstviya/>. Дата публикации: 15.05.2019.

Руководящие принципы по свободе мирных собраний. Изд. 2-е / БДИПЧ ОБСЕ. Варшава, 2011. 195 с. URL: <http://www.osce.org/ru/odih/83237?download=true> (дата обращения: 15.01.2020).

Федеральный закон от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/12135831/> (дата обращения: 15.01.2020).

Постановление Конституционного суда Российской Федерации № 30-П от 05.12.2013 г. «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан “О свободе совести и о религиозных объединениях” в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 19 дек. (№ 292). URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05122012-n/> (дата обращения: 15.01.2020).

Arzt C., Ullrich P. 2016. Versammlungsfreiheit versus polizeiliche Kontroll- und Überwachungspraxis // Zeitschrift für Bürgerrechte und Gesellschaftspolitik. 55. Jahrgang, Nummer 213 (Heft 1), April. S. 46-60.

Berlin geht zwölf Mal am Tag auf die Straße. Demos und Kundgebungen seit 2008 verdoppelt. URL: <https://www.rbb24.de/politik/beitrag/2018/12/versammlungen-demos-berlin-protest.html> (дата обращения: 15.01.2020).

Brenneisen H., Merk R. 2014. Anwesenheitsrecht und Legitimationspflicht von Polizeikräften bei öffentlichen Versammlungen // Deutsches Verwaltungsblatt. S. 901-908.

Dietel A., Gintzel K., Kniesel M. 2016. Versammlungsgesetze. Kommentierung des Versammlungsgesetzes des Bundes und der Versammlungsgesetze der Länder. Köln : Carl Heymanns Verlag. 748 s.

Gassner K. 2012. Die Rechtsprechung zur Versammlungsfreiheit im internationalen Vergleich. Jus Internationale et Europaeum (69). Tübingen : Mohr Siebeck. 404 s.

Goldmann M. 2018. Völkerrechtliche Vereinbarungen und direkte Demokratie // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht (ZaöRV). Heft 2. S. 281-311.

Hömig D., Wolf H.A. 2016. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Handkommentar. 11. Auflage. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft. 972 s.

Hong M. 2009. Die Versammlungsfreiheit in der Rechtsprechung des Bundesverfassungsgerichts // Linien der Rechtsprechung des Bundesverfassungsgerichts – erörtert von den wissenschaftlichen Mitarbeitern / Herausgegeben von Hartmut Rensen und Stefan Brink. Berlin ; Boston : De Gruyter. S. 155-199.

Krüger R. 1993. Rechtsgrundlage präventivpolizeilicher Maßnahmen bei nichtöffentlichen Versammlungen in geschlossenen Räumen // Die öffentliche Verwaltung. Heft 15. S. 658-662.

Musil A. 2002. Berlin, Hauptstadt der Demonstrationen – Das Versammlungsrecht, ein Rechtsgebiet im Wandel? // Landes- und Kommunalverwaltung. Heft 3. S. 115-119.

Gesetz über Versammlungen und Aufzüge in der Fassung der Bekanntmachung vom 15.11.1978 (BGBl. I S. 1790) zuletzt geändert durch Gesetz vom 08.12.2008 (BGBl. I S. 2366). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/versammlg/VersammlG.pdf> (дата обращения: 15.01.2020).

Revised Draft General Comment No. 37 on Article 21 (Right of Peaceful Assembly) of the International Covenant on Civil and Political Rights, 2019. URL: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GCArticle21.aspx> (дата обращения: 15.01.2020).

Alexander V. Salenko, Dr. Sci. (Jur.), Master of Law (LL.M., Göttingen), Department of International and European Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia. Email: ASalenko@kantiana.ru
ORCID: 0000-0003-3537-5796
ResearcherID: E-6093-2018
SPIN-код: 6858-4278

Article received 27.01.2020, accepted 19.02.2020, available online 06.04.2020

PHILOSOPHY OF FREEDOM OF PEACEFUL ASSEMBLY IN CONSTITUTIONAL PRINCIPLES IN RUSSIA AND GERMANY

Abstract. When it comes to principles of law, most often these issues in the legal consciousness of ordinary people are misunderstood and they are perceived solely as theoretical matter, as something completely out of touch with the real life on the ground and something without any practical importance. In this material, the author proves the opposite, namely, he shows on concrete cases when constitutional principles directly affect the nature of the actions of all subjects of freedom of peaceful assembly in Russia and Germany. The main attention is focused on the written principles of freedom of peaceful assembly, which are stipulated in the constitutional legislation of the two countries, namely, the author studies the content of two main constitutional principles of the freedom of assembly: principles of peacefulness and unarmed assembly. In addition, the article systematically reviews the existing unwritten principles of freedom of peaceful assembly, which originate in the provisions of international treaties, including the provisions of the “soft law”, which forms as a specific source of international law. Based on comparative research the author provides recommendations to amend the current federal law by introducing a separate chapter which would describe the freedom of peaceful assembly as the most important constitutional legal value and which would also consolidate the set of fundamental principles of this constitutional freedom: the presumption in favour of holding peaceful assemblies; the state’s positive obligation to facilitate and protect peaceful assembly; proportionality and on-discrimination of any restrictions imposed on freedom of assembly; the principle of good administration and transparency of the decision-making process, as well as the liability of the regulatory authority for the violation of the constitutional principles of freedom of peaceful assembly. The author ended with the conclusion that it is necessary to enshrine explicitly in the Russian legislation the positive obligation of state and municipal authorities to monitor the freedom of peaceful assembly, namely the obligation to collect, systematize and publish official statistical information on the number and types of public events held

in settlements of the Russian Federation, as well as the information about the number and reasons for ban of the public event during the notification procedure.

Keywords: constitutional principles; assemblies; meetings; demonstrations; marches; pickets; freedom of peaceful assembly; public assembly law; presumption in favour of holding peaceful assemblies; soft law; OSCE; United Nations; Germany; Russia; Federal Republic of Germany; Russian Federation; German Democratic Republic.

For citation: Salenko A.V. *Filosofiya svobody mirnykh sobraniy v konstitutsionnykh printsipakh Rossii i Germanii* [Philosophy of freedom of peaceful assembly in constitutional principles in Russia and Germany], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 117-139. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10105 (in Russ.).

References

Arabey M. *Olenevodu grozit shtraf za miting v tundre. Politsiya presleduet zhitelya Yamala za meropriyatie vne poselka* [Reindeer breeder faces a fine for a rally in the tundra. Police are chasing a resident of Yamal for an event outside the village], *Kommersant*, 2019, April 17, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3946881> (date of publication: April 17, 2019). (in Russ.).

Arzt C., Ullrich P. *Versammlungsfreiheit versus polizeiliche Kontroll- und Überwachungspraxis* [Freedom of assembly versus police control and surveillance practice], *Zeitschrift für Bürgerrechte und Gesellschaftspolitik*, 2016, vol. 55, no. 213 (b. 1), April, pp. 46-60. (in German).

Avdeev D.A. *Yuridicheskiy golos politicheskoy voli rossiyskikh grazhdan, ili sovremennyye problemy publichnykh meropriyatiy* [The legal voice of the political will of Russian citizens, or modern problems of public events], *Sovremennoe pravo*, 2018, no. 12, pp. 29-32. (in Russ.).

Bachurin A.G. *Uvedomlenie o provedenii publichnogo meropriyatiya v elektronnoy forme* [Notification of a public event in electronic form], *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*, 2017, no. 15, pt. 1, pp. 159-160. (in Russ.).

Berlin geht zwölf Mal am Tag auf die Straße. Demos und Kundgebungen seit 2008 verdoppelt [Berlin goes to the streets twelve times a day. Demos and rallies doubled since 2008], available at: <https://www.rbb24.de/politik/beitrag/2018/12/versammlungen-demos-berlin-protest.html> (accessed January 15, 2020). (in German).

Blogera-olenevoda s Yamala reshili ne nakazyvat' za miting v tundre, 2019 [The reindeer herder blogger from Yamal decided not to punish the rally in the tundra], *Novye izvestiya*, May 14, available at: <https://newizv.ru/news/society/14-05-2019/blogera-olenevoda-s-yamala-reshili-ne-nakazyvat-za-miting-v-tundre> (date of publication: May 14, 2019). (in Russ.).

Bobrakova N.V., Sukhomlinova L.A. *Prezumptsiya v pol'zu provedeniya mirnogo sobraniya: evropeyskie rekomendatsii i rossiyskiy opyt* [Presumption in favor of holding a peaceful assembly: European recommendations and Russian experience], *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2019, no. 3 (57), pp. 57-66. (in Russ.).

Brenneisen H., Merk R. *Anwesenheitsrecht und Legitimationspflicht von Polizeikräften bei öffentlichen Versammlungen* [Right of attendance and duty of identification of police officers at public meetings], *Deutsches Verwaltungsblatt*, 2014, pp. 901-908. (in German).

Dietel A., Gintzel K., Kniesel M. *Versammlungsgesetze. Kommentierung des Versammlungsgesetzes des Bundes und der Versammlungsgesetze der Länder* [Public Assembly Laws. Commentary on the federal assembly law and the assembly laws of Federal States], Köln, Carl Heymanns Verlag, 2016, 748 p. (in German).

Dikman S.S. *Yuridicheskaya priroda resheniy komiteta OON po pravam cheloveka: osnovnye problemy* [The legal nature of the decisions of the UN Human Rights Committee: the main problems], *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2010, no. 1, pp. 75-87. (in Russ.).

Dolzhiykov A.V. *Vliyanie konstitutsionnykh prav na rossiyskuyu pravovuyu sistemu* [The influence of constitutional rights on the Russian legal system], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2012, no. 6 (91), pp. 109-120. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 19 iyunya 2004 goda № 54-FZ «O sobraniyakh, mitingakh, demonstratsiyakh, shestviyakh i piketirovaniyakh» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Federal Law on 19 June 2004 no. 54-FZ “On Meetings, Rallies, Demonstrations, Processions and Pickets”], available at: <https://base.garant.ru/12135831/> (accessed January 15, 2020). (in Russ.).

Gassner K. *Die Rechtsprechung zur Versammlungsfreiheit im internationalen Vergleich* [The case law on the Freedom of Assembly in international comparison], *Jus Internationale et Europaeum* (69), Tübingen, Mohr Siebeck, 2012, 404 p. (in German).

Gesetz über Versammlungen und Aufzüge in der Fassung der Bekanntmachung vom 15.11.1978 [Law on Meetings and Demonstrations on 15 November 1978], available at: <http://www.gesetze-im-internet.de/versammlg/VersammlG.pdf> (accessed January 15, 2020). (in German).

Goldmann M. *Völkerrechtliche Vereinbarungen und direkte Demokratie* [International agreements and direct democracy], *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht (ZaöRV)*, 2018, b. 2, pp. 281-311. (in German).

Grebneva E.A. *Sootnoshenie norm rossiyskogo zakonodatel'stva o prave na svobodu sobraniya s polozeniyami mezhdunarodnykh standartov* [Correlation of the norms of Russian legislation on the right to freedom of assembly with the provisions of international standards], *Voprosy rossiyskoy yustitsii*, 2019, no. 2, pp. 36-47. (in Russ.).

Hömig D., Wolf H.A. *Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Handkommentar* [Basic Law for the Federal Republic of Germany. Comment], 11 print run, Baden-Baden, Nomos Verlagsgesellschaft, 2016, 972 p. (in German).

Hong M. *Die Versammlungsfreiheit in der Rechtsprechung des Bundesverfassungsgerichts* [Freedom of assembly in the case law of the Federal Constitutional Court], *H. Rensen, St. Brink (eds.) Linien der Rechtsprechung des Bundesverfassungsgerichts – erörtert von den wissenschaftlichen Mitarbeitern*, Berlin, Boston, De Gruyter, 2009, pp. 155-199. (in German).

Ivanov A.O. *Voprosy provedeniya religioznykh meropriyatiy v svete zakonodatel'stva o publichnykh meropriyatiyakh* [Issues of holding religious events in the light of legislation on public events], *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2014, no. 2 (36), pp. 172-186. (in Russ.).

Karasev A.T., Kozhevnikov O.A., Meshcheryagina V.A. *Tsifrovizatsiya pravootnosheniy i ee vliyanie na realizatsiyu ot del'nykh konstitutsionnykh prav grazhdan v Rossiyskoy Federatsii* [Digitalization of legal relations and its impact on the implementation of individual constitutional rights of citizens in the Russian Federation], *Antinomii*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 99-119. (in Russ.).

Khram vmesto skvera: protesty v Ekaterinburge i ikh posledstviya, 2019 [A temple instead of a square: protests in Yekaterinburg and their consequences], *Regional'nye kommentarii*, available at: <http://regcomment.ru/main/hram-vmesto-skvera-protesty-v-ekaterinburge-i-ih-posledstviya/> (date of publication: May 15, 2019). (in Russ.).

Komarova V.V. *Teoreticheskie osnovy neposredstvennoy demokratii v Rossiyskoy Federatsii* [The nature of the legal category “constitutional values” (constitutional and

legal aspect)], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2012, no. 1 (9), pp. 8-13. (in Russ.).

Kondrashev A.A. *Svoboda sobraniy v Rossii: sistemnye defekty zakonodatel'stva i politiko-pravovaya praktika* [Freedom of assembly in Russia: systemic defects in legislation and political and legal practice], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2017, no. 6 (121), pp. 24-44. (in Russ.).

Krüger R. *Rechtsgrundlage präventivpolizeilicher Maßnahmen bei nichtöffentlichen Versammlungen in geschlossenen Räumen* [Legal basis for the preventive police measures in indoor public assemblies], *Die öffentliche Verwaltung*, 1993, b. 15, pp. 658-662. (in German).

Kuznetsov D.A. *Tsennosti i metody: sravnitel'no-pravovoy analiz 16 podkhodov Konstitutsionnogo Suda RF i ESPCh k svobode samovyrazheniya i svobode sobraniy* [Values and methods: comparative legal analysis of 16 approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation and the ECtHR to freedom of expression and freedom of assembly], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe pravo*, 2019, no. 4 (131), pp. 16-34. (in Russ.).

Malinovskiy O.N. *K voprosu o normakh mezhdunarodnogo «myagkogo prava» o pravakh cheloveka* [To the question of the norms of international «soft law» on human rights], *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve*, 2014, no. 17, pp. 123-131. (in Russ.).

Marochkin S.Yu., Khalafyan R.M. *Mezhdunarodnoe «myagkoe» pravo v pravovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii* [International “soft” law in the legal system of the Russian Federation], *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2013, no. 6 (198), pp. 56-65. (in Russ.).

Musil A. *Berlin, Hauptstadt der Demonstrationen - Das Versammlungsrecht, ein Rechtsgebiet im Wandel?* [Berlin, the capital of demonstrations – The Public Assembly Law, a changing legal area?], *Landes- und Kommunalverwaltung*, 2002, b. 3, pp. 115-119. (in German).

Nikitina E.E., Seleznev V.A. *Ispol'zovanie mer administrativnoy otvetstvennosti v mekhanizme realizatsii prava na publichnoe meropriyatie* [The use of administrative responsibility measures in the mechanism for the implementation of the right to a public event], *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2019, no. 3 (267), pp. 38-51. (in Russ.).

Nudnenko L.A. *Tendentsii razvitiya konstitutsionnykh prav i svobod lichnosti na sovremennom etape razvitiya Rossiyskoy Federatsii* [Trends in the development of constitutional rights and individual freedoms at the present stage of development of the Russian Federation], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2019, no. 9, pp. 52-55. (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii № 30-P ot 05.12.2013 g. «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii punkta 5 stat'i 16 Federal'nogo zakona “O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh” i punkta 5 stat'i 19 Zakona Respubliki Tatarstan “O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh” v svyazi s zhaloboi Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii» [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 30-P of 5 December 2013 on the case about the constitutionality of the provisions of paragraph 5 of Article 16 of the Federal Law “On Freedom of Conscience and on Religious Associations” and paragraph 5 of Article 19 of the Law of the Republic of Tatarstan “On Freedom of Conscience and on Religious associations” in connection with the complaint of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation], *Rossiyskaya gazeta*, 2012. December 19 (№ 292), available at: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05122012-n/> (accessed January 15, 2020). (in Russ.).

Protest u posol'stva Turtsii v Moskve: zdanie zakidali kamnyami i yaytsami, 2015 [Protest at the Turkish Embassy in Moscow: the building was thrown with stones and eggs], *Vesti*.

ru, available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2691044> (date of publication: November 25, 2015). (in Russ.).

Revised Draft General Comment No. 37 on Article 21 (Right of Peaceful Assembly) of the International Covenant on Civil and Political Rights, 2019, available at: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CCPR/Pages/GCArticle21.aspx> (accessed January 15, 2020).

Rukovodyashchie printsipy po svobode mirnykh sobraniy [Guidelines on Freedom of Peaceful Assembly], 2nd ed. Varshava, 2011, 195 p., available at: <http://www.osce.org/ru/odihr/83237?download=true> (accessed January 15, 2020). (in Russ.).

Salikov M.S., Nesmeyanova S.E., Mochalov A.N., Kolobaeva N.E., Ivanova K.A. *Prava cheloveka v seti Internet: kollektivnaya monografiya* [Human Rights on the Internet: Collective Monograph], Yekaterinburg, Izdatelstvo UMTs UPI, 2019, 148 p. (in Russ.).

Semitko A.P. *O prioritete prav i svobod cheloveka kak pravovom printsipe liberalizma v rossiyskoy i zarubezhnoy literature* [On the priority of human rights and freedoms as the legal principle of liberalism in Russian and foreign literature], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 83-105. (in Russ.).

Spetsial'nyy doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v RF ot 28 iyunya 2007 g. «O soblyudenii na territorii Rossiyskoy Federatsii konstitutsionnogo prava na mirnye sobraniya» [Report of the Ombudsman for Human Rights in the Russian Federation "On the observance of the constitutional right to peaceful assembly in the territory of the Russian Federation"], *Rossiyskaya gazeta*, 2007, June 28 (№ 136), available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6232495/> (accessed January 15, 2020). (in Russ.).

Starostina I.A., Salikhov D.R. *Verkhovnyy sud Rossiyskoy Federatsii na strazhe prav uchastnikov publichnykh meropriyatiy* [The Supreme Court of the Russian Federation as a guard of rights of participants in public events], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2018, no. 10, pp. 25-28. (in Russ.).

Subanova A.B. *Svoboda sobraniy: aktual'nye voprosy pravovogo regulirovaniya i realizatsii* [Freedom of assembly: current issues of legal regulation and implementation], *Voennoe pravo*, 2018, no. 5 (51), pp. 191-195. (in Russ.).

Taeva N.E. *Pravo inostrannykh grazhdan, nakhodyashchikhsya na territorii Rossiyskoy Federatsii, sobirat'sya mirno, bez oruzhiya* [The right of foreign citizens located on the territory of the Russian Federation to assemble peacefully, without weapons], *Yuridicheskiy mir*, 2006, no. 12, pp. 4-12. (in Russ.).

Uchastniki stikhiynogo mitinga zakidali zdanie posol'stva Turtsii v Moskve kamnyami, 2015 [Participants in a spontaneous rally threw stones at the Turkish Embassy in Moscow], *TASS: informatsionnoe agentstvo Rossii*, available at: <http://tass.ru/proisshestviya/2471839> (date of publication: November 25, 2015). (in Russ.).

V Ekaterinburge arestovali bolee 20 uchastnikov protesta protiv khrama, 2019 [In Yekaterinburg more than 20 protesters against the temple were arrested], *Lenta.ru*, May 16, available at: <https://lenta.ru/news/2019/05/16/protest/> (date of publication: May 16, 2019). (in Russ.).

Vashkevich A.E. *Spontannye sobraniya: natsional'noe zakonodatel'stvo evropeyskikh stran i pretsedentnoe pravo Evropeyskogo suda po pravam cheloveka* [Spontaneous meetings: national legislation of European countries and case law of the European Court of Human Rights], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2013, no. 2 (93), pp. 44-54. (in Russ.).

Velizhanina M.Yu. *Mezhdunarodnye organizatsii i «myagkoe pravo»* [International organizations and "soft law"], *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2007, no. 2 (66), pp. 285-297. (in Russ.).

Zhilin I. *Sledovateley interesuyut troe. V Ekaterinburge vozbudili ugovnoe delo faktu «massovykh besporyadkov» v skvere* [Investigators have interest for three persons. In Yekaterinburg, a criminal case was instituted against the fact of “riots” in the square], *Novaya gazeta*, 2019, June 13, available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/06/13/80880-sledovateley-interesuyut-troe> (date of publication: June 13, 2019). (in Russ.).

Zorkin V.D. *Sut' prava* [The essence of law], *Voprosy filosofii*, 2018, no. 1, pp. 5-16. (in Russ.).

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском языке.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплектует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 40–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант («»). Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая

должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в круглых скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: (Булгаков 1994: 203-204).

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian only.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of science and education of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 40000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indention, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in round brackets (). In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: (Jameson 2009: 167).

11. After-text bibliography includes the List of sources and References.

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 20

Выпуск 1

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *Н.М. Юркова*
Корректор *Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 06.04.2020 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 11,4 Уч.-изд. л. 10,8
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.